

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

A.Aruno, Adriana_R, Albert Beukhof, Alexander Denisenko, Alexander Trost, Ammit Jack, Andrea Izzotti, Andrey Armyagov, anjahennern, Ante Kante, Armelle LL, Arne Beruldsen, Arnon Polin, ArnPas, Arthur Balitskii, Artush, Arunee Rodloy, Bargais, Bildagentur Zoonar GmbH, bluehand, bofotolux, Callipso, Casper1774 Studio, Catchlight Lens, Cavan-Images, Charl A Staffeu, Chill Productions, COULANGES, Craig Fraser, Dan Olsen, Dan_Manila, Danita Delimont, David Herraез Calzada, Denis Martynov, Dennis J Gaspersz, Dirk Ercken, Dmitrii Kash, Doug McLean, Drozhzhina Elena, ecliptic blue, Edwin Butter, Egoreichenkov Evgenii, Fouad Itani, Francisco J Ramos Gallego, Francois Loubser, frank60, G. D. Lohar, Garmasheva Natalia, Gaschwald, Gerald Robert Fischer, Geza Farkas, guentermanaus, Hein Nouwens, IWayan Sumatika, Ian Duffield, Ibe van Oort, igordabari, IgorGolovnirov, Imagine Earth Photography, Independent birds, Ingrid Maasik, Islandjems - Jemma Craig, jeep2499, Jeremy Richards, Johannes Aslaber, Kalaeva, Katja Tsvetkova, khlungcenter, Kima, Kletr, Kletr, kunchit jantana, Kuttelvaserova Stuchelova, KYTan, Laura Alessi, Lebendkulturen.de, LouieLea, Lukas_Vejrik, Luna Vandoorne, Magdanatka, Majna, Marcelorpc, Marek Mierzejewski, Marek R. Swadzba, Martin Hejzlar, Matej Ziak, Matt Bogdan, Merlin74, meunierd, mexrix, Michael Benard, Michail_Vorobyev, Michal Sarauer, mikedray, Mikhail Gnatkovskiy, Milan Zygmunt, mirna, Mogens Trolle, Morphart Creation, Mr.B-king, Mr.Samarn Plubkilang, Mufti Adi Utomo, muratart, Nathan White Images, Natursports, Nick Greaves, Nick Pecker, Nimur, oksana.perkins, OlgaNikitinArt, Ondra H, Ondrej Prosicky, P_vaida, Patryk Kosmider, Paul Looyen, Paul S. Wolf, photomaster, photowind, Piotr Velixar, Pongtawat Photographer, Porojnicu Stelian, RAJU SONI, Rapieff, Rasto SK, rbrown10, reptiles4all, Richard Seeley, Richard Whitcombe, RLS Photo, Robert Adami, Roberto Dani, Rose Waddell, Rostislav Stefanek, Ryan M. Bolton, Samri, Sandra Standbridge, Santhi_Pics, scooperdigital, seasoning_17, Seregraff, Sergey Uryadnikov, Shpatak, Simon Annable, slowmotiongli, Steve Byland, Suvorov_Alex, svetjekolem, Sytilin Pavel, Szczepan Klejbuk, tartmany, Tatiana Belova, Tim Malek, Tobias Hauke, topimages, totalrandomphotos, Travel Faery, Tristan Barrington, Villiers Steyn, Vladimir Wrangel, Volodymyr Goinyk, Vy nguyen 2905, W. de Vries, Wagsy, WitR, Wlad74, worldswildlifewonders, yamaoyaji, yhelpman, yykkaa, zotovstock, Zsolyomi, Olena Gaidarzhly / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Брем, Альфред.

Б87 Жизнь животных : большая иллюстрированная энциклопедия : [перевод с немецкого] / Альфред Брем. — Москва : Эксмо, 2022. — 800 с. : ил. — (Подарочные издания. Энциклопедия Брема и Фабра).

ISBN 978-5-04-171682-0

В этом издании легендарных трудов Альфреда Брема собраны самые популярные виды млекопитающих, птиц, рыб, пресмыкающихся, земноводных, членистоногих и моллюскообразных. Вы откроете для себя неизведанный мир фауны, найдете множество интересных фактов и историй из жизни представителей животного мира со всех уголков нашей планеты. Популярные классы животных разбиты по отрядам для удобства поиска, а уникальные иллюстрации художников-анималистов погрузят вас в атмосферу удивительных приключений и открытий.

**УДК 59(03)
ББК 28.69я2**

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

ПОДАРОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БРЕМА И ФАБРА

Брем Альфред

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

БОЛЬШАЯ ИЛЛУСТРИРОВАННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *Т. Сова*
Ответственный редактор *Н. Чекалова*
Редактор *И. Львова*
Художественный редактор *О. Сапожникова*
Верстка *Р. Федотова, Е. Николаенко*
Корректоры *Л. Юсупова, Н. Калиниченко, Т. Никон*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндiрушi: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесi, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгiсi: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification

Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 08.07.2022.
Формат 84x108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 84,0.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-171682-0

9 785041 716820 >

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

eksmo.ru

Мы в СОЦСЕТЯХ:

[eksmo](https://vk.com/eksmo)

[eksmo.ru](https://t.me/eksmo)

12+

**ЧИТАЙ
ГОРОД**

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКСМО-АСТ»

В электронном виде книги издательства Эксмо вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
одни клик до книги

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРИРОДА КАК ТЕАТР ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ.....	7
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ	13
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	13
ОТРЯД I ОБЕЗЬЯНЫ.....	25
ОТРЯД II ПОЛУОБЕЗЬЯНЫ, ИЛИ ЛЕМУРЫ	57
ОТРЯД III РУКОКРЫЛЫЕ	65
ОТРЯД IV ХИЩНЫЕ	76
ОТРЯД V ЛАСТОНОГИЕ.....	193
ОТРЯД VI НАСЕКОМОЯДНЫЕ	204
ОТРЯД VII ГРЫЗУНЫ.....	213
ОТРЯД VIII НЕПОЛНОЗУБЫЕ.....	248
ОТРЯД IX ХОБОТНЫЕ	254
ОТРЯД X НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ	259
ОТРЯД XI ПАРНОКОПЫТНЫЕ	273
ОТРЯД XII ТРАВояДНЫЕ КИТЫ, ИЛИ СИРЕНЬИ	327
ОТРЯД XIII КИТООБРАЗНЫЕ.....	331
ОТРЯД XIV СУМЧАТЫЕ.....	346
ОТРЯД XV ПТИЦЕЗВЕРИ	359
ПТИЦЫ.....	362
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	362
ОТРЯД I ДРЕВЕСНЫЕ ПТИЦЫ.....	375
ОТРЯД II ПОПУГАИ	448
ОТРЯД III ГОЛУБИНЫЕ	460
ОТРЯД IV КУРИНЫЕ ПТИЦЫ	466
ОТРЯД V ВОДЯНЫЕ КУРОЧКИ	483
ОТРЯД VI ЖУРАВЛИНЫЕ.....	486
ОТРЯД VII ПОИСКОВЫЕ ПТИЦЫ	490
ОТРЯД VIII ЛАСТОКРЫЛЫЕ.....	499
ОТРЯД IX БУРЕВЕСТИКОВЫЕ	501
ОТРЯД X БОЕВЫЕ ПТИЦЫ	505
ОТРЯДЫ XI-XIV	555

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ	564
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	564
ОТРЯД I ЯЩЕРИЦЫ	572
ОТРЯД II ЗМЕИ	586
ОТРЯД III КРОКОДИЛЫ.....	611
ОТРЯД IV ЧЕРЕПАХИ	622
 ЗЕМНОВОДНЫЕ	 634
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	634
ОТРЯД I БЕСХВОСТЫЕ ЗЕМНОВОДНЫЕ.....	641
ОТРЯД II ХВОСТАТЫЕ ЗЕМНОВОДНЫЕ.....	649
 РЫБЫ	 655
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	655
ОТРЯД I КОЛЮЧЕПЕРЫЕ	666
ОТРЯД II СРОСТНОГЛОТОЧНЫЕ.....	682
ОТРЯД III МЯГКОПЕРЫЕ, ИЛИ БЕСКОЛЮЧИЕ	684
ОТРЯД IV ОТКРЫТОПУЗЫРНЫЕ.....	689
ОТРЯД V ПУЧКОЖАБЕРНЫЕ	711
ОТРЯД VI СРОСТНОЧЕЛЮСТНЫЕ.....	713
ОТРЯД VII ТВЕРДОЧЕШУЙНЫЕ	715
ОТРЯД VIII ХРЯЩЕПЕРЫЕ	717
 ЧЛЕНИСТОНОГИЕ	 722
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	722
ОТРЯД ДЕСЯТИНОГИЕ РАКИ.....	725
ОТРЯД УСОНОГИЕ.....	733
ОТРЯД ЖАБЕРНОНОГИЕ	736
 МОЛЛЮСКООБРАЗНЫЕ	 739
КЛАСС ГОЛОВОНОГИЕ	739
КЛАСС БРЮХОНОГИЕ	749
КЛАСС ПЛАСТИНЧАТОЖАБЕРНЫЕ	768
ИГЛОКОЖИЕ	781
КИШЕЧНОПОЛОСТНЫЕ	787

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1860–1870-х годах любители живой природы получили прекрасный подарок. В свет вышли подряд два издания многотомного труда немецкого зоолога и путешественника Альфреда Эдмунда Брема (1829–1884) «Иллюстрированная жизнь животных. Общий очерк царства животных». В первом издании было шесть томов, во втором — уже десять. Впереди «Жизнь животных» (именно под таким названием работа Брема стала известна во всем мире) ожидало бесчисленное множество переизданий, переводов и переработок.

Казалось бы, что такого особенного в том, что в свет вышло очередное исследование мира животных? Наука в XIX столетии развивалась быстро, и разнообразные интересные книги, статьи и популярные издания появлялись постоянно. Однако информация тогда распространялась с гораздо меньшей скоростью, чем сейчас, фотография все еще представляла собой сложный громоздкий процесс, а путешествия были доступны очень немногим. А значит, появление многотомного издания, описывающего животных различных отрядов и видов, населяющих все земные континенты, в любом случае вызывало огромный интерес. Это произошло еще и потому, что многотомник был великолепно иллюстриро-

ван. Изображения для него создавали лучшие художники того времени, уже принимавшие участие в издании различных энциклопедий: Густав Мютцель, братья Август и Фридрих Шпехт, Роберт Кречмер. Животные на их иллюстрациях не просто представлены в привычном им антураже — они живут: охотятся, играют, воспитывают потомство. Например, пумы выясняют отношения из-за охотничьих угодий, летучая мышь-вампир изображена на фоне лагеря путешественников, куда она вскоре направится лакомиться кровью лошадей и ослов, а группа бабуинов с интересом изучает какую-то норку в земле. Многие животные и птицы показаны сразу в нескольких характерных для них позах и движениях.

Альфред Брем родился в семье пастора и по совместительству ученого-орнитолога Людвигу Брема. С ранней юности Альфред начал путешествовать, изучая животных разных стран. Африка, Средняя Азия, Сибирь, Лапландия — практически каждая поездка заканчивалась изданием статей, очерков и книг о жизни зверей, птиц и насекомых, которые с одинаковым интересом читали и маститые ученые, и натуралисты-любители. Несколько лет Брем заведовал зоосадамом в Гамбурге, а также стал основателем Берлинского

аквариума — накопленные к этому времени знания вполне позволяли браться за такие сложные проекты. Но главным трудом его жизни и главным памятником всей его деятельности стала «Жизнь животных».

И при жизни автора, и после его смерти эта работа переводилась на разные языки и переиздавалась — в оригинальном объеме и в сокращении: в одной, двух, трех книгах. Ведь наука не стояла на месте: появлялись новые классификации, менялись некоторые латинские названия, открывались новые виды. В Российской империи «Жизнь животных» впервые перевели и опубликовали в сокращенном виде в 1866 году и впоследствии переиздавали еще и еще. Эти книги пользовались неизменным успехом даже через несколько десятилетий, когда взгляды и выводы Брема, писавшего с позиции современных ему научных взглядов, на основании тех культурных ценностей, которые были близки и понятны человеку XIX столетия, во многом устарели.

Стоит ли читать «Жизнь животных» сейчас? Как стопроцентно научную литературу — нет. Как увлекательную беллетристику, за созданием которой стоят годы напряженного труда, как памятник науки и литературы XIX века — безусловно да.

Конечно, сейчас мы можем найти у Брема множество ошибок и несоответствий — и в области биологии или физиологии животных, и в общенаучных вопросах. Так, если в XIX веке ученые зафиксировали около 2000 видов млекопитающих, то в настоящее время их известно порядка 4500. Или, скажем, зайцы, кролики и пищухи, которых во времена Брема относили к отряду грызунов, сегодня выделены в отдельный отряд зайцеобразных. Кроме того, рекомендации автора относительно того, как нужно спасать укушенного ядовитой змеей, или рассказы о мстительности некоторых пресмыкающихся далеки от принятых в современной научной и научно-популярной литературе

стандартов. Вообще, немецкий ученый (как, впрочем, и большинство его современников) оценивает различные виды животных главным образом с точки зрения их практической полезности. Например, он сурово заключает: «Змеям и крокодилам не должно быть пощады!» Это вполне обычная для той эпохи позиция, ведь в XIX столетии вопросам охраны природы не уделяли столько внимания, как сейчас, и люди нечасто задумывались о том, что многие виды животных достойны жизни хотя бы по причине их крайней редкости.

Разумеется, в изложении Альфреда Брема есть и очень привлекательные черты, и их значительно больше. При всей своей прагматичности автор описывает зверей и птиц почти как людей, называя какие-то виды коварными, глуповатыми или дерзкими, а какие-то — добродушными, преданными, очаровательными в дружбе или даже нежными и трепетными. «Жизнь животных» — это не сухая энциклопедия с таблицами и схемами, а живое, увлекательное изложение с историями из жизни, местными легендами, экскурсами в этнографию, ботанику и даже религиоведение. И при этом оно соответствует научным данным своего времени. Труд Брема — это путешествие по странам и континентам, создающее, как сейчас бы сказали, эффект погружения в жизнь и быт естествоиспытателя XIX столетия.

Предлагаем вашему вниманию сокращенное изложение «Жизни животных» в переводе и под редакцией профессора Харьковского университета, зоолога Александра Михайловича Никольского, относящегося к концу XIX — началу XX века. Мы постарались сохранить особенности изложения профессора Никольского. В книге используется часть иллюстраций, сопровождавших многотомник Брема в его первых, классических изданиях, и добавлены как гравюры из других энциклопедий, опубликованных в те времена, так и работы современных фотографов-анималистов.

ПРИРОДА КАК ТЕАТР ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

Ничто в природе не вечно; все беспрестанно разрушается и восстанавливается, перестраивается, изменяется. Силы природы медленно, но непрерывно работают в двух направлениях: прежнее изменяют или разрушают, новое создают. Деятельность эта проявляется одинаково и в живой, организованной природе, и в так называемой мертвой природе. Стоит только присмотреться к многочисленным явлениям нашей планеты, чтобы уразуметь величие совершающихся изменений и бесчисленные взаимодействия, в которые вступают между собою различные силы природы. Кажущаяся на первый взгляд мертвой, природа в действительности живет полной жизнью.

Перед нами — альпийский ледниковый ландшафт... Тысячи ручьев бегут по поверхности глетчера; из-под земли слышен глухой стон скал, отрывааемых ползучим

ледником со дна его ложа, треск камней, перекатываемых невидимой рукой по скатам морен, слышится гром падающих лавин, разрушающих все на своем пути, — все это ясные и отчетливые голоса природы, понятные для просвещенного наукой наблюдателя. Изъеденные и источенные вершины скал, многие миллионы кубических саженей камня, щебня и мусора, нагроможденные по сторонам древних хребтов в виде россыпей, мощные водные отложения в устьях рек, изуродованные и разрушенные морские берега, пласты лёсса, залегающие на протяжении многих тысяч квадратных верст, — представляют разрозненные страницы огромной книги геологической летописи.

Могучие силы природы, вода в различных состояниях, ветры, климатические факторы дружно работают в течение многих

тысячелетий и производят разнообразные изменения на земной поверхности. Если мы примем это во внимание, то нам становятся понятными многие географические факты, заученные в детстве бессознательно. Мы понимаем, почему к горным хребтам Альп, Урала, к сибирским хребтам всегда примыкают широкие, плоские равнины, состоящие из обломков и щебня, почему по этим равнинам текут со стороны гор реки, почему море на большое пространство мелеет в тех местах, где в него впадают могучие водные потоки, в устьях которых находятся обширные дельты. Для нас становится совершенно понятным и вероятным утверждение геологов, что в предыдущую геологическую эпоху такие горы, как, напр., Альпы, были на 2000 метров выше, чем в настоящее время, что во многих местностях, где в настоящее время простираются плоские равнины, раньше были значительные углубления в виде больших озерных впадин, постепенно заполненные землистыми отложениями рек. Мы знаем, что Женевское озеро 50 000 лет тому назад было вдвое

более, чем в настоящее время, а еще через такой же промежуток времени, вероятно, совершенно заполнится осадками, приносимыми рекою Роной из Альп. Отсюда нетрудно вывести заключение, что со временем высочайшие горные хребты размоются до основания, а современные впадины заполнятся и превратятся в плоские равнины. С другой стороны, тектонические процессы: вулканические явления, землетрясения, вековые колебания суши, а также разрушающая деятельность воды, ветров, неустанно работают над новыми и новыми изменениями лика земной поверхности.

Так непрерывно изменяется мертвая природа, которая на первый взгляд кажется совершенно неизменяемой, навеки застывшей в тех формах, которые созданы Творцом.

Если теперь мы обратимся к живой, организованной природе, то там найдем еще более наглядное доказательство непрерывно совершающихся всевозможных изменений, которые приводят к поразитель-

Альпийские горы (Бернский хребет) и озеро Бахальпзее

ному разнообразию форм растительных и животных организмов.

Долгое время в науке господствовало убеждение, что все эти бесконечно разнообразные формы организмов существуют в неизменном виде от начала веков, но с течением времени многочисленные доказательства заставили изменить это мнение. Еще в начале XVIII столетия ученые убедились в том, что многочисленные окаменелости и отпечатки, похожие на животных и на растения, которые массами находятся в различных напластова-

ниях земной коры, не представляют собой случайной игры природы, но действительно — остатки и следы некогда существовавших на Земле организмов. Внимательно изучая подобные остатки и окаменелости, натуралисты пришли к заключению, что животные и растения прежних эпох значительно отличались от современных нам форм. Стало очевидным, что целые группы организмов, раньше существовавших на Земле, вымерли и, наоборот, в настоящее время мы видим такие формы, которых раньше не было на Земле.

Отличия современных форм от раньше существовавших определились с течением времени с такой ясностью, что знаменитый натуралист Кювье в начале прошлого столетия создал целую теорию катаклизмов, по которой на Земле неоднократно происходили коренные перемены физических условий, сопровождавшихся окончательным уничтожением всех животных и растений, на смену которым появились путем повторных творений новые организмы.

Однако теория эта продержалась недолго, и на смену ей появилось новое учение о постепенном, непрерывном изменении форм организмов. В настоящее время доказано, что внезапных коренных переворотов в природе не существует, а все изменения происходят медленно, но непрерывно. Многочисленные факты убеждают нас в том, что и в настоящее время непрерывно совершаются изменения в составе растительных и животных царств различных стран. Мы видим, что даже за короткую эпоху исторического существования человека общая картина органической жизни тех или других стран сильно изменилась.

Возьмем для примера Северную Италию. Эта благословенная страна в настоящее время представляется путешественнику одним сплошным роскошным садом. Повсюду оливковые рощи чередуются с апельсиновыми, лимонными, среди них простираются обширные виноградники, окаймленные и разделенные аллеями тутовых деревьев, по склонам гор лепятся итальянские сосны (пинии), кудрявые пальмы, развесистые платаны; гордо смотрящие в поднебесье кипарисы украшают сады, вместе с лаврами, миртами, магнолиями, миндальными и гранатовыми деревьями, персиками и многими другими. Повсюду кактусы, опунции и оригинальные агавы. Поля, покрытые сочно-зеленым рисом, широколистным маисом, кормовыми травами и лишь изредка зерновыми хлебами, всюду обрамлены рядами плодовых деревьев. Вечнозеленая, с десятками разнообразных колоритов и цветов, смотрится эта роскошная флора в ярко-лазорево-голубое небо, залитое теплыми лучами блистающего солнца. Ни одно дерево Северной Европы не нарушает гармонии южной флоры этой очаровательной страны.

Между тем существует несомненное доказательство того, что в Северной Италии раньше растительность была иная, и природа не имела такого нарядного вида. Две с половиной тысячи лет тому назад характер природы в Северной Италии был совсем иной. Склоны гор ее были тогда покрыты дремучими лесами, состоящими из деревьев, характерных для северной или средней полосы Европы: елей, сосен, берез, лиственниц, отчасти дубов и буков. Лучи солнца не проникали до земли сквозь густые ветви этих деревьев, и у подножия их, на холодной почве, росли лишь мхи да лишайники. Но постепенно, с увеличением населения, леса эти были истреблены, а на смену им появились вышеперечисленные экзотические растения. Лавры, мирты, гранаты и оливковые деревья распространились в Италии из Греции; из Сицилии были привезены кипарисы уже в III веке до Рождества Христова; платаны и пинии привезены с Востока и акклиматизированы в Италии лишь в конце периода республики; вишни появились впервые во времена Августа, в III веке перенесены лимонные деревья, шелковица и каштаны — в IX веке, померанцы перенесены арабами в XI столетии, в XVI веке португальцы привезли из Южного Китая апельсиновые деревья, а в половине XIX века в Италию привезены мандарины, в XV столетии из Египта был перенесен рис, в XVI столетии — из Америки маис, наконец, в XIX веке перенесены алоэ, агавы, опунции и магнолии.

Перед миллионами этих растений быстро отступали и, наконец, исчезли растения, прежде господствовавшие в стране, так что в настоящее время в этом блестящем обществе южных растений с трудом можно найти одиноко стоящую лиственницу или пихту.

Изменения характера растительности повлекли за собой и коренные преобразования в составе фауны страны. Достаточно сказать, что каждая древесная порода имеет своих животных, исключительно приуроченных к ней, в особенности насекомых и птиц, так что, с исчезновением целого ряда растительных пород, несомненно произошло сильное изменение и в царстве животных.

Только что описанный ход постепенного изменения природы в Италии беспрестанно повторяется и во многих других странах. В течение десятков столетий Европа обменивалась с Азией растениями и животными; с открытием Нового Света установился новый живой обмен, и теперь мы находим на территории Соединенных Штатов Северной Америки более 700 видов различных европейских растений, а такие американские растения, как, например, картофель, маис, табак, распространены по всему Старому Свету. Что касается животного населения, то в нем также в широких размерах беспрестанно происходит обмен даже между весьма отдаленными странами. Известны многие примеры, когда животные, завезенные в другую страну более или менее случайно, настолько акклиматизируются в своем новом отечестве, что становятся даже характерными представителями местной фауны. Так, общеизвестен факт сильного размножения лошадей и рогатого скота в привольных травянистых степях Америки и Австралии, хотя эти животные появились там всего четыре столетия тому назад. Лет 100 тому назад из Европы было случайно завезено в Америку маленькое насекомое — гессенская муха, которая теперь производит на полях Америки большие опустошения; страшный бич виноделия в Европе филлоксера всего лет 30 тому назад завезена из Америки; кролики, бесчисленными полчищами истребляющие поля австралийских хозяев, также привезены из Америки.

Все подобные примеры, которых можно было бы привести сколько угодно, наглядно показывают, как может изменяться природа даже в очень короткий, сравнительно, промежуток времени. Но понятно, что перемены эти могут быть несравненно значительнее на протяжении огромного промежутка времени.

В различных частях Европы от времени до времени находят остатки прежней фауны и флоры этой части света. Лет 30 тому назад в Северной Швейцарии открыто было несколько пещер, которые в отдаленные времена служили убежищем для первобытного человека. В них очень часто находят, вместе с костями человека и различными произведениями рук его, также кости современных ему животных. Тщательные исследования этих остатков, сохраненных в нанесенной водой почве, с несомненностью убеждают, что в ту отдаленную эпоху в этой части Европы состав животных был совершенно иной, чем в настоящее время. Наука открывает нам следующую картину природы, современной первобытному человеку. В лесах тогдашней Швейцарии паслись совершенно вымершие позднее первобытные быки, туры (*Bos primigenius*) и зубры (*Bison priscus*); рядом с ними ходили стадами северные олени, которые теперь обитают лишь в полярных странах, а также мускусные быки, живущие теперь только в Северной Америке и в Гренландии; каменные козлы, благородные олени, табуны лошадей, гигантские мамонты и носороги, близкие родственники современных слонов и носорогов, которые обитают в Африке и в Южной Азии. Из хищных зверей, кроме волка, лисицы, дикой кошки и медведя, в лесах тогдашней Швейцарии водились также: россомаха и песец, нынешние жители арктических стран, а также и львы, и красная лисица. Трудно даже и вообразить себе в настоящее время столь пеструю фауну этого

уголка Европы. Как будто нарочно собрались сюда самые характерные животные со всех концов света, чтобы сложить свои кости в пещерах Швейцарии. Слоны и носороги тропической Азии, африканские львы, мускусные быки арктической Америки, северные олени и песцы полярных стран Европы, лошади среднеазиатских степей собрались вместе в лесах и на полях Северной Швейцарии. И много веков это разнохарактерное общество жило здесь вместе, пока изменившиеся физические условия не разогнали их по отдаленным друг от друга уголкам света.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы уразуметь, что живая природа, окружающая человека, с течением времени изменяется; на наших глазах происходит истребление целых пород, вымирание видов, распространение новых пород животных и растений в той или другой стране. Если вдуматься во всю совокупность подобных фактов, в изобилии доставляемых нам современной наукой, то становится очевидным, что основным фактором в окружающей нас природе является изменение, перестройка, прогресс.

Существует бесчисленное множество наглядных доказательств, что организмы в течение веков прогрессируют в своей организации, что древние формы обладают менее совершенной организацией, чем современные.

Однако изменения в органической природе не везде совершаются с одинаковой скоростью. В тропических странах современные животные и растения более сходны с древними, чем формы умеренных или полярных стран. Так, в жарких странах мы в настоящее время находим многочисленные формы растений бесцветковых и однодольных, которые, как известно, были господствующими в прежние эпохи и появились на Земле ранее цветковых

и двудольных. В животном царстве тропических стран мы находим сумчатых, однопроходных, лемурув, которые в настоящее время совершенно отсутствуют в умеренном поясе, но были там в древнюю эпоху. Из класса птиц в тропических странах также находятся многие породы, близкородственные к вымершим допотоп-

ным животным, как то: страусы, казуары, бескрылы и др. Таким образом, оказывается, что фауна и флора жарких стран менее удалась в современную нам эпоху от форм прежде существовавших, тогда как в странах умеренных и холодных произошли более коренные изменения в составе органического мира.

Если принять во внимание изменение физических условий на Земле, которое происходило в прежние эпохи, то вышеуказанный факт делается понятным. Действительно, мы знаем, что в одну из предшествующих нам эпох в нынешних полярных странах был такой же жаркий климат, как теперь на экваторе; здесь росли пальмы и тропические папоротники, в море обитали полипы, которые могут жить лишь в теплой воде (20 °С), но с течением времени климат этих стран постепенно изменился, а соответственно новым физическим условиям должна была измениться организация растений и животного населения; отсюда понятно, почему формы умеренных и полярных стран ушли в своем развитии далее форм тропических, которые и теперь живут приблизительно в тех же самых условиях, как и раньше. Еще большую устойчивость форм животного и растительного царства можно наблюдать на глубине морей. Физические свойства воды — температура, плотность, степень солености — на большой глубине не подвергаются во времени почти никаким изменениям. Отсюда понятно, что растительные и животные организмы, обитающие в глубине морей, имеют большое сходство с самыми древними организмами, которые в своем развитии как бы задержались.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

ОБЩИЙ ОЧЕРК

Еще недавно класс млекопитающих считали вполне определенной группой позвоночных животных. Характерными признаками этого класса считали молочные железы, служащие для первоначального вскармливания детенышей, и волосяной покров тела. Однако оба эти признака не могут быть названы существенными, так как, например, у китов волосами покрыта только верхняя челюсть, да и то лишь в зародышевом состоянии, а с другой стороны, у однопроходных млекопитающих не развиваются настоящие млечные железы, и они вскармливают детенышей молоко-

образной питательной жидкостью, выделяемой трубчатыми железами без сосков. Тем не менее оба указанных признака являются весьма важными для характеристики млекопитающих. Единственный признак, которым млекопитающие действительно отличаются от всех других классов позвоночных, составляет полная грудобрюшная преграда, отделяющая грудную полость от брюшной; что же касается рождения живых детенышей, то оно свойственно не всем млекопитающим, так как однопроходные, подобно птицам и рептилиям, откладывают яйца.

Скелет у всех млекопитающих построен довольно однообразно. Позвоночный столб резко разграничен на пять отделов: шейный, грудной, поясничный, крестцовый и хвостовой; только у китообразных, которые не имеют задних конечностей, крестца нет. Шейный отдел почти всегда состоит из семи позвонков, причем длина шеи не имеет никакого значения: у жирафы шея состоит из столько же позвонков, как у крота, свиньи и медведя. Грудной отдел столба состоит из 10–24 позвонков, поясничный из

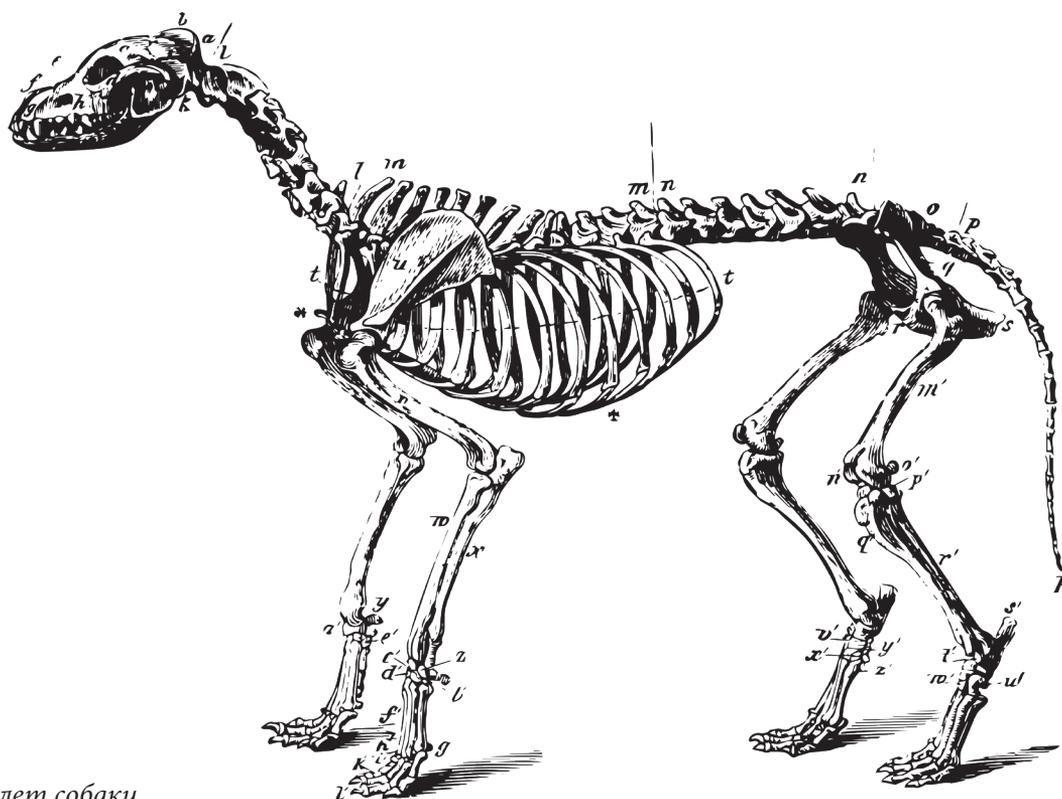
2–9, крестцовый из 1–9, и только в хвостовом отделе встречаются сильные вариации от 4 (у некоторых обезьян и у человека) до 46.

Зачаточные ребра имеются иногда и на других позвонках, но настоящие ребра сочленяются лишь с грудными позвонками и, соединяясь спереди грудною костью, образуют грудную клетку. Череп у всех млекопитающих состоит из одних и тех же костей, которые и сочетаются между собою довольно однообразно, соединяясь посредством швов.

Плечевой пояс состоит из двух лопаток и двух ключиц, хотя последних у некоторых млекопитающих совсем нет (напр., у копытных), у других ключицы не вполне развиваются или заменяются связками, как, напр., у грызунов и некоторых хищных.

Таз состоит из 3 пар костей: подвздошных, лобковых и седалищных, которые плотно срастаются между собой; у китообразных настоящего таза нет, и о нем напоминает лишь пара маленьких косточек.

Передние конечности в большинстве случаев, наравне с задними, служат у млекопитающих для передвижения по земле, но могут приспособляться и к другому назначению. Так, напр., у тюленей и моржей они превращены в ласты, у китообразных — в плавники, у летучих мышей приспособлены к летанию, наконец, у человека и обезьян — к хватанию. Плечевая кость обыкновенно сильно укорочена. Локтевая развита слабее лучевой и служит для сочленения кисти с плечом. У обезьян и человека лучевая кость сочленена подвижно и делает возможным вращательные движения кисти. Кисть передней конечности состоит из запястья, пясти и пальцев, развитых в различной степени. Запястье состоит из 7 костей,

Скелет собаки

расположенных в два ряда, иногда некоторые косточки между собой сливаются. Число костей, из которых состоит пясть, различно, соответственно числу пальцев, которых у млекопитающих бывает не больше пяти, но часто менее. Первый палец, считая с внутренней стороны, так наз. большой, состоит из двух, а все остальные из трех суставов; только у китообразных число суставов увеличено. Уменьшение числа пальцев начинается с исчезновения большого; у парнокопытных развивается лишь два средних, а крайние недоразвиваются или совсем исчезают; у непарнокопытных более всех других развивается третий палец, а у однокопытных остается только он один.

В задних конечностях бедренная кость, которая у человека является самой длинной, у большинства млекопитающих бывает короче голени; из двух костей последней большая берцовая получает преобладающее развитие, между тем как малая берцовая часто совсем исчезает. У некоторых лазящих млекопитающих большая берцовая кость отчасти вращается вокруг малой, подобно лучевой у человека. Предплюсна, как и запястье, состоит из нескольких мелких костей, из которых пяточная снабжена выдающимся назад отростком, к которому прикрепляется ахиллесово сухожилие; некоторые кости предплюсны иногда сливаются между собой. Кости плюсны и пальцы задних конечностей обыкновенно соответствуют запястью и пальцам передних конечностей, но относительная длина их весьма различна. Одни млекопитающие при хождении касаются земли всей стопой задних ног и всей костью передних; другие ходят лишь на пальцах, тогда как кости плюсны и пальцев приподняты над землей и вытянуты.

Наружный покров почти у всех млекопитающих составляет шерсть, лишь у немногих нет этого покрова, как, напр., у слонов, бегемотов и китообразных. У некоторых шерсть состоит из волос двух сортов: густых, мягких и более коротких, составляющих пух или подшерсток, и более длинных, толстых, составляющих собственно шерсть. У некоторых млекопитающих (у ящера) покров состоит из роговых чешуи, налегающих друг на друга, которые могут приподниматься ошетиливаться. На концах пальцев у млекопитающих образуются роговые выросты — когти, или пластинчатые покровы — копыта. Кроме того, у многих млекопитающих имеются особые роговые образования, как, напр., рога, покрывающие особые костные выросты черепа, небные пластинки, так наз. китовый ус и др. У броненосцев покров состоит из костяных пластинок, составляющих панцирь.

В коже млекопитающих развиваются железы двух родов, потовые и сальные. Первые состоят из цилиндрических трубочек, нижний конец которых лежит в соединительнотканном слое кожи и свернут здесь в клубочек, а выводной канал с противоположной стороны открывается наружу. Сальные железы имеют мешковидную или гроздевидную форму. Оба рода желез в различных частях тела видоизменяются различным образом и выделяют иногда специальные пахучие вещества. Молочные железы также следует отнести к железам кожи; каждая молочная железа состоит из скупенной массы отдельных кожных желез, которые и по своему строению, и по способу образования своего отделения сходны с сальными. Лишь у однопроходных (утконоса и ехидны) молочные железы построены по типу трубчатых желез и, следовательно, сходны с потовыми железами, а не с сальными.

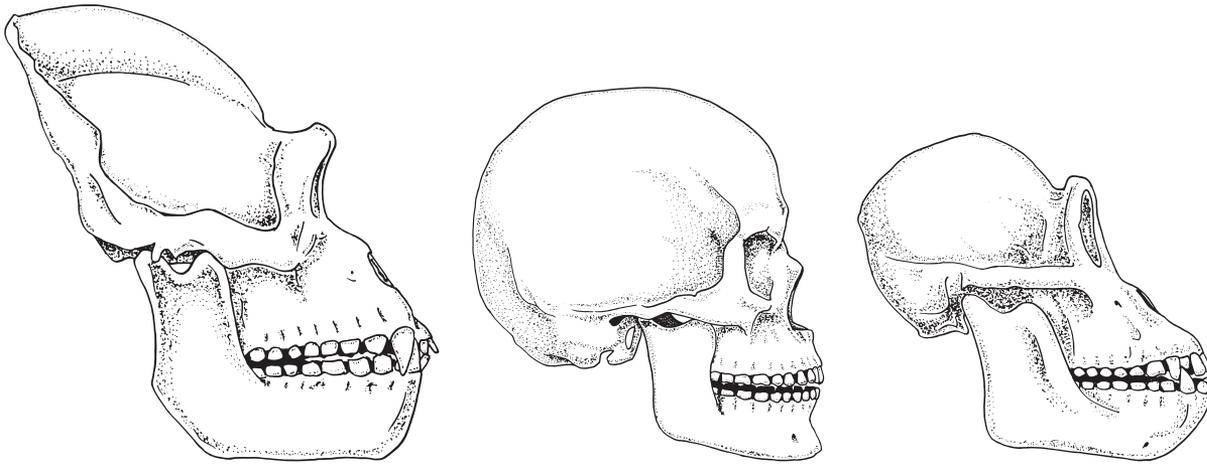
Грудобрюшная преграда, или диафрагма, составляет характерный анатомический признак млекопитающих. Она представляет собою мускулистую перегородку, которая

вполне отделяет грудную полость от брюшной, прикрепляясь к позвоночному столбу, ребрам и грудной кости. Диафрагма играет важную роль в процессе дыхания. Зубы есть у всех млекопитающих, кроме однопроходных, некоторых китообразных, ящера и муравьеда. У китообразных и у однопроходных зубы развиваются лишь в зародышевой стадии, а затем выпадают. Они сидят всегда в ячейках челюстных костей. Различают четыре рода зубов: резцы, клыки, ложнокоренные и истинные коренные. Зубы в каждой челюсти обыкновенно соответствуют промежуткам в другой челюсти. Для обозначения числа зубов, что имеет значение для систематики, употребляют особую формулу, имеющую вид дроби, в которой над чертой обозначаются число зубов каждого рода в половине верхней челюсти, а под чертой — в половине нижней челюсти. Так, напр., зубная формула человека и обезьян Старого Света изображается $2.1.2.3/2.1.2.3.$, т. е. резцов $2/2$, клыков $1/1$, ложнокоренных $2/2$, истинно коренных $3/3$. У большинства млекопитающих происходит смена первоначальных, так называемых, зубов на постоянные. Величина, форма и строение зубов вполне соответствует роду пищи животных. Скелет млекопитающих приводится в движение мускулами, или мышцами, которые в обыденной жизни называются мясом. Мускулы находятся в полном соответствии с особенностями скелета и образом жизни животного, поэтому не все мускулы одинаково развиты у различных млекопитающих, а иногда некоторые мускулы даже и совсем отсутствуют. Те млекопитающие, которые лазают, копают, хватают и вообще производят конечностями значительную работу, обладают сильными грудными мускулами; у бегающих сильно развиты мускулы бедра и голени; у некоторых хвостовые мускулы развиты особенно сильно, так как они пользуются хвостом как пятой конечностью.

Органы пищеварения хотя и сходны в основных чертах у всех млекопитающих, но значительно отличаются в частности. Рот всегда снабжен более или менее мясистыми губами, в которых сильно развито чувство осязания. Между губами, щеками и челюстями у некоторых млекопитающих образуются боковые мешковидные выступы, так наз. защечные мешки. Язык у некоторых сильно развит и служит не только органом осязания и вкуса, но помогает также и проглатыванию пищи. Поверхность его бывает или гладкая, или покрыта мягкими сосочками, а у семейства кошачьих — роговыми шипами. Глотка продолжается пищеводом, который непосредственно расширяется в желудок. Последний всегда имеет более или менее тонкие стенки и бывает или простой, или сложный, состо-

ящий из нескольких отделений. Наиболее сложно устройство желудка у жвачных, у которых пища, уже побывав в двух отделах желудка, отрыгивается, пережевывается и снова отправляется в третье отделение желудка, где начинает перевариваться. У млекопитающих имеется несколько придаточных органов пищеварения, каковы: печень, слюнные железы, поджелудочная железа. Кишки разделяются на несколько отделов.

Органы дыхания у млекопитающих состоят из гортани и легких. Гортань отличается присутствием трех хрящей; щитовидного, перстневидного и черпаловидного; кроме того, отверстие гортани прикрывается надгортанным хрящом. У всех млекопитающих, кроме китообразных, в полости гортани имеются голосовые связки, кото-

Череп гониллы, человека и шимпанзе (слева направо)

рых различаются две пары. Дыхательное горло делится на две бронхи. Легкие обыкновенно разделены на лопасти.

Сердце сплошной перегородкой разделено на два отдела, из которых каждый также разделяется на две части, так что сердце вполне четырехкамерное. Сердце заключено в так называемую околосердечную сумку. Сосудистая система построена одинаково у всех млекопитающих с незначительными отклонениями. Артерии имеют упругие стенки, вены снабжены внутри клапанами.

Головной мозг у большинства млекопитающих сильно развит, в особенности передний, или большой, мозг и мозжечок. Между полушариями большого мозга и мозжечка существует целая система поперечных связок. Относительное развитие большого мозга соответствует степени совершенства организации животных. У низших млекопитающих полушария большого мозга только лишь отчасти прикрывают остальные отделы. У хищных и копытных большой мозг доходит сверху до мозжечка, а у обезьян и человека прикрывает и мозжечок. Поверхность полушарий большого мозга

у низших млекопитающих совершенно гладкая, у остальных неровная, со множеством выпуклостей и извилин, разделенных более или менее глубокими бороздами.

Органы чувств очень сходны по своему строению у всех млекопитающих. Главным органом осязания служат губы, а также конец носа, который у некоторых млекопитающих вытянут в хобот. Орган обоняния у млекопитающих развит более, чем у каких-либо других животных. Вертикальной перегородкой носовая полость разделяется на две половины, открывающиеся спереди наружу, а сзади — в глотку. Боковые стенки носовой полости образуют множество небольших ячеек (лабиринт). Разветвление обонятельного нерва заканчивается в слизистой оболочке, выстилающей полость носа. Наружные носовые отверстия — ноздри — могут расширяться или суживаться особыми мускулами. У водных животных, как, напр., у тюленя, они могут совсем закрываться. Устройство внутреннего уха очень сложно. Для ориентирования в пространстве имеются три полукружных канала, которые расположены в трех взаимно перпендикулярных плоскостях. Форма и величина

наружного уха очень различны. У некоторых наружная раковина совсем отсутствует.

Органы зрения очень совершенны; мигательная перепонка существует не у всех млекопитающих; а веки, наоборот, хорошо развиты и снабжены ресницами. У крота глаза сверху прикрыты кожей.

Млекопитающие обладают в высокой степени совершенства способностью передвижения: они ходят, бегают, прыгают, лазают, летают, плавают и ныряют. Однако, по отношению к подвижности, млекопитающие сильно уступают птицам. Лишь немногие млекопитающие любят бесцельные движения взад и вперед ради удовольствия, которые так свойственны большинству птиц. Они имеют более серьезный нрав и избегают бесполезного напряжения сил. Иное мы видим у птиц. У них двигаться значит жить и жить значит двигаться. Птица всегда готова порхать, парить в высоте или бегать. Ее маленькое сердце бьется быстрее, ее кровь быстрее движется по сосудам, ее тело кажется более гибким и стройным, чем у млекопитающих, которые по большей части лишь тогда чувствуют себя вполне счастливыми, когда, по возможности, удобнее улягутся и могут спать или дремать.

Многие млекопитающие способны очень быстро двигаться. Так, напр., хорошая скаковая лошадь на расстоянии нескольких километров может бежать около 15 метров в секунду; большей быстроты не встречается ни у одного наземного животного, но сравнительно с быстротою птичьего полета она представляется ничтожной; даже тяжело летящая ворона может успешно состязаться в скорости со скаковой лошадью. Почтовые голуби летят со скоростью от 15 до 23 метров в секунду и с такой быстротой могут лететь в течение многих часов. Что же сказать о наилучших летунах: соколах, фрегатах, ласточках, которые движутся несравненно быстрее курьерского поезда?!

Большинство млекопитающих ходит на четырех ногах, но есть и двуногие, как ковы тушканчики и кенгуру. Впрочем, ни одно животное, кроме человека, не ходит по земле с прямо стоящим туловищем: что же касается кенгуру, то они ходят, в сущности, на трех конечностях, так как длинный мускулистый хвост исполняет то же назначение, как и ноги.

Прыганье млекопитающих происходит различным образом или с помощью толчка двух задних лап, или всех четырех, но главная роль принадлежит все-таки задним ногам. Впрочем, сила прыжка у млекопитающих весьма незначительна, сравнительно с их величиной, и в этом отношении их далеко превосходят многие низшие животные.

Очень замечательно и разнообразно лазанье млекопитающих, из которых многие всю жизнь проводят на деревьях. Не только все четыре конечности, но также и хвост принимает в этом большое участие и часто служит органом прикрепления и привешивания тела; в особенности развита эта способность хвоста у обезьян Нового Света. У многих млекопитающих органом лазания являются также когти, которые позволяют им очень быстро карабкаться по деревьям и скалам. Замечательно, что и копытные животные умеют очень хорошо лазать по крутизне, даже неуклюжие великаны, каковы: слон, носорог, бегемот, буйвол — с большой ловкостью могут взбираться по страшно крутым, головоломным горным тропинкам; но самыми артистическими акробатами являются, без сомнения, обезьяны.

Летание млекопитающих, в сущности, есть только жалкая пародия на полет птиц; даже наиболее приспособленные к этому роду передвижения летучие мыши далеко уступают пернатым летунам; что же касается летяг и летучих сумчатых, то они пользуются своими

кожистыми крыльями лишь как парашютом, облегчающим им падение, но неспособны лететь вверх или по прямой линии.

Гораздо более приспособлены млекопитающие к передвижению в другой стихии — в воде. Способность плавать и нырять дарована очень многим млекопитающим не только настоящим водным, но и наземным. Совершенно не способны держаться на воде только очень немногие из млекопитающих, как, напр., человекообразные обезьяны и павианы. Приспособления для плавания встречаются у млекопитающих самые разнообразные. Ноги, одетые в копыта, представляют очень несовершенный орган плавания, тем не менее между копытными животными встречаются и настоящие водные, как, напр., бегемот, который почти всю жизнь проводит в воде. У настоящих водных животных появляются более совершенные приспособления для плавания в виде перепонок, соединяющих пальцы.

Тюлени стоят посредине между животными, снабженными лапами, и настоящими рыбообразными млекопитающими. Ласты их, в сущности, те же плавники, так как пальцы их покрыты кожей, соединяющей их, и снаружи остаются видными только когти. У китов и этот признак отсутствует: пальцы тесно и неподвижно связаны между собой посредством хрящевой ткани; задние конечности отсутствуют, а хвост расширяется горизонтально и образует плавник; таким образом, является нечто среднее между млекопитающим и рыбой. Такое различие по форме и расположению органов изменяет и движение. Копытные и животные, имеющие лапы, при плавании ударяют ими вниз, как бы ходят по воде, и таким образом подвигаются вперед; ластоногие и рыбообразные передвигаются с помощью ластов, которыми работают как веслами. Животные, у которых лапы

Раздвоенный «фонтан» над дыхательным отверстием южного кита

снабжены плавательными перепонками, складывают их, занося ногу вперед, и расширяют при обратном движении. Быстрота плавания у некоторых животных бывает поразительная. Большие киты плывут по 18–25 километров в час, что составляет около 7 метров в секунду, а дельфины могут плавать еще быстрее и шутя обгоняют самый быстроходный пароход.

Деятельность внутренних органов, как, напр., кровообращения и пищеварения, совершается у млекопитающих медленнее, чем у птиц, сердце работает не так быстро, и, соответственно этому, температура крови несколько ниже, чем у птиц. Обмен воздуха в легких совершается значительно медленнее, в особенности у водных млекопитающих, которые вследствие этого могут очень долго оставаться под водой. Кит может оставаться под водой минут 40, кашалоты в случае надобности могут пробыть даже более часа.

Поразительно замедление дыхания, которое происходит у животных во время зимней спячки. Так, напр., сурок, который в бодрствующем состоянии в течение двух дней совершает 72 000 дыхательных движений, во время спячки за 6 месяцев дышит

Кошки отличаются тонким слухом и обонянием

лишь 71 000 раз и, следовательно, потребляет за все это время лишь $\frac{1}{90}$ часть того количества воздуха, которое потребно ему в бодрствующем состоянии.

Способность голоса в смысле силы и разнообразия развита у млекопитающих гораздо меньше, чем у птиц. Нет ни одного млекопитающего, голос которого может быть назван музыкальным и приятным, у громадного же большинства он очень неблагозвучен.

Всемогущая любовь одаряет птицу чарующими тонами, которые возбуждают восторг в наших сердцах; напротив, из горла млекопитающего та же любовь извлекает раздражающие уши звуки. Как велика разница между песней любви соловья и кошки! У последней каждый тон изуродован и искажен, каждый естественный звук превращен в мучительные, раздражающие ухо диссонансы; у соловья же дыхание становится чудным пением, а пение это — прекраснейшей любовной поэмой в звуках и тонах.

Пищеварительный аппарат у млекопитающих построен очень совершенно, но самый процесс пищеварения совершается гораздо медленнее, чем у птиц; во время зимней спячки пищеварение может прерываться на целые месяцы.

Итак, в телесной организации, по крайней мере в некоторых отношениях, млекопитающие уступают птицам, но душевные их способности — безусловно, наивысшие из всех животных.

Деятельность органов чувств, которая у животных является единственным проявлением душевной способности, у рыб, пресмыкающихся и земноводных сравнительно ничтожна, довольно ограничена также и у птиц, и только у класса млекопитающих все внешние чувства достигают наибольшего развития. У млекопитающих обнаруживается уже всесторонность в развитии чувств, которая у человека достигает полного развития, и поэтому млекопитающие по справедливости стоят во главе всего животного царства.

Осязание очень хорошо развито у млекопитающих. Огромный кит, при незначительном прикосновении к его коже, тотчас же ныряет; слон сейчас же замечает муху, которая сядет на его толстую, по-видимому, совершенно нечувствительную кожу, но все эти животные даже и приблизительно не могут сравняться в этом отношении с человеком. Даже копытные животные обладают чувством осязания в ногах, несмотря на свои толстые роговые копыта. Осязательная способность, между прочим, развита у млекопитающих в усах. Кошка, крыса или мышь постоянно пользуются усами для ощупывания предмета в то время, когда, по-видимому, обнюхивают его.

Чувство вкуса в настоящем своем виде существует только у млекопитающих и сосредоточивается в языке. Жесткий язык верблюда, который не повреждается даже острыми колючками мимоз, прекрасно чувствует вкус соли, точно так же слон с наслаждением лижет сладости и испытывает приятное ощущение, когда его грубый язык придет в соприкосновение со спиртными напитками.

Обоняние у большинства млекопитающих очень сильно развито. Собака безошибочно различает чутьем среди тысячи других человеческих следов — следы своего господина, оставленные несколько часов тому назад, или следует за дичью, которая прошла известным путем, благодаря вполне сознаваемому ею запаху, причем запах этот ею отличается от сотни других запахов, существующих на том же месте. Что запах этот не может быть силен, явствует из того, что он происходит от газа, выделившегося от мгновенного прикосновения сапога или ноги животного к почве. Ясно представить себе эту степень чутья прямо невозможно. Северный олень чует человека даже на расстоянии 500 шагов, африканский слон тотчас же чует старые следы человека, оставленные за несколько часов в открытой местности, в степи, заросшей кустарником. Замечательно, что все животные, обладающие хорошим обонянием, имеют влажные носы. Нос кошки уже гораздо суше, чем нос собаки, нос обезьяны еще суше, чем нос кошки; нос человека, в свою очередь, суше, чем нос обезьяны. Постепенно убывающая способность обоняния у этих млекопитающих стоит в полном согласии с влажностью органа обоняния. Интересен тот факт, что благоухания, приятно щекочущие малочувствительные носы, для всех животных с тонким обонянием оказываются неприятными: собака с таким же отвращением отворачивается от одеколona, как и от сероводородного газа. Лишь животные с плохим обонянием любят сильные запахи и приходят в неистовство от них, как кошка — от валерианы; животные с хорошим чутьем тщательно избегают всех газов, возбуждающих нервы, боятся их даже, так как сильные запахи причиняют им, вероятно, боль, что случается, впрочем, нередко и с людьми, стоящими на низкой ступени образования, так называемыми дикарями.

Превосходит ли у млекопитающих чувство слуха чувство обоняния или наоборот — вопрос спорный. Бесспорно, однако, что чувство слуха достигает у млекопитающих такого развития, как ни в каком другом классе животных. Чувство слуха, правда, довольно сильно развито уже у нижестоящих классов животного царства, однако оно нигде не развито в такой степени, как в двух высших классах; самое совершенное ухо птицы всегда стоит гораздо ниже, чем ухо млекопитающего. Что птицы отлично слышат, вытекает уже из их музыкальных дарований: они развлекают и одушевляют друг друга своими прекрасными песнями, и ухо их довольно чутко ко всяким звукам. Но замечательно, что лучшие певуны между ними обладают наименее развитым ухом, между тем как для всех птиц с тонким слухом, каковы, напр., все совы, пение певчих птиц кажется очень неприятным. Почти то же замечается и у млекопитающих. Здесь уже наружное, а еще более внутреннее строение уха показывают степень совершенства слуха; но эта способность может доходить до такой высокой степени развития и сделаться столь тонким, что звуки, кажущиеся благозвучными более тупым или привычным ушам, становятся для чуткого животного резкими и неприятными.

У человека чувство слуха, в смысле способности различать слабые звуки, как и чувство обоняния, развито хуже, чем у млекопитающих, но это несколько не вредит его господствующему положению среди природы: равномерное развитие всех чувств все-таки значительно возвышает его над всеми животными.

Способность слышать у млекопитающих весьма различна. Ни одно из них не может считаться совсем глухим, но действительно тонким слухом обладают лишь немногие.

Об остроте слуха млекопитающих трудно судить. Мы знаем, что очень многие

млекопитающие в состоянии различать шум, который мы не замечаем, но как далеко простирается эта способность и эта разница с восприятием слухового аппарата человека, нам неизвестно. Кошка и сова слышат шум, который производит бегущая мышь, но мы не можем определить, на каком расстоянии они могут еще отличать тихие шаги от шороха ветра. Ушан слышит, вероятно, шум от полета маленьких бабочек, который для нас совершенно неуловим; степная лисица различает по слуху даже на порядочном расстоянии ползание жука по песку; олень улавливает шум шагов охотника, по-видимому, даже на расстоянии полутора метров. Но все эти данные лишь приблизительно и не могут быть проверены точным измерением.

Чувство зрения не достигает у млекопитающих такой остроты, как обоняние и слух, и в этом птицы сильно превосходят их. Можно предполагать, что из дневных млекопитающих едва ли какое превосходит человека остротой зрения. Известно, что многие из них даже вблизи не скоро сумеют распознать врага, в особенности если он стоит неподвижно. Ночные млекопитающие обладают самым острым зрением и, бесспорно, превосходят в этом человека. У ночных животных зрачок имеет различную форму днем и ночью. Обыкновенный дневной свет кажется для них слишком ярким, невыносимым для глаз, поэтому зрачок суживается и превращается в тонкую линию, между тем как по мере наступления темноты все расширяется и, наконец, становится совершенно круглым. Таким образом регулируется количество световых лучей, падающих на сетчатую оболочку.

Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности и чувствительности. Они обладают способностью различать предметы, имеют представление

о времени, месте, о цветах и звуках: умеют узнавать и припоминать прежде виденное, наблюдают и до некоторой степени даже рассуждают. Путем наблюдения они составляют себе известную опытность, которой прекрасно умеют пользоваться: они распознают опасности и придумывают иногда даже очень остроумные способы, чтобы их избежать. Животные эти проявляют симпатии или антипатии к различным лицам.

Совокупность душевных способностей млекопитающего составляет его характер. Животное может быть мужественным или трусливым, честным или вороватым, прямодушным или коварным и хитрым, доверчивым или подозрительным, миролюбивым или задорным, веселым, жизнерадостным и беззаботным или печальным, угрюмым, общительным или необщительным и проч., и проч. Подобных черт характера того или другого млекопитающего животного можно насчитать очень много.

Характер животных складывается в очень значительной степени в зависимости от условий воспитания. При тех или иных условиях высокоорганизованное животное может стать «образованным» и «благовоспитанным» — или грубым, «невежественным». Наилучшим воспитателем животных является, конечно, человек, который сумел воспитать многочисленные породы домашних животных, характер которых сильно отличается от их некультурных родичей.

Большинство млекопитающих живет обществами различной величины, но не такими громадными, в какие скопляются иногда птицы. В стаде всегда есть вожак, которому все члены его подчиняются: в большинстве случаев во главе стада становится старый опытный самец, который добивается этой чести не без труда, после упорных битв со всеми соперниками. Вожак принимает на себя заботу о безопасности всего стада и защи-

щает слабых членов его. В виде исключения у жвачных животных вожаком стада иногда является старая бездетная самка.

Питаются эти животные или растительными веществами, или другими животными, а есть и такие, которые питаются самой разнообразной пищей, как растительной, так и животной.

Соответственно этому весьма разнообразны способы хватания пищи и ее принятие. В большинстве случаев пища схватывается ртом: у других животных есть специальные органы хватания — хобот у слона, руки у обезьян и др.

Сравнительно с птицами, млекопитающие едят немного, так как и жизненная энергия у них проявляется сравнительно меньше. Особенно сильно понижается жизнедеятельность у некоторых млекопитающих во время спячки, когда соответственно этому понижается и температура их тела.

Жизнь млекопитающих более однородна, чем у птиц, свободных обитателей воздушной стихии. Большинство проводит свой день между сном и едой, добывание которой поглощает все их внимание.

Забота о потомстве лежит главным образом на самках, которые в большинстве случаев одни добывают пропитание детенышам, охраняют их, нередко с поразительным самопожертвованием, и заботятся об их первоначальном воспитании, а еще раньше устраивают логовище и стараются обставить его с возможным комфортом.

У ехидны яйца помещаются в особую складку кожи на брюхе самки, где они и находятся до окончания развития. Подобно этому сумчатые помещают в свою сумку новорожденных детенышей, где те кормятся молоком и вынашиваются до тех пор, пока станут настолько взрослыми, что могут сами о себе заботиться. Степень развития детены-

Жеребенок может следовать за матерью практически сразу после рождения

шей при появлении на свет весьма различна. У всех хищников они рождаются слепыми и совершенно беспомощными, у других отрядов детеныши появляются гораздо более развитыми, так что через короткое время способны следовать за своей матерью.

Отношение самцов к детенышам по большей части безразлично, иногда даже враждебное, так что мать старается тщательно скрывать своих детей от отца, который при случае даже пожирает их. Гораздо реже встречается у млекопитающих заботливость отца о своем потомстве.

Продолжительность жизни у млекопитающих весьма различна, но сравнительно с их величиной вообще невелика: тридцатилетнего возраста достигают лишь очень немногие.

Млекопитающие, безусловно, самые полезные из всех животных. Они не только доставляют человеку мясо, шерсть, кожу, кости (клыки моржей и слонов) и др. продукты, но, что еще более важно, получив от человека соответственное воспитание, служат ему, исполняя самые разнообразные работы, и отдают в его распоряжение не только свою мускульную силу, но также свои острые чувства и дарованные природою таланты. Собака считается даже лучшим другом человека.

Млекопитающие распространены по всему свету: по всем морям и океанам, по всем материкам и частям света и по всем более значительным островам. Только океанические острова, которые никогда не были в связи с материками, не населены млекопитающими, за исключением летучих мышей. Однако области распространения определенных видов млекопитающих не очень обширны; даже водные млекопитающие обитают лишь в определенных областях моря, вблизи берегов той или другой страны.

Вышеуказанные зоогеографические области установлены, главным образом, на основании распределения на Земле млекопитающих животных; из них каждая характеризуется ей одной свойственными млекопитающими.

Палеарктической области свойственны из обезьян бесхвостая мартышка, несколько родов настоящих кротов, хорек и барсук, некоторые лани и антилопы, мускусная кабарга; характерны, но не исключительно этой области свойственны быки, овцы, козы, медведи и др.

Эфиопская область — родина гориллы и шимпанзе, многих полуобезьян, жирафы, бегемота, разных видов зебры, множества видов антилоп; исключительно этой области свойственны капский муравьед, прыгунчики. Медведей и оленей здесь совсем нет.

Индийская область характеризуется орангутангом, гиббоном, королевским тигром, индийским слоном и двуцветным тапиром; лори, летающий маки, несколько видов виверр и антилоп, особый вид носорога также составляют характерных обитателей этой области.

Австралийская область наиболее резко отличается по составу фауны от всех остальных. Здесь — родина самых низших млекопитающих — однопроходных и сум-

чатых. Кроме них, в этой области нет никаких местных млекопитающих. Переходную полосу между двумя последними областями, граница которых проходит между островами Бали и Ломбок, между Борнео и Целебесом, между Филиппинскими и Молуккскими, составляет остров Целебес. Здесь, кроме представителей обеих этих областей, водятся совершенно своеобразные млекопитающие, которые не встречаются больше нигде. Это — бабирусса, вид буйвола, и одна обезьяна. Новая Зеландия имеет своих характерных животных (один вид крысы и выдру).

Неоарктическая область во многих сходна с палеарктической; здесь есть очень много видов, общих обеим областям (рыси, волки, лисицы, олени, бобры и др.), а другие хотя и отличаются, но незначительно. Характерными животными являются несколько видов кротов (звездорыл), вонючка, еноты, вилорогая антилопа, опоссум и др. Ежей и свиней нет.

Неотропическая область обособлена от неоарктической и от других почти так же резко, как и Австралийская область, но гораздо богаче ее видами. Характерными животными являются неполнозубые, сумчатые и грызуны; из них специально местные — несколько пород цепкохвостых обезьян, вампиры, носухи, пекари, ламы, ленивцы, броненосцы, муравьеды, шиншилла, агути, несколько видов двуутробок; овец, быков, антилоп совсем нет; вместо свиней, слонов, носорогов Старого Света — пекари и тапиры.

Число всех живущих в настоящее время видов млекопитающих достигает более 2000, которые распределяются неравномерно по странам света: в Азии около 350, в Америке — 400, в Африке — 240, в Европе — 150 и в Австралии — 140.

ОТРЯД I ОБЕЗЬЯНЫ

(Pitheci)

Величина обезьян очень различна: некоторые из них, напр. горилла, достигают роста человека, другие, как, напр., игрунка, не более белки. Точно так же разнообразна и внешность их. По внешности их можно разделить на три группы: человекообразные, собакоподобные и векшеподобные. Это сравнение как нельзя лучше характеризует их фигуру. Конечности обезьян иногда короткие, мускулистые, а иногда — тонкие и длинные; у большинства — есть длинный хвост, у других он короток; а есть и совершенно бесхвостые обезьяны. Точно так же замечается разнообразие и в волосяном покрове, который у одних обезьян жидкий и короткий, у других — густой и длинный, в виде настоящего меха. Цвет шерсти — обыкновенно темный, но у многих обезьян есть на теле ярко окрашенные

места: наконец, встречаются почти совершенно белые обезьяны — альбиносы (их особенно почитают в «стране Белого Слона» Сиаме).

При всем, однако, разнообразии внешнего вида обезьян, внутреннее строение их тела довольно однообразно. Их скелет по форме костей довольно похож на человеческий костяк; мало отличаются от человеческих и зубы, по числу и строению. У некоторых видов, особенно у мартышек и павианов, замечаются так называемые защечные мешки, т. е. особые расширения внутренних стенок рта, соединенных с ротовой полостью особым отверстием и служащих обыкновенно обезьяне для временного сохранения пищи. Человекообразные и обезьяны Нового Света совершенно лишены этих «мешков».

По устройству конечностей, приспособленных для хватания, обезьян называют четырехрукими, так как у них большой палец может быть противопоставлен остальным пальцам, как на руке человека. Однако и это — не общий признак: у игрунок такое устройство пальцев замечается только на задних конечностях. Кроме того, и у всех вообще обезьян существует все-таки некоторая разница между строением кисти руки и ступни, так что правильнее было бы назвать обезьян двурукими. В этом, да и еще кой в чем они, несомненно, походят на человека. Зато существуют и резкие различия этих животных от человека:

прежде всего, их туловище покрыто шерстью, передние конечности несоразмерны с телом — длинные, а задние тонки и не имеют икр: затем, седалищные наросты, признак общий почти всех обезьян, у многих длинный хвост, а главное — строение головы, с выдающейся, отодвинутой назад мордой, незначительный объем черепа и тонкие, втянутые внутрь губы — все это резко отличает обезьян от человека.

Что касается душевных свойств обезьян, то рядом с безусловно несимпатичными чертами у них встречаются и симпатичные. С одной стороны, бесспорно, эти животные коварны, злы, раздражительны, мстительны, сварливы, с другой — понятливы, веселы, ласковы, доверчивы к человеку, общежительны, сострадательны к слабейшим себя, мужественны при встрече с врагами и замечательно чадолюбивы. Однако умственное развитие их вовсе не так сильно превосходит развитие прочих млекопитающих, как обыкновенно думают. Правда, обезьяны очень переимчивы и легко выучиваются различным штукам, которые собака усваивает с трудом; но зато они при исполнении заученного далеко не обнаруживают того удовольствия и сообразительности, какие замечаются в той же собаке. Впрочем, нельзя упускать из виду того обстоятельства, что человек приручал собаку в течение целых тысячелетий; за это время природные способности ее могли совершенно измениться; обезьяны же никогда не были очень близки к человеку.

Все-таки отказать в уме обезьянам нельзя. Напротив, скорее следует причислить их к числу самых умных животных. Они одарены прекрасной памятью и умеют пользоваться своим опытом; их проница-

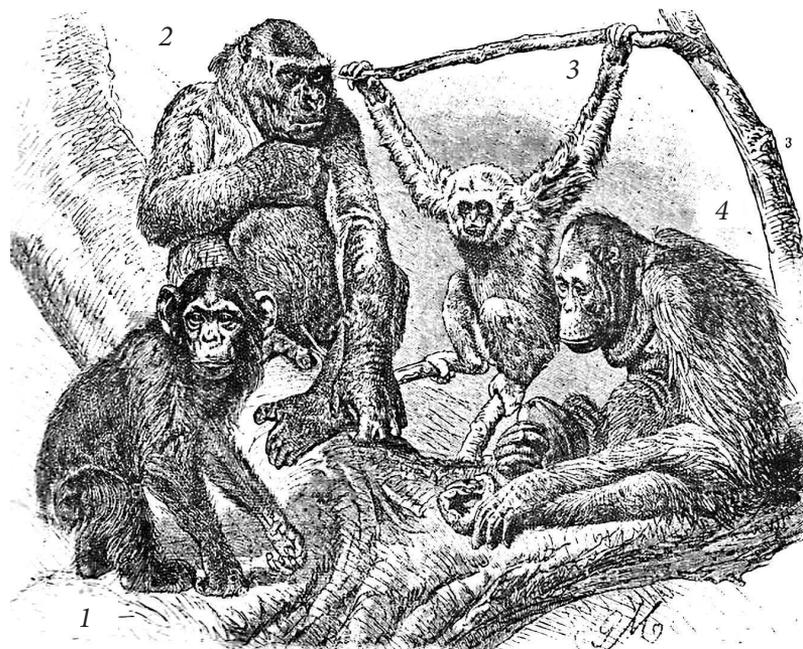
тельность и хитрость видны в их замечательном умении притворяться и скрывать свои зловерные намерения, а также в умении ловко избегать опасности. Далее, они способны сильно привязываться к тем лицам, которые делают им добро; обнаруживают большую любовь к детям и товарищам, попавшим в беду: обезьяны стараются при бегстве унести не только своих раненых, но и убитых. Словом, присутствие у них ума — несомненно.

Впрочем, при всем их уме их нетрудно обмануть; для этого стоит только возбудить у них страсть. Тогда, увлекаясь желанием во что бы то ни стало удовлетворить ее, они не замечают грубых ловушек и обыкновенно попадают впросак.

Будучи очень чувствительны к холоду, обезьяны обитают только в жарких странах, хотя, впрочем, некоторые павианы, поднимаясь в горных странах на значительную высоту, переносят там довольно низкую температуру. Каждая часть света имеет свои, так сказать, специальные породы обезьян; только один вид живет одновременно и в Африке, и в Азии; в Австралии обезьян совсем нет, а в Европе встречается только один вид, да и то в небольшом числе экземпляров, он живет на Гибралтарской скале.

В местах своего обычного обитания обезьяны встречаются от 35° ю. ш. до 37° с. ш. (шир. Японии) в Старом Свете и с 29° ю. ш. только до 28° с. ш. В Америке. В обеих этих полосах обычным местом их обитания являются леса, и только небольшое число видов предпочитает скалистые горные местности.

Человекообразные обезьяны:
1 — горилла; 2 — шимпанзе;
3 — гиббон; 4 — орангутанг

Обезьяны, бесспорно, одни из самых живых и подвижных млекопитающих. Выйдя на добычу, они ни на минуту не остаются в покое, а вечно что-нибудь рассматривают, хватают, срывают, обнюхивают и откусывают, чтобы затем съесть это или бросить. Едят они, можно сказать, все съедобное, но главную их пищу составляют: плоды, луковицы, клубни, корни, семена, орехи, листья и сочные стебли; едят они и насекомых, и яйца, а также птенцов птиц. Но больше всего, кажется, достается от них полям и садам; недаром арабы Восточного Судана говорят: «Мы сеем, а обезьяны пожинают». И действительно, эти создания являются страшным врагом земледельца и садовода, причем не столько съедят, сколько напортят. От этих грабителей ничто не может защитить: ни задвижки, ни заборы — они искусно отодвигают первые и перелезают через вторые, производя полное разрушение на поле и в саду.

Хозяин приходит в отчаяние от их грабежей; для постороннего же наблюдателя

зрелище, представленное набегом этих ловких, увертливых животных, кажется весьма забавным: они гоняются взапуски друг с другом, скачут, кувыркаются, со смешным, сосредоточенным вниманием разглядывают все блестящее, что им попадется.

Их ловкость, обнаруживаемая в искусстве лазанья, превосходит всякое вероятие. Это — настоящие акробаты, за исключением разве больших пород и павианов, довольно-таки неуклюжих. Им нипочем прыжки в 3–4 саж. С высоты дерева они прыгают на ветку, лежащую на 5 саж. ниже. При этом ветка, конечно, сначала сильно наклоняется, но затем снова выпрямляется, давая этим обезьяне толчок вверх, — и она, как стрела, пронизывает воздух, действуя ногами и хвостом как рулем. Упав с дерева, обезьяна всегда сумеет схватиться за первую попавшуюся ей ветку и снова полезет вверх; впрочем, ей и упасть на землю ничего не значит.

Чего нельзя схватить руками, обезьяны хватают задними конечностями, а американские обезьяны — хвостом; хвост у этих

животных есть пятая, можно сказать, самая важная конечность: на нем они качаются, при помощи его достают пищу из расщелин, поднимаются вверх; даже ночью они спят, охвативши хвостом сиденье.

Ловкость и проворство обезьян заметны только при лазании; на земле же большинство их кажутся очень неуклюжими. Лучше других ходят маргышки, цепкохвостые обезьяны Нового Света и игрунки, особенно первые, за которыми трудно угнаться и хорошей собаке. Что же касается крупных обезьян, то походка их очень тяжела и уже совсем не похожа на человеческую. Мы обыкновенно при ходьбе ступаем на землю всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы передних конечностей и неуклюже подбрасывают туловище вперед, выкидывая задние конечности между передними. Движение это напоминает походку человека на костылях. Да и так-то они ходят недолго и при первом случае, напр. преследовании, опускаются на четвереньки.

Некоторые виды их превосходно плавают, напр. маргышки, другие же, как павианы и ревуны, легко тонут и потому боятся воды. Однажды в Америке нашли семью еле живых ревунов на дереве, которое во время наводнения наполовину погрузилось в воду; обезьяны даже не пытались спастись по воде на другие деревья, хотя те были от них на расстоянии каких-нибудь 6–10 шагов.

Некоторые наблюдатели уверяют, будто не умеющие плавать обезьяны устраивают для переправы через ручьи живой мост, цепляясь друг за друга хвостом и руками. Но это — чистый вымысел.

Что касается общественной жизни обезьян, то на ней следует остановиться, так как большинство этих животных живет стаями. Каждая стая, под руководством опытного и сильнейшего самца, выбирает

обыкновенно район для поселения, большей частью поблизости от жилья человека, так как тогда недалеко и пастбище для обезьян — сады, бахчи и поля, до которых они такие охотники. Опытный вожак, избираемый, конечно, не подачей голосов, а при помощи своих же зубов и кулаков, которыми он смиряет всех непокорных, постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суетится больше всех: он всюду озирается, ничему не доверяет и оттого всегда успеет вовремя заметить грозящую опасность. В случае же последней вожак немедленно издает предупреждающий крик, состоящий из ряда отрывистых, дрожащих, негармоничных звуков, — и вся стая обращается в поспешное бегство; матери сзывают детенышей, которые мгновенно прицепляются к ним, и спешат со своими драгоценными ношами к ближайшему дереву или скале. Только когда успокаивается вожак, стая вновь собирается и возвращается обратно.

Уже из этого крика вожака видно, что обезьяны могут издавать звуки для выражения своих чувств. Некоторые же наблюдатели идут дальше, доказывая, что обезьяны владеют настоящим языком, как и люди, но, конечно, гораздо менее развитым.

«Слово „у“, но несколько иначе (нашими буквами мы не можем это выразить) означает у обезьян „дай“. Произнося слово „у“, мне несколько раз удалось заставлять обезьян приносить из клетки мяч, палку и проч. Разница в ударе может быть изображена только при помощи фонографа». В дальнейшем изложении проф. Гарнер касается некоторого сходства, существующего между языком обезьян и языком человека. По мнению английского ученого, обезьяна произносит звук произвольно, хорошо обдумав и членораздельно. Звук обращен всегда к определенному индивидууму. Поведение обезьян

показывает, что в их сознании имеется ясное представление о том, что они желают передать при помощи звуков. Они ожидают ответа, а если ответа не последует, то несколько раз подряд повторяют данный звук. Обыкновенно они смотрят в глаза тому, с которым говорят. Обезьяны произносят звуки вовсе не для препровождения времени и не тогда, когда они одни, а только в тех случаях, когда поблизости находится человек или обезьяна. Они понимают звуки других обезьян и отвечают тем же самым звуком; отлично понимают они звуки и тогда, если звуки исходят от человека, фонографа или других механических приспособлений. Для какого-нибудь понятия все обезьяны употребляют, в общем, один и тот же звук. Различные звуки сопровождаются различными жестами и имеют различные последствия при одних и тех же обстоятельствах. Обезьяны произносят звуки голосовыми органами и видоизменяют их зубами, языком и губами, т. е. таким же способом, как и человек.

Чем более развита общественная жизнь у какой-нибудь породы обезьян, тем совершеннее их язык. В некоторых случаях звуки произносятся шепотом, что опять-таки говорит в пользу того, что обезьяны произносят звуки вполне сознательно.

Обезьяны рожают по одному детенышу, редко двух: детеныш этот очень некрасив: конечности его кажутся вдвое длиннее, чем у взрослых, а лицо до того покрыто морщинами, словно перед вами старик. Однако мать питает самую нежную любовь к этому уроду: то лизнет, то ищет у него насекомых, то держит перед собой, словно желая насладиться его видом, то качает, словно баюкая. Детеныш скоро научается вешаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними бока: в этом положении он несколько не мешает матери бегать и ла-

зать, а сам может в это время спокойно сосать. Более взрослые детеныши вскакивают на плечи и спину родителей. Подросши немного, маленькая обезьянка начинает шалить и играть с другими себе подобными, но под строгим присмотром маменьки. При малейшей опасности та бросается к своему детищу и особенными звуками приглашает его вскочить себе на грудь. Непослушание наказывается щипками, пинками, а иногда и пощечинами. В неволе обезьяна делится с детенышем последним куском пищи и так нежно ухаживает за ним, что нельзя не быть тронутым. Если же он умрет, мать часто следует от тоски за ним в могилу. Сироту-обезьянку часто усыновляет другая самка той же породы и любит его не менее, чем собственных детей. В отношении же приемышей других пород наблюдается странное явление: мачехи ухаживают за ними, ласкают, чистят, но есть не дают, отнимая без зазрения совести их пищу. То же приходилось наблюдать у ручных павианов, которые брали себе в приемыши щенят и котят.

Отряд обезьян (Pithecí) разделяется обыкновенно на три семейства: **узконосых** (Catarrhini), или обезьян Старого Света, **широконосых** (Platyrrhini), или обезьян Нового Света, и **игрунковых** (Arctopithecí).

Представители первого семейства, по устройству ноздрей и зубов, более других обезьян походят на человека, но у них на верхней челюсти, между клыком и соседним резцом, есть промежуток, где помещается выдающаяся часть нижнего клыка. Далее, все узконосые обезьяны не имеют цепкого хвоста. Семейство это разделяется на 2 группы: 1) **человекообразные** (Anthropomorpha), похожие на человека по внешнему виду (особенно по форме лица

и расположению глаз и ушей), и 2) **собакообразные** (*Synopithecini*), с мордой собаки. Кроме того, первые опираются на землю наружным краем ступни, а вторые — всей ступней; у первых нет ни хвоста, ни защечных мешков, у вторых — есть и то, и другое, да притом имеются еще седалищные наросты на туловище, редко встречающиеся у человекообразных обезьян.

Человекообразные обезьяны имеют туловище в роде человеческого, но передние конечности их длиннее, а задние — короче, чем у человека. Тело их покрыто длинной тонкой шерстью, но лицо и пальцы — голые. Зубы похожи на человеческие, но клыки у старых самцов не уступают по остроте и величине клыками хищных зверей. Живут эти обезьяны в Старом Свете, именно в Азии и Африке. Все семейство включает четыре рода: **горилла** (*Gorilla*), **шимпанзе** (*Simia*), **орангутанг** (*Pithecus*) и **гиббон** (*Hylobates*), заключающих в себе несколько видов.

Горилла (*Troglodytes gorilla*, *Gorilla gina*), самая крупная из человекообразных обезьян, открыта только в 1847 году американским миссионером Соважем на берегах реки Габона.

В зрелом возрасте горилла достигает значительных размеров — так, напр., превосходный экземпляр, привезенный в Париж с берегов Габона доктором Франкэ, имеет не менее 1,67 м высоты. Ее колоссальное туловище не имеет, так сказать, талии, так как крайние ребра почти соприкасаются с тазом; все оно, кроме части рук, покрыто шерстью, которая обыкновенно стирается на спине от привычки животного спать, прислонясь к стволу дерева. Обыкновенно горилла черного цвета, хотя иногда имеет сероватую или коричневатую окраску шер-

сти. Дю-Шалью, проживший в Габоне долгое время, в описании своих путешествий посвятил много страниц этому четверорукому гиганту.

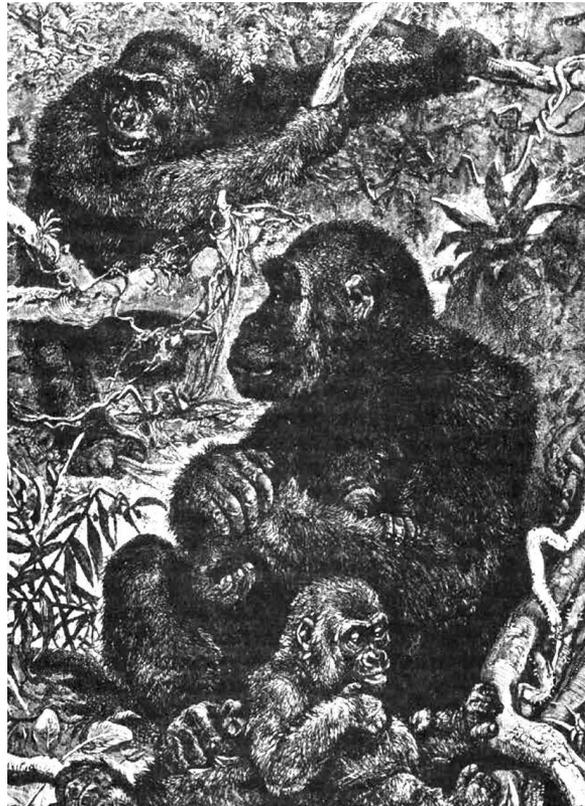
«Горилла, — говорит он, — живет в самых недоступных и уединенных частях Западной Африки, между реками Дангер и Габон, от 1 до 15-го градуса широты. Она предпочитает чащи леса и утесистые горы в соседстве с водой. Но она вовсе не живет стадами, подчиненными вожаку, как рассказывали о ней; не строит хижин, не опирается на посох при ходьбе, не подстерегает путешественников и не уносит женщин в свои логовища. Она питается исключительно молодыми побегами, зернами, плодами и орехами, которые легко раскалывает своими могучими челюстями. Это животное очень прожорливо, поэтому ему приходится часто переменять место, чтобы отыскать себе пищу. Живет горилла почти постоянно на земле, так как большая тяжесть ее тела мешает ей карабкаться по деревьям; только самки со своими малютками забираются иногда на первые ветви деревьев. Обыкновенно самец, самка и их дети живут вместе. Однако часто старые самцы уединяются в чащу леса, а молодые, несравненно более общительные животные, бродят партиями по 5 и 6 штук.

В случаях крайней опасности горилла бесстрашно устремляется на врага. Она делает ужасающие гримасы, сверкает глазами, бьет себя в грудь, которая гудит, как барабан, испускает вой, похожий на отдаленные раскаты грома, а волосы на ее голове топорщатся как султан. Если она ранена не смертельно, то бросается на охотника и почти всегда убивает его одним ударом ноги в живот».

Тот же путешественник так описывает встречу с одной из этих огромных обезьян. «В кустарнике что-то зашевелилось,

и передо мной внезапно явился огромный самец-горилла; в чаще он шел на четвереньках, но, увидев нас, поднялся и смело взглянул нам в лицо. Стоял он шагах в двенадцати от нас, и я никогда не забуду этого зрелища. Царь африканских лесов казался привидением. Громадное тело, почти шести футов вышиною, держалось прямо; могучая грудь, большие сильные руки, сверкающие серые глаза и дьявольское выражение лица были страшны: нас он, видимо, не боялся. Он стоял и бил себя в грудь могучими кулаками, и удары эти раздавались, как звуки большого металлического барабана, так горилла обыкновенно вызывает своих противников на бой... Он страшно ревел. Рев его, совершенно особенный, наводит ужас и страшнее всех звуков, раздающихся в африканских лесах; он начинается резким лаем, похожим на лай большой собаки, и переходит в глубокие раскаты, напоминающие раскаты грома. Не видя гориллу, но слыша его рев, я несколько раз ошибался, принимая его за грозу.

Мы стояли неподвижно, ожидая нападения. Увидев это, чудовище еще страшнее засверкало глазами; волосистой гребень на лбу его начал подниматься и опускаться, длинные клыки оскалились — и вновь загредел грозный рев. В это мгновение горилла походила на адское видение, на одно из тех отвратительных существ — полулюдей и полузверей, которых старинные живописцы любили изображать на картинах ада. Чудовище сделало несколько шагов вперед, остановилось, издало свой ужасный вой, потом приблизилось еще немного, снова остановилось и начало яростно бить себя в грудь. Таким образом, оно было от нас всего в шести шагах, когда я, наконец, выстрелил... Со страшным, человеческим стоном, в котором, однако, слышалось и что-то звериное, оно пова-

Горилла

лилось лицом на землю. Несколько минут его тело конвульсивно подергивалось, затем все стихло — смерть сделала свое дело. Мне оставалось лишь исследовать огромный труп; оказалось, что тело имело 5 футов 8 дюймов в длину; развитие ручных и грудных мускулов свидетельствовало о необычайной силе животного».

В неволе горилла проявляет ничем не укротимую дикость: она кусает и царапает всех, кто к ней приближается, и умирает от бешенства, если ей не удастся освободиться. Дю-Шалью думал, что молодых обезьян будет легче приучить, чем взрослых. Однажды туземцы доставили ему гориллу 2 или 3 лет, которую они захватили, убив ее мать. Она была 0,81 м высотой, с сероватой шерстью. Пищи она не принимала, на четвертый день вырвалась из клетки и забилась

под кровать путешественника. Вскоре затем снова вырвалась и убежала в соседний лес. Пойманная, она через несколько дней умерла в бешенстве. Вторая попытка была также неудачна: горилла, отправленная в 1859 г. Лондонскому зоологическому обществу, умерла, не достигнув берегов Англии. Экземпляр, купленный Фалькенштейном на берегу Лоанго и проданный им в 1876 г. Берлинскому аквариуму за 50 тысяч франков, был первой гориллой, привезенной живую в Европу. Во время своего прибытия она весила от 14 до 18 килограммов и имела почти 65 сантиметров в высоту.

Некоторые писатели, напр. Дюро-де-Ламаль, утверждают, что еще древние знали гориллу. В самом деле, известно, что знаменитый мореплаватель Ганнон был отправлен карфагенянами для основания колоний в Западной Африке с 60 кораблями и 30 тысячами экипажа; предприятие не вполне удалось — он должен был вернуться на родину; и вот в отчете о своем путешествии, который сохранился до нашего времени, Ганнон говорит, что, пройдя мимо страны, реки которой текли пламенем (лавой?), он достиг залива Южного Рога. В глубине этого залива был остров с озером, а на озере — еще остров, переполненный дикими людьми. «Там было очень много мохнатых женщин, которых наши переводчики называли гориллами. Мы гнались за ними, но мужчин нам не удалось захватить, так как они были очень ловки в лазаньи по самым крутым утесам и бросались в нас камнями: мы поймали только трех женщин, которые кусались и царапались. Мы принуждены были их убить. Мы содрали с них шкуры и привезли в Карфаген, так как мы дальше уже не плыли; живых нам привезти не удалось». Ганнон положил свое официальное донесение в храм Сатурна, а шкуры горилл в храм Юоны-Астарты, где они

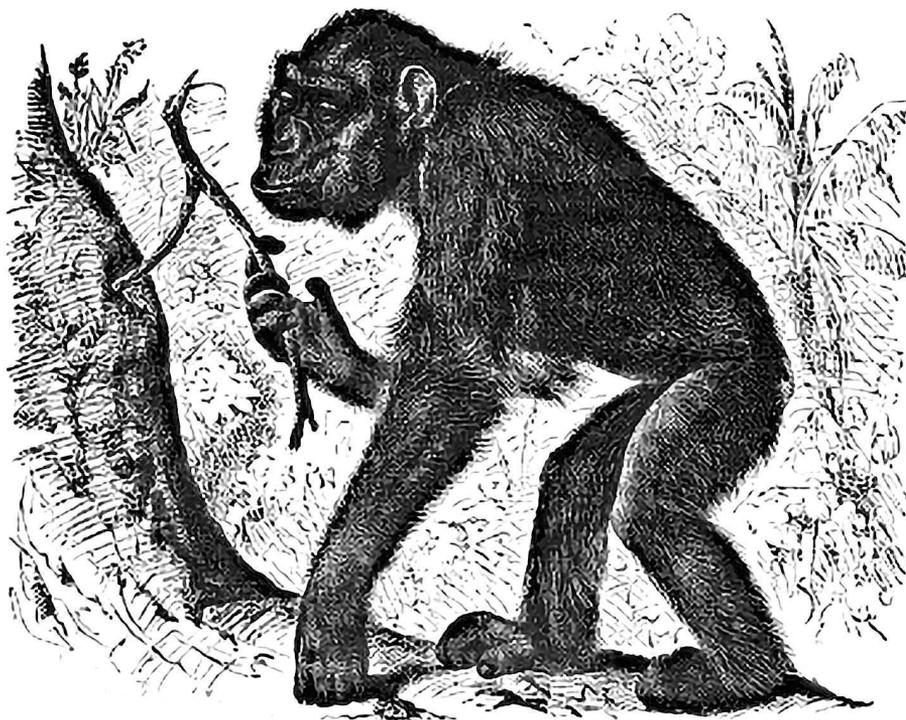
оставались до взятия Карфагена, т. е. в течение 345 лет, от 510 до 146 г. До Р. Х.

Ясно, прежде всего, что гориллы, упоминаемые Ганноном, не были женщинами: карфагеняне были народ настолько цивилизованный, что не стал бы снимать кожу с убитых врагов и вешать ее, как трофей, в храмах. Ганнон говорит далее, что «дикие люди» были покрыты волосами. Это дает повод думать, что дело идет о какой-то породе обезьян. Вопрос только в том, о какой? Предполагают, что это были именно гориллы.

Напротив, другая человекообразная обезьяна, шимпанзе, живущая там же, где и горилла, была, несомненно, известна с давнего времени и появилась в Европе еще в XVII в.

Шимпанзе (*Troglodytes niger*, *Simia troglodytes*) значительно меньше гориллы, не выше 1,55 м, даже в зрелом возрасте. Вид у нее также менее зверский; зубы меньше и короче: нос не такой крупный; руки короче, и конечности не такой грубой формы, как у гориллы. Кроме того, животное при ходьбе опирается не на ладонь, как другие четвероногие, а на верхнюю поверхность пальцев. За исключением лица, обнаженного, но украшенного бакенбардами, и вполне гладкой внутренней части рук и ног, все тело животного покрыто длинными грубыми волосами, черными сначала, а с течением времени получающими коричневатый или сероватый оттенок.

Верхняя и Нижняя Гвинея являются настоящей родиной шимпанзе. Эти животные живут в больших лесах, близ берегов моря и рек, поодиночке и парами, как говорит Дю-Шалью, или, как говорят другие путешественники, стадами более или менее многочисленными, под предводительством старого вожака, обязанного заботиться об общем благе. Когда их преследуют, они бросаются

на деревья, издавая звуки, похожие на лай, но, несмотря на свою силу, не вступают в бой с охотником, если они только не доведены до крайности. В последнем случае они защищаются ударами рук и зубами. Все-таки им и в голову не приходит мысль вооружиться палками и таким образом отражать нападение противника.

Мы уже упомянули, что шимпанзе стали появляться в Европе еще с XVII в., и почти все столичные зоологические сады имели их. К сожалению, шимпанзе не всегда хорошо переносят европейский климат и скоро умирают. Тем не менее натуралистам удалось произвести массу наблюдений, свидетельствующих о несомненной смысленности этих четвероногих.

Капитан Гранпрэ рассказывает, напр., что одна самка на корабле, отправлявшемся в Америку, умела растопить печь, когда температура была достаточно высока для варения, обращалась, как настоящий матрос, с якорем и парусами. Бросс рассказы-

вает, что шимпанзе, привезенные в Европу, ели всё, умели обращаться с ножами, ложками и вилками, пили вино и водку из стаканов, охотно подчинялись диете при лечении и пр. У Бюффона был один шимпанзе, который привык ходить почти постоянно прямо и держался с большим достоинством. Он повиновался малейшему знаку своего господина, подавал руку дамам, садился за стол, развешивал салфетку, откупоривал бутылки и потчевал соседей, вообще вел себя очень благовоспитанно. К несчастью, в конце года он умер от чихотки. В 1876 году такое же интеллигентное животное жило в парижском Ботаническом саду. Его звали Беттиной. Оно было очень привязано к своему сторожу и при малейшей неприятности искало утешения в его объятиях. Вело себя оно как послушное дитя; ему только никоим образом не удалось принять вертикального положения.

С этой обезьяной, по моему мнению, нельзя так обращаться, как с простым животным.

Несмотря на все странности, проявляемые ею, в ее поведении так много человеческого, что почти забываешь, животное ли видишь пред собой. Тело его как у животного, но разум стоит на одном уровне с дикарями. Было бы ошибочно приписывать поступки и уловки этого развитого существа единственно безотчетному подражанию. Правда, шимпанзе иногда и подражает поступкам других, но это делает он так же, как делает ребенок, подражая взрослым. Шимпанзе позволяет себя обучать, прилежно учится, и если бы его рука была послушна и годна, подобно человеческой, то он бы многому научился. Он же делает столько, сколько может сделать. По крайней мере, все поступки его совершаются с полным сознанием и обсуждением. Шимпанзе выказывает интерес к предметам, которые не имеют никакого отношения к потребностям его природы.

С этим мнением многих ученых вполне согласуются наблюдения, произведенные в зоологическом саду в Штутгарте над двумя шимпанзе, которые отличаются выдающимся умом. Они садятся по-человечески, едят из посуды, умеют держать себя и всем интересуются, простирая свою любознательность даже до искусства писать. Когда им показали бумагу и карандаш, они сейчас же поняли их назначение и принялись с серьезною миною покрывать данные им листы своими иероглифами.

Вообще, подводя итог всем наблюдениям над шимпанзе, невольно вспоминаешь поверье, издавна существующее у западно-африканских дикарей, что эти животные когда-то были тоже членами человеческой семьи, но за дурные поступки были изгнаны из общества людей и постепенно дошли до нынешнего состояния.

Третий представитель человекообразных обезьян, **орангутанг** (*Pithecus satyrus*) —

тоже очень известное животное. Уже древний мир знал его. Плиний говорит, что «в горах Индии ворочаются сатиры, животные очень злые, с лицом человека, передвигающиеся то на двух, то на четырех лапах, что бегают они очень быстро, и захватить в плен можно только больных и очень старых».

В XVII веке голландский врач Тульпиус описал оранга под именем *Satyrus indicus*. «Это животное, — говорит Тульпиус, — ростом с трехлетнего ребенка, обладает силою шестилетнего; спина ею покрыта черными волосами».

После него другой медик, Бонциус, описал оранга с полною точностью. Он говорит, что сам несколько раз видел «лесных людей». «Ходят они довольно часто на задних ногах, и движения их совершенно похожи на человеческие. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее рассматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и все свои голые части прикрывала руками: она вздыхала, плакала и до того поступала по-человечески, что ей доставало только дара слова, чтобы быть вполне человеком». К сожалению, путешественники позднейшего времени, с целью придать более пикантности своим рассказам, извратили описания упомянутых ученых, так что только в последнее время удалось вполне выяснить хотя бы главные, существенные черты организации орангутанга.

Это животное, известное также под именем понго, существенно отличается от гориллы и шимпанзе; поэтому натуралисты с полным правом выделяют этот род под именем *Satyrus*. Действительно, руки оранга сравнительно очень длинны и спускаются до уровня лодыжек: голова более конической формы; лоб выше; орбиты более продолговаты; уши менее выдаются;

грудная клетка составлена из 12 пар ребер вместо 13, благодаря чему повыше газа образуется небольшое утончение в виде талии. Кроме того, у оранга запястье состоит из 9 костей, в то время как у человека, гориллы и шимпанзе оно состоит только из 8; пястные кости и суставы пальцев дугообразно согнуты, что дает возможность этой обезьяне сильнее хвататься за ветви. Эта особенность еще более заметна в строении нижних конечностей: подошва ноги у оранга очень выгнута.

Но размеры орангутанга не так велики, как думают иногда. Уоллес определяет их так: высота 1,27 м, с вытянутыми руками 2,40 м, и 1,10 м вокруг талии. Лицо и руки оранга, как гориллы и шимпанзе, обнажены, глаза маленькие, нос приплюснут, нижняя челюсть значительно выдвигается вперед, губы припухлы; кожа шеи вся в складках: она прикрывает горловые мешки, которые по воле животного могут сильно раздуваться. Руки оранга очень длинные, с вытянутыми пальцами, снабженными плоскими ногтями: как и все тело, они покрыты длинной рыжеватой шерстью, местами переходящею в черноватый оттенок. Волоса на спине и груди значительно реже, чем на боках и вокруг щек, где они образуют густую бороду.

Орангутанг живет по островам Зондского архипелага, где туземцы и дали ему настоящее название, означающее в переводе «лесной человек». По их воззрениям, эти обезьяны настоящие люди и могли бы хорошо говорить, если бы захотели, но не делают этого из боязни, как бы не заставили их работать. Любимым местопребыванием этой обезьяны служат чащи огромных лесов, где она почти не сходит на землю с деревьев. Она почти всю свою жизнь перебирается с дерева на дерево, собирая себе пищу из плодов, листьев и почек.

Орангутан

Однако на свободе оранга удалось наблюдать очень немногим путешественникам (между прочим, Уоллесу, доставившему нам подробные сведения о них), зато пленные обезьяны неоднократно доставляли неистощимый источник для наблюдений, которые и показали, что орангутанг по своим умственным способностям стоит едва ли не выше прочих обезьян. Постараемся доказать это примерами.

Самка оранга, принадлежавшая голландцу Восмерну, отличалась добродушием и никогда не выказывала злобы. Когда ее посадили на цепь, она пришла в отчаяние, стала бросаться на пол, жалобно кричала и рвала свои одеяла. Обыкновенно

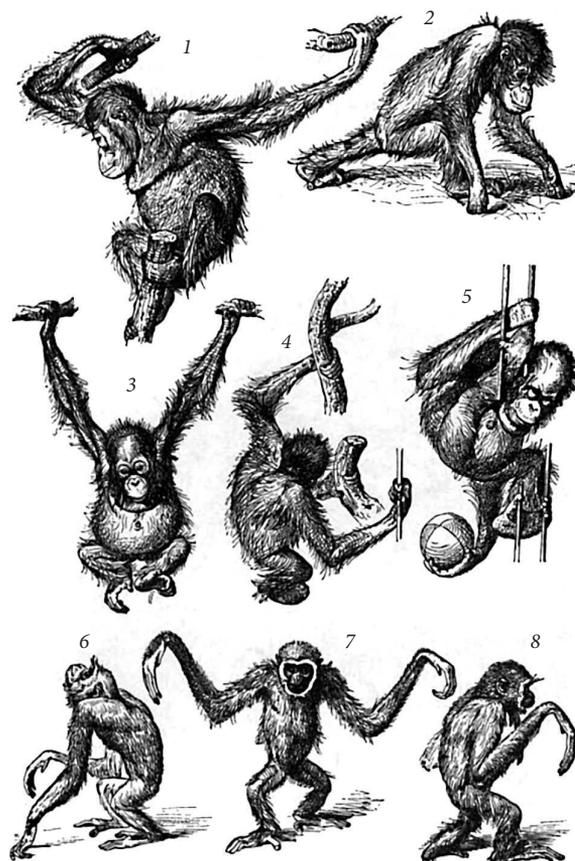
она ходила, подобно прочим обезьянам, на четвереньках, но могла хорошо ходить и прямо. Однажды ей дали полную свободу; она тотчас влезла на стропила и лазила по ним с такою ловкостью, что четверо людей должны были гоняться за нею целый час; во время этой прогулки она успела достать где-то плохо лежавшую бутылку малаги, откупорила ее, вино выпила, а бутылку поставила на место. После питья обыкновенно она утирала рукой губы, как это делают люди, и даже умела употреблять зубочистку. Перед тем как ложиться спать, она долго поправляла сено, на котором спала, тщательно вытрясала его, клала особую связку вместо подушки и закутывалась в одеяло. Раз при ней отперли ключом замок ее цепи: она с большим вниманием наблюдала за этой процедурой, потом взяла щепочку, всунула ее в замочную скважину и принялась вертеть во все стороны. Когда ей дали котенка, она схватила его и стала обнюхивать, причем котенок оцарапал ее когтями; тогда она бросила Ваську и не хотела больше знать его. Пальцы руки этой обезьяны отличались замечательной силой и в то же время ловкостью: она так искусно умела таскать ими разные вещи из карманов посетителей, что те решительно не могли уследить за ней; развязывать самые запутанные узлы было для нее одним из любимых занятий, и она нередко старалась развязать башмаки у подходивших к ней знакомых ее хозяина. Задние руки ее были так же ловки, как и передние, и она очень часто пускала их в дело, когда нужно было что-нибудь достать...

Другой ручной орангутанг, о котором рассказывает Джеффрис, отличался своей чистоплотностью: он часто мыл в своей клетке пол мокрой тряпкой и выметал из нее сор; он же имел привычку ежедневно умывать лицо и руки.

Третий представитель этой породы обезьян, известный по описанию знаменитого Кювье, был привезен в Европу десяти месяцев и прожил во Франции около полугода. Во время морского переезда он особенно подружился с одним из офицеров и каждый обед просиживал на спинке его стула. По приезде в Испанию офицер этот высадился с корабля, и место его в столовой было занято другим. Не заметив этого сначала, обезьяна, по обыкновению, влезла на спинку стула, но когда заметила, что ее друга нет, отказалась от пищи, бросилась на пол и в отчаянии стала биться головою, испуская жалобные крики. По приезде во Францию орангутанг этот сначала жил в Мальмезоне у императрицы Жозефины, где занимал особую комнату. Чтобы выйти из последней, он взбирался на стоявший поблизости стул, повертывал ручку и отворял дверь. Однажды стул отодвинули, чтобы обезьяна не могла выйти; но орангутанг тотчас придвинул его к двери, вскочил на сиденье и открыл дверь. За обедом этот орангутанг умел пользоваться ложкой и пить из стакана. Раз, поставив стакан на стол, обезьяна заметила, что он стоит криво и готов упасть; она тотчас же прогнула руку и поставила его как следует. Пообедав, умное животное обыкновенно накидывало себе на плечи одеяло и отправлялось на постель. Незнакомых этот орангутанг не любил, но со знакомыми был очень кроток и нередко целовал их; рассерженный же пускал в дело кулаки. Любимцами его были двое котят, с которыми он постоянно играл и которые нередко больно царапали его; он несколько раз осматривал их лапы и старался пальцами вырвать когти, но, не успев в этом, предпочитал переносить боль, чем расстаться с котятами.

Последний представитель человекообразных обезьян **гиббон** (*Hylobates*) отличается несоразмерно длинными руками. Гиббоны, которых насчитывают до 7 видов, населяют по преимуществу Ост-Индию и ближайшие из Больших Зондских островов. Тонкое, довольно стройное тело их, значительной величины (но не больше 1 метра), покрыто густым мягким мехом, черного, бурого или соломенно-желтого цвета. Голова мала и яйцевидной формы; лицо походит на человечесьё. Благодаря своим необычайно длинным рукам гиббоны ходят по земле очень плохо. Их хождение есть жалкое ковыляние на задних ногах, тяжеловесное переваливание тела, которое удерживается в равновесии лишь вытянутыми руками; зато лазание и прыгание по ветвям представляет у этих животных легкое и ловкое движение; для этого движения нет, по-видимому, и границ; оно как бы не зависит от законов тяжести. Гиббоны на земле медленны, неуклюжи, неловки, короче, они чужие на земле: на ветвях же они представляют прямую противоположность всему этому; это — настоящие птицы в образе обезьян. Если горилла — Геркулес между обезьянами, то гиббонов можно сравнить с легким Меркурием; недаром же один из них (лар, или белорукий гиббон) назван в память возлюбленной последнего, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своим неугомонным языком возбудила гнев Юпитера, но красотой добилась любви Меркурия и благодаря этому избежала ада.

Наблюдение гиббонов на свободе представляет свои трудности, так как почти все они избегают человека. Живут они большей частью большими стадами, под предводительством одного вожака. Если их застать врасплох на земле, то можно поймать, так как, или от испуга, или чувствуя свою сла-

Орангутан (1-5), гиббон (6-8)

бость, они не решаются бежать. Трусость — их характерная черта. Как бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидает раненого товарища. Матери, однако, схватывают детенышей, пытаются бежать, падают иногда вместе с ним вниз, выпускают затем громкий горестный крик и, с раздутым гортанным мешком и расставленными руками, с угрозой загораживают дорогу врагу. Материнская любовь гиббонов проявляется, впрочем, не только в опасности, но и при всяком случае. Некоторым путешественникам приходилось иногда наблюдать интересное зрелище, как матери приносили своих малюток к воде, мыли их, несмотря на их крик, затем тщательно вытирали их и сушили, и вообще так заботились об их чистоте,

что такого ухода можно пожелать и некоторым человеческим детям.

Относительно душевных способностей гиббонов мнения наблюдателей различны. Дювосель, наблюдавший одного гиббона вида сиаманг, очень дурно отзывался о нем. По его словам, это существо, лишенное всяких способностей и занимающее по степени развития ума одно из последних мест в царстве животных. Напротив, другие наблюдатели придавали тем же гиббонам много человеческих черт. У О. Форбста был молодой сиаманг (вывезенный с Суматры, где они только и водятся), который имел очень умное выражение лица. «Он очень скоро приручился и стал приятным товарищем. Изящно и вежливо брал он своими нежными, заостренными на концах пальцами то, что предлагали ему. Чтобы пить, он не прикладывал губ к сосуду, а подносил воду ко рту, черпая горстью. Он был очень мил, когда нежно и ласково обвивал мне шею своими длинными руками и прикладывал голову к моей груди, издавая довольное ворчание. Каждый вечер он гулял со мною, опираясь на мою руку. При этом фигура его имела очень оригинальный и забавный вид, когда, рядом со мною, он торопливо шагал, прямо держась на своих немногих кривых ногах и странным образом размахивая над головой свободной рукой, чтобы удержаться в равновесии».

Другой наблюдатель, Гарлан, имевший гиббона-хулока (угле-черную обезьяну из Индокитая), говорит следующее. «На мой зов он приходил, садился около меня на стул, чтобы позавтракать вместе со мною, и брал с тарелки яйца или крыло курицы, не пачкая скатерти. Он пил также кофе, шоколад, молоко, чай и т. п., и хотя обыкновенно он пил, погружая в жидкость руку, но, чувствуя сильную жажду, брал сосуд обеими руками и пил из него как люди.

Его любимыми кушаньями были: вареный рис, размоченный в молоке хлеб, бананы, апельсины, сахар и т. п. Бананы он очень любил, но охотно ел и насекомых, отыскивал в доме пауков и ловко ловил правой рукой мух. Подобно индусам, избегающим мяса из религиозных побуждений, этот гиббон, по-видимому, тоже питал к нему отвращение».

Но вообще-то гиббонов редко приходится видеть в неволе, даже и на их родине: они не могут выносить лишения свободы, страстно стремятся в родные чащи лесов и умирают от тоски по родине.

В заключении упомянем, что тип человекообразной обезьяны существовал на земной поверхности уже в третичную эпоху. *Pliopithecus*, открытый Лартэ в холме Сансан, устройством зубов походит на гиббона. Также *Dryopithecus* Сен-Гаде-на и *Oreopithecus* с горы Монте-Бамболи должны быть отнесены к высшим обезьянам. Однако и эти обезьяны не могут считаться ближайшими предками людей.

Вторая группа узконосых обезьян — **собаководные** (*Synopithecini*) — включает в себе несколько родов, из которых остановимся на следующих: *Semnopithecus* (**тонкотелые**), *Nasalis* (**носачи**), *Colobus* (**толстотелые**), *Cercopithecus* (**мартышки**), *Macacus* (**макаки**), *Inuus* (**маготы**) и *Synocephalus* (**собакоголовые**, или **павианы**).

Род **мартышек** (*Cercopithecus*), так обыкновенных везде в зверинцах, водится в тропических странах Африки, в сырых лесах, по берегам рек и морей, там, где водятся и попугаи. Их несколько видов, но все они отличаются стройным, красивым телом, одетым в довольно яркую, иногда пеструю шубу, с длинным хвостом без кисти. Тонкие конечности, короткие руки с очень длин-

ным большим пальцем, большие щечные мешки, которые натуго набиваются плодами, и значительные седалищные наросты — характерные признаки этой живой, веселой породы обезьян.

Весело глядеть на стаю этих жизнерадостных животных, когда они резвятся в лесу: их суетня, грабежи, задорные крики, гримасы и удивительные акробатические упражнения способны, кажется, рассмешить мертвого. В этой обезьяне удивительно соединены бесконечное легкомыслие и забавная серьезность.

«В общем, — говорит Пехуэль-Леше, — мартышки ведут себя на свободе так же, как и у нас, в зоологических садах, но некоторые черты их характера яснее высказываются на родине. Для наблюдения особенно удобны леса Западной Африки». Приближение стада, продолжает тот же наблюдатель, уже издали заметно по шелесту зеленых ветвей, треску сучков и легкому ворчанью. Каждая стая, состоящая, вероятно, из одной, сильно размножившейся семьи, держится отдельно от других, под предводительством старого и опытного самца, который идет обыкновенно впереди, постоянно подозрительно оглядываясь кругом и время от времени издавая различные звуки то для призыва, то для предупреждения своих спутников. Один характерный звук, представляющий нечто среднее между чавканьем и лаем и напоминающий иногда звук раскупориваемой бутылки шампанского, выражает, вероятно, полное довольство, так как его издают мартышки вечером, иногда после заката солнца, когда сытое и усталое стадо тесной кучей, почесывая друг друга и задумчиво взирая вперед, словно любуясь открывающейся картиной, располагается где-нибудь на дереве на ночлег.

Мартышка мона, мартышка диана

Если убить вожака, то вся стая, охваченная испугом, приходит в страшное смятение: с криком бросаются обезьяны туда и сюда, скачут от ствола приютившего их дерева к концам ветвей, потом — обратно, и если их приют стоит одиноко, так что с него нельзя перепрыгнуть на другое дерево, то большими прыжками скачут вниз, в кусты, пользуясь при этом длинным хвостом, словно рулем. Все это происходит среди невообразимой свалки, но зато и быстро прекращается, и через минуту мартышки исчезают из вида.

Эти «мародеры полей» не боятся и воды; напротив, часто замечали, как они на берегу моря, во время отлива, ловят крабов или ищут раковин, отряхиваясь от падающих капель воды. Негры единогласно утверждали, что мартышки — отличные пловцы; целые стаи их переплывают иногда широкие реки.

Но интереснее всего наблюдать, когда такая стая отправляется на грабеж.

Шайка отправляется к засеянному полю под предводительством своего вожака, причем за большими тащатся и маленькие, зацепившись своими хвостами за хвосты матерей и держась у них под брюхом. Сначала шайка идет осторожно, стараясь шаг за шагом следовать за своим вожаком и попадая даже на то же дерево, на ту же ветку, где тот прошел. Но вот вожак влезает на самую верхушку дерева и оттуда обозревает местность. Если все обстоит благополучно, он успокаивает товарищей особым мурлыканьем, в противном же случае издает короткий крик — и стадо в одну минуту кидается в поспешное бегство. Когда же опасности не предвидится, мартышки спускаются в поле — и начинается грабеж. Обезьяны жадно наскоро срывают несколько початков кукурузы и колосьев дурро, вылуцчивают их и набивают зернами свои защечные мешки. Сделав эти запасы, грабители становятся разборчивее: словив теперь початок, мартышка прежде понюхает его, поглядит и часто, найдя, очевидно, негодным, бросает, чтобы приняться за другой. И так истребляется все поле: мародеры не унесут с собой и сотой доли того, что испортили.

Между делом родители отпускают своих малышей порезвиться на свободе, впрочем, все время не спуская с них глаз, чтобы при малейшей опасности спасти свое сокровище.

Набив свои кладовые во рту и потом набрав в руки сколько можно, стадо спокойно удаляется. В случае же опасности все разбегаются стремглав по соседним деревьям. Вожак большими прыжками летит впереди, как бы указывая дорогу и особыми криками оповещая стадо, как нужно бежать, скоро или тихо. Убедившись, наконец, что опасность миновала, вожак снова занимает

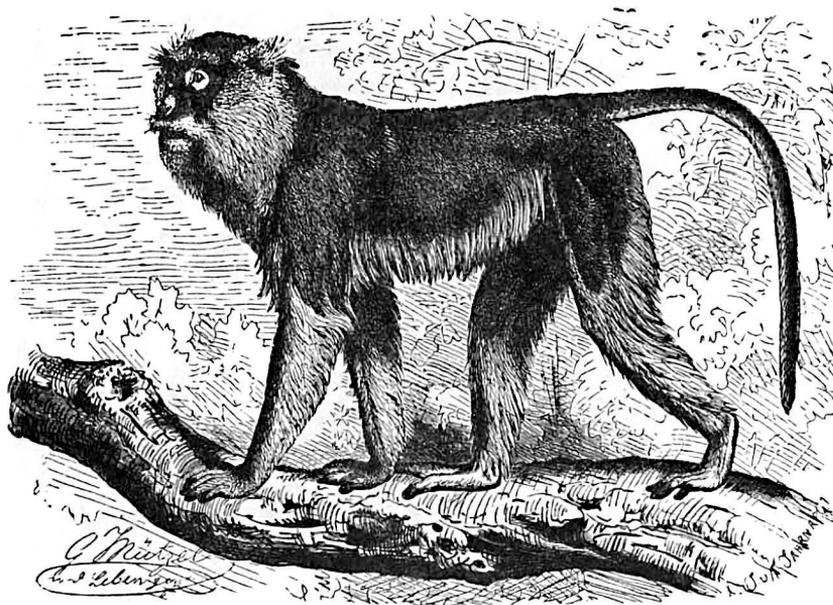
на дереве обсервационный пункт и сзывает стадо. Тогда все мартышки принимают очищать свои шкуры от засевших в них во время бегства колючек и шипов. Эту услугу оказывают обыкновенно каждая другу другу; при этом, кстати, изгоняются и паразитные насекомые, исчезающие между зубами услужливого друга.

От хищных зверей мартышки мало страдают; их спасает проворство. Разве только леопарду удастся иногда поймать какое-нибудь зазевавшееся животное. От хищных же птиц они защищаются сообща.

Однажды хохлатый орлан (*Spizaetos occipitalis*), бесспорно, один из самых смелых хищников их отечества, бросился на молодую мартышку и хотел унести. Но та, заорав во все горло, уцепилась всеми четырьмя конечностями за ветку, так что ее и не оторвать. Между тем вопль ее всполошил все стадо, — и десятки товарок с гримасами и криками бросились на птицу. Последняя едва успела вырваться из рук разъяренных врагов, все-таки поплатившись многими перьями со спины и хвоста.

Наоборот, пресмыкающиеся, особенно змеи, наводят на мартышек панический ужас. Как известно, змеи часто прячутся в дуплах, но там же находятся птичьи гнезда с яйцами и птенцами, до которых мартышки большие охотницы. И вот, нашедши такое гнездо, мартышка сначала исследует его, нет ли поблизости змеи. Заглянув в дупло, она внимательно прислушивается и, если там не слышно ничего подозрительного, медленно и осторожно опускает вглубь лапу, все время опасаясь, не покажется ли оттуда голова страшной для нее змеи.

Что касается душевных качеств мартышек, то, насколько они проявляются в неволе, эти животные представляют большой интерес для наблюдателя. Они —

хитры, рассудительны, склонны к воровству, но в то же время обнаруживают большую доброту, сострадание к несчастным и нежную любовь.

Во время моего пребывания на Голубом Ниле туземцы продали мне 5 только что пойманных мартышек. Я привязал их к борту судна. Они печально сидели кучкой, закрыв лицо руками и время от времени издавая заунывные звуки, словно совещались между собою о бегстве. На следующее утро четверо из них действительно бежали, развязав, по-видимому, друг другу веревки; пятый же товарищ, сидевший в стороне, был, видимо, забыт ими и оставлен в плену.

Пленник, после нескольких попыток освободиться, скоро свыкся с неволей и стал принимать пищу. К людям он относился сердито, но нежное сердце его, видимо, жаждало привязанности, и Коко — как мы прозвали его, — обратил ее на птицу калао (*Visceros*), которую мы везли из его далекой родины. Вероятно, его подкупило добродушие птицы. Оба животных скоро так подружились, что все время проводи-

ли вместе, причем обезьянка пресерьезно искала в перьях своего друга паразитных насекомых. Дружба продолжалась и в Хартуме, но здесь калао околела. Скучающий Коко, получивший уже тогда свободу, хотел было тогда обратить свою благосклонность на гулявших по двору кошек, но те встретили его пощечинами, а раз даже сильно потрепали. Наконец, ему попалась одна обезьянка, мать которой была убита. При виде сироты обрадованный Коко чуть не задушил ее в своих объятиях: он прижимал ее к себе, любовно воркуя, и немедленно принялся за чистку шкурки сиротки. Затем последовали новые объятия, и скоро Коко привязался к сироте, словно родная мать; он приходил в ярость, когда у него отнимали обезьянку, и потом долго ходил печальный. К несчастью, его приемыш через несколько недель умер. Отчаяние Коко не имело границ. Он брал своего мертвого любимца на руки, ласкал и гладил его, нежно мурлыча, но видя, что обезьянка остается неподвижной, раздражался жалобными воплями, надрывавшими душу. Мы были глубоко тронуты. Наконец, я велел отнять

труп обезьянки и забросить его за забор. Тогда Коко, как безумный, кинулся за ним, принес его обратно и снова стал ласкать. После этого мы зарыли труп, но через полчаса исчез и Коко.

Горе родной матери по умершему детенышу бывает у мартышек так сильно, что она умирает от тоски.

Испытал и я капризы, и воровские наклонности мартышек. Особенно памятна мне в этом отношении одна, привезенная мною на родину. Она начала с того, что привела мою мать в полное отчаяние, бросившись за курами, — и ничто потом не могло отучить ее от этого занятия. Гассан — так звали нашу обезьянку, — скоро изучил расположение всего дома, начиная от чердака и кончая кладовыми, и таскал все, что ни попадалось, особенно любил он куриные яйца и сливки. Первое мать как-то заметила и побила его; на другой день он принес ей с уморительными ужимками целое яйцо, положил его перед ней, помурлыкал и убежал. Что касается до сливок или молока, то вороватая обезьяна сначала выпивала их на месте, в кладовой, но когда это заметили, стала хитрить: брала крынку молока

и, утащив куда-нибудь, выпивала на свободе, а посуду бросала и разбивала. Когда же и за это побили ее, Гассан стал приносить матери целые крынки из-под молока, но пустые, что немало забавляло ее.

С людьми Гассан был любезен, но сохранил свою независимость и часто, хотя отвечал на зов, но не трогался с места, а когда его хватили силой, кусался или притворялся больным, даже умирающим. Из животных же он больше всего сошелся с самкой павиана, также привезенной мной домой. Она нянчила его, беседуя разнообразными горловыми звуками, гуляла с ним. Гассан платил ей полной взаимностью и послушанием, делясь с другом каждым лакомым кусочком. Однако, как только Гассан не хотел делиться, отношения их сейчас же менялись: павиан бросался на беднягу, как лютый зверь, силой раскрывал ему рот и вытаскивал пищу из защечных мешков, да вдобавок еще и колотил жертву своего насилия.

К несчастью, вторая холодная зима в Германии прекратила эту своеобразную дружбу: бедный Гассан зачах и скончался, всеми оплакиваемый в доме.

Из многих видов мартышек отметим следующие: 1) **зеленая обезьяна**, или **обуланж**, а также **ниснас** арабов (*Cercopithecus sabaeus*), до $\frac{1}{2}$; арш. в длину, причем хвост занимает половину; верхняя часть тела покрыта светло-зелеными полосами, конечности и хвост — пепельно-серые, бакенбарды беловатые, лицо светло-бурое, морда, нос и брови черные; на западе Африки встречается близкий вид, может быть, только разновидность ее, *C. griseoviridis*; 2) **диана**, или **бородатая мартышка** (*C. diana*), маленькое стройное животное, которое легко узнать по длинным бакенам и бороде; тело ее большей частью темно-серое, спина пурпурно-коричневая, а нижние части тела — белые; 3) **мона** (*C. mona*), похожая на диану, но каштаново-бурого цвета с желтовато-белой грудью, без бороды. Длина ее — около 2 ф., хвост несколько больше; 4) **муйдо** (*C. cephus*), живущая в Леанго, а также в Нижней Гвинее, голуболицая мартышка с роскошным мехом оливково-зеленого цвета с золотистым отливом; лицо — голубое, цвета кобальта; борода — ярко-желтая, хвост ржаво-красный. Вообще, это наиболее ярко и красиво окра-

шенная обезьяна. Любимое место обитания — болотистые прибрежные леса. Описание нравов мартышек, приведенное нами выше, относится главным образом к голуболицей мартышке; 5) **гусар** (*C. giber*), красная восточноафриканская обезьяна, в противоположность предыдущим видам, одна из скучнейших и неприветливых мартышек. По росту она наполовину или на треть больше предыдущих, название получила от ржаво-красного, иногда золотисто-красного цвета шерсти на спине; лицо у нее черное, бакенбарды — белые, нижняя часть тела также белая. Водится по преимуществу в степных местностях. Нрав у нее неуживчивый: гусар во всех видит своих врагов, все ему надоедает, и самые невинные шутки принимаются за обиду. Простой взгляд сердит его, а хохот приводит в страшную ярость. Ввиду такого характера его что-то не видеть в неволе.

б) **Мангаб**, или **черномазая обезьяна** (*C. fuliginosus*) — некоторыми учеными выделяется в особый род вследствие своих сильно выдающихся надглазных дуг. Туловище его достигает длины 2 ф. 2 д., хвост несколько меньше: сверху эта обезьяна черного цвета, снизу серого. Водится в Западной Африке; здесь же встречается и другая, похожая на нее обезьяна (*C. albigena*), которую Пехуэль-Леше описывает так: «Мбукумбуку, — как называют его туземцы берега Лоанго, — живет в больших лесах группами в 2–3 штуки. Она не так подвижна, как другие мартышки, но также ловко лазает по деревьям, быстро бегаёт по земле и отлично плавает. Название свое получила от звука, который издается самцом...»

На нашем дворе жила ручная черная обезьяна, красивый самец, прозванный нами Арапом; она обладала большими способностями, значительно развившимися от воспитания. У нее замечалось четыре сложных звука, которыми она выражала свои желания; особенно правильно издавала она два звука: один выражал желание пищи, другой издавался, когда выражалось желание устранить какое-нибудь препятствие с помощью людей. Между тем все другие наши обезьяны, за исключением горилл, никогда не кричали, чтобы позвать отсутствующих людей. Арапка был очень привязчив, но зато умел и ненавидеть: тогда он с быстротою молнии кидался на своего неприятеля, рвал у него платье, бил по щекам и больно кусался. Ловкостью он отличался изумительной: он умел развязывать сложный узел веревки, к которой был привязан, притом старался распутать непременно тот узел, которым веревка прикреплялась к его телу, чтобы она не волочилась за ним. Если же она где-нибудь запутывалась, Арапка внимательно рассматривал ее, и почти всегда ему удавалось распутать ее. Смешнее всего было на него смотреть, когда он старался разгадать что-либо непонятное для него, напр., когда мы производили астрономические наблюдения. Тогда он садился около нас на землю, ящик или бочку, принимая положение человека, о чем-нибудь серьезно размышляющего; подперев рукой подбородок или приложив указательный палец на губы и тихо мурлыча, он неустанно, с полным вниманием следил за нашей работой. Про ловкость и акробатическое искусство я уже не говорю: они снискали нашему Арапке общее расположение.

Под именем **макаков** (*Macacus*) известна не очень многочисленная группа обезьян, живущих в Юго-Восточной Азии. Все они

отличаются приземистым телосложением, не очень длинными конечностями, снабженными на больших пальцах плоскими

ногтями (на прочих пальцах ногти в виде черепицы крыши), большими защечными мешками и большими седалищными мозолями. Хвост бывает разной длины: у одних видов очень большой, у других — почти вовсе незаметный. Морда мало выдается вперед, зато нос — выдающийся. Сближенные ноздри довольно малы. Волосы на голове у некоторых пород разделены как бы пробором, у некоторых почти голый череп украшен на темени пучком волос вроде хохла.

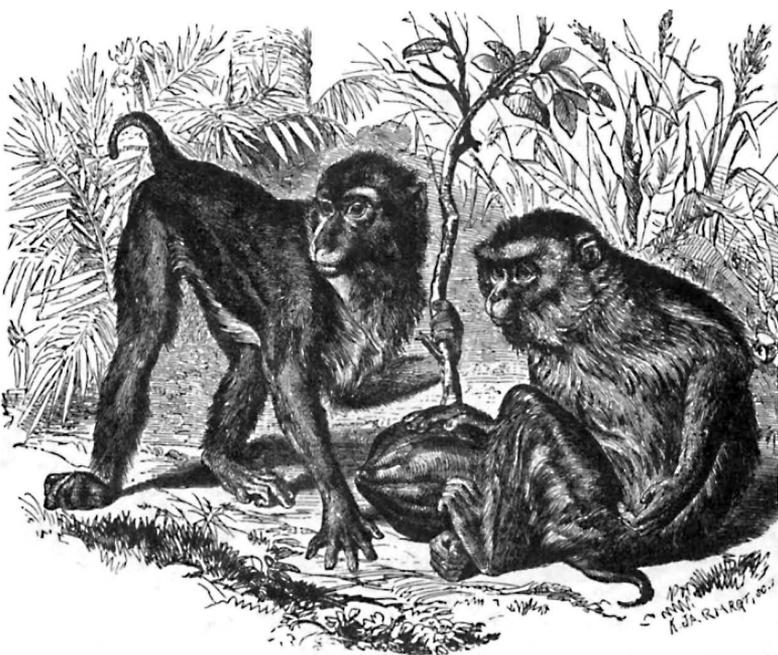
Наиболее известен из макаков — яванский **макак**, или **моньет** яванцев (*Macacus sumpolagus*), небольшое созданище с телом в полтора фута и такой же длины хвостом, распространенное по всей Юго-Восточной Азии. Цвет шерсти — довольно неопределенный: на верхней части тела оливково-бурый с черным, на нижней — светло-серый; кисти, ступни и хвост черные. Пищу его составляют как плоды всевозможных деревь-

ев, так и крабы и моллюски; поэтому стада макаков можно встретить и в лесу, и на берегу моря.

Путешественник Юнгхун пишет: «Мы проходили через одну яванскую деревню, около которой находился небольшой фиговый лес, окруженный садами и полями. На полянке в лесу поставили несколько стульев. Придя сюда, сопровождавшие нас яванцы стали бить в кусок бамбукового ствола; в лесу зашумело — и через несколько минут на полянке стали появляться серые обезьяны, большие и маленькие. Всего набралось штук до 100. Явившись на площадку, они, видимо, никого не боялись и были до того ручные, что брали из наших рук рис и пизаг, припасенные нами для угощения. Два очень больших бородатых самца особенно отличались своею смелостью, но в то же время бесцеремонно колотили и кусали попадавшихся им навстречу товарищей, да и между собою они, видимо, были не в ладах. Покормивши обезьян, мы возвратились в деревню, а обезьяны убежали в лес. Кто положил начало этому оригинальному обычаю кормления макак, — яванцы не могли объяснить...»

Похожий и по внешнему виду, и по характеру на мартышек, яванский макак так же, подобно им, обыкновенен в наших зверинцах и так же забавен и ловок, как мартышки. В зверинцах и цирках часто учат его разным акробатическим штукам. Содержание его в неволе — не затруднительно, так как макак ест то же, что и человек, начиная с простого хлеба: молоко, говядину, спиртные напитки... не откажется и от зеленой ветки какого-нибудь дерева. Но чем разнообразнее его пища, тем он становится разборчивее; впрочем, при нужде он и опять возвращается к простому столу.

Что касается характера, то, подобно мартышкам, макаки способны на нежную

Свинохвостый макак, или лапундер

привязанность как к человеку, так и к животным, только непостояннее их: сегодня добродушный и веселый, через минуту макак становится злым и сердитым. Впрочем, мягким обращением его всегда нетрудно усмирить.

Другой макак, **бундер** (*Macacus rhesus*), считается у индусов священным животным, подобно хульману. Туземцы не только не охотятся за ним, но открывают настежь перед ним свои дома и, по словам кап. Джонсона, оставляют на своих полях одну десятую часть жатвы; обезьяны спускаются с гор и забирают эту подать. Так поступают жители Бока. Вблизи же Биндрабуна, т. е. «обезьяньего леса», по словам того же Джонсона, существует более сотни садов, где специально разводят для бундеров любимые их плоды. Нечего и говорить, что в таких местах vorоватость обезьян и страсть к грабежу превосходит всякое вероятие, — и они становятся невыносимо наглы.

Однажды жена одного важного английского чиновника, леди Баркер, давала в Симле парадный обед. Стол был уже совершенно накрыт и украшен цветами. Ожидали гостей, и хозяйка пошла переодеться. Слуги же, вместо того чтобы охранять комнаты, куда-то скрылись. Представьте же себе удивление хозяйки, когда она возвратилась в столовую: обширная комната была занята гостями, да только не теми, которых она ожидала; в столовой хозяйничала целая стая бундеров, влезших из соседнего сада через открытые окна. Можно себе представить гнев почтенной леди при виде ее ограбленного стола!

Те же бундеры сыграли с леди Баркер и другую шутку. У нее была маленькая собачка Фюри, не ладившая с обезьянами, и вот в один прекрасный день одна из обезьян схватила собачку и, несмотря на ее

жалобный вой, утащила на вершину дерева, откуда, помучив вдоволь, со всей силы швырнула вниз. Бедная Фюри тут же околе-ла, а обезьяны, видимо, радовались своему мщению.

Родствен макакам **магот**, единственная обезьяна, встречающаяся в Европе на свободе. Магот (*Innus escaudatus*), известный также под названием турецкой, варварской, или обыкновенной обезьяны, представляет из себя стройное животное с длинными тонкими конечностями. Морщинистое лицо его, украшенное густыми бакенбардами, уши, ноги и руки — телесного цвета, шерсть красновато-оливковая, в старости — черная; нижняя часть тела — более светлого, желтовато-серого цвета. Длина тела — фута полтора.

Самый крупный и вместе непривлекательный представитель собакоголовых обезьян — **павиан** (*Сynосerphalus*), распространенный в гористых местностях (а отчасти в лесах) Африки, Аравии и Индии. Кроме того, павианы едва ли не единственные обезьяны, которые могут жить на высоте 3–4 тыс. футов выше океана, доходя даже до снеговой линии. Пищу их составляют преимущественно луковицы, корни, клубни, ягоды и мелкие животные вроде кур, хотя в Вост. Африке павианы нападают даже на мелких антилоп. Подобно прочим обезьянам, это — величайшие грабители полей и садов, настоящие бичи местного населения.

Несимпатичной, даже отталкивающей наружности их вполне соответствует и их характер. «Все павианы, — говорит Шейтлин, — более или менее злы, свирепы, бесстыдны и коварны; взгляд их лукавый, душа — злобная. Зато они гораздо понятливее и умнее многих мелких обезьян. Особенно ярко проявляется у них свойственная всем вообще обезьянам способность

к подражанию, так что они могли бы сделаться совсем похожими на людей, но никогда не достигают этого. Защищаются они упорно и с большим мужеством. В молодости павианы способны к приручению, но в старости, когда их ум и чувства притупляются, дурная натура берет свое: они опять становятся непослушными, царапаются, кусаются. Говорят, что на свободе они и умнее, и развитее, в неволе же — более кротки и понятливы. Это семейство, — заканчивает Шейтлин свою характеристику, — называют собакоголовыми, но хорошо бы было к собачьей голове прибавить им и собачий нрав!»

Нельзя не согласиться с приведенными словами. Правда, и у павианов есть хорошие качества — они привязаны друг к другу, любят своих детенышей, а также кормящего их человека, — но безнравственность и порочность их совершенно затушевывают хорошие черты. Коварство у них соединяется с взрывами страшного, беспричинного гнева: одного неосторожного слова или насмешливой улыбки достаточно, чтобы привести их в бешенство, — и тогда павиан забывает даже того, кого любит.

Человека эти обезьяны обыкновенно избегают, но в случае крайности вступают в отчаянный бой с ним, так же как с собаками, леопардами и даже львами. Боятся они только ядовитых змей, зато скорпионов пожирают с удовольствием, предварительно вырвав жало.

Весьма многочисленный род **павианов** (*Cynocephalus*) включает в себе несколько видов, как то: **бабуин** (*Cynocephalus babuin*), **чакма** (*C. porcarius*), **сфинкс** (*C. sphinx*), **гамадрил** (*C. hamadryas*), **мандрил** (*C. mormon*), **дрил** (*C. leucophaeus*), **черный павиан** (*C. niger*), **гелада** (*C. gelada*), **бородатая обезьяна** (*C. silenus*).

Бабуины распространены в Абиссинии, Кордофана и Средней Африке, где встречаются большими стадами на маисовых и просяных полях, которым они приносят сильный вред. Они очень смелы и хитры. Как только сторожа прогонят их, выждут их ухода и опять принимаются за грабеж. Не боятся они и охотников; впрочем, от ружейного дула держатся на почтительном расстоянии. Раненые животные уводятся своими товарищами. Вожаки зорко следят за малейшей опасностью, охраняя покой стада. Несмотря на свой неуклюжий вид, это очень ловкие животные, смело взбирающиеся на величайшие деревья. По природе они храбры, но при встрече с европейцами чувствуют страх и, дотронувшись, мгновенно отскакивают с громким криком. Характерно также их волнение перед грозой или ливнем. В неволе бабуины скоро приручаются и остаются преданными своему хозяину, причем самки добродушнее самцов, склонных к коварству.

Во время моего вторичного пребывания в Восточном Судане у меня жило несколько павианов, которых мы научили разным фокусам, даже верховой езде на осле. На спине этого терпеливого животного они усаживались втроем-вчетвером. И комичную же картину представляли из себя эти всадники! Первый павиан нежно обнимал руками шею осла, ногами же судорожно вцеплялся в шерсть его, второй — обнимал руками первого, ногами же точно так же вцеплялся в осла; так же поступали и остальные.

Все эти павианы были по природе храбрые животные и не раз обращали в бегство собак; даже жившая у нас ручная львица не внушала им страха. Тем забавнее было видеть непреодолимый страх их перед гадами и пресмыкающимися. Вид самой безвредной ящерицы или лягушки приводил их в ужас и обращал в дикое бегство. Тем

не менее они не могли удержаться от жгучего желания взглянуть на страшное животное. Сколько раз я приносил им в жестяных коробках ядовитых змей! Они отлично знали, что заключалось в них, тем не менее постоянно с любопытством заглядывали в коробку, чтобы сейчас же в ужасе отскочить назад.

Одного из этих павианов я привез домой, в Германию, и он своими шалостями доводил, что называется, до белого каления нашу дворовую собаку. Когда та, удобно растянувшись на зеленой траве, предавалась отдыху, Атила — как звали павиана, — тихонько подкравшись, хватал ее за хвост и вдруг дергал со всей силы. Собака бешено вскакивала и бросалась на врага. Но тот, спокойно выждав приближение противника, перескакивал через него и снова хватал за хвост. Понятно, что собака окончательно выходила из себя, но ничего не помогало, и дело кончалось обыкновенно тем, что, поджав хвост, она убегала с жалобным воем от злорадствовавшего павиана.

Атила любил приемышей; между ними была и мартышка Гассан, о которой я говорил выше, как он обижал маленькую обезьянку, вытаскивая из ее рта пищу. Не довольствуясь, однако, одним любимцем, Атила крал везде, где только мог, щенят и котят и подолгу возился с ними. Однажды такой приемыш — котенок — оцарапал его. Атила внимательно осмотрел лапы любимца и, отыскавши когти, причинившие ему боль, без церемонии откусил их.

Обществом людей он очень дорожил, предпочитая, однако, мужчин женщинам, которым он всячески досаждал. Догадливость его доходила до того, что он умел отворять и затворять двери, открывал шкапулки и обворовывал дочиста, а живя зимою в хлеву, снимал двери с петель, выпускал коз и свиней и позволял себе другие

Чакма, или медвежий павиан

проказы. Ел он все съедобное, в особенности картофель, и, что удивительно, очень любил табак и табачный дым.

Привязанность его ко мне была безгранична: я мог делать с ним, что хотел, даже, случалось, наказывал его, а он сердился на других, напр. На присутствовавших в это время в комнате, вероятно, считая их виновниками своего наказания.

Когда Гассан умер, он сильно горевал, и я, боясь за его участь, продал его в зверинец, где ему нашлась подходящая компания.

Из других представителей рода павианов следует упомянуть еще о **гамадриле** (*Cynocephalus hamadrias*), живущем в горах Абиссинии и Южной Нубии, поблизости воды и растительности, еще лучше — полей. Эти оригинальные павианы, достигающие в длину до 1½ арш., причем только 8 дюйм. приходится на хвост, украшены длинной мантией, длина волос которой доходит

Гамадрил, или плащеносный павиан

до 10–12 дюймов. Рано утром, в хорошую погоду, стадо гамадрилов медленно и спокойно отправляется вдоль отвесных скал, причем то сорвут растение, корень которого употребляется ими в пищу, то свернут с места камень, чтобы достать из-под него улиток или насекомых. К вечеру, нагулявшись и вволю насытившись, стадо направляется на ночлег, поблизости какого-нибудь поля.

Однажды мне пришлось увидеть стадо гамадрилов на гребне кряжа, довольно круто спускавшегося в обе стороны. Мне уже издали бросились в глаза высокие фигуры старых самцов, но я принял их за обломки скал, на которых эти животные так похожи. Но отрывистый, громкий лай, который можно передать звуком «кук», сразу разубил меня. Павианы повернули ко мне головы. Только детеныши продолжали беззаботно резвиться, да несколько самок не бросали своего любимого занятия — «искания» в шерсти самца. Но вот бывшие

с нами борзые собаки с громким лаем бросились вперед. Тогда обезьяны поднялись на ноги, одна за другой двинулись вдоль хребта и скоро исчезли из наших глаз. Однако, обогнув долину, мы снова увидели их на узком карнизе скалы; просто невероятно было, как только они держались. Вспугнутое нашими выстрелами, все стадо принялось мычать, лаять и кричать ужасным образом, затем опять снялось с места. Однако при новом изгибе долины мы еще раз встретили его; павианы только что начали подниматься на противоположные горы. Собаки кинулись на них. Тогда мы увидели редкое зрелище: при виде врагов старые самцы, уже поднявшиеся было на гору, поспешно спустились вниз и стали громко рычать, разевая свои страшные пасти, сердито колотя руками о землю и кидая на собак такие свирепые взгляды, что наши отважные животные с ужасом отступили. Однако мы успели снова науськать их; но гамадрилы почти все уже поднялись вверх, только один полугодовалый детеныш замешкался что-то. Собаки кинулись к нему; тот с пронзительным криком бросился на обломок скалы. Мы уже думали овладеть им. Но случилось другое. Величественно и гордо, не обращая на нас никакого внимания, один из самых сильных самцов спустился прямо к собакам и навел на тех прямо панический страх своими блестящими глазами, затем подошел к детенышу, обласкал его и, взяв на руки, направился обратно мимо собак — и те были так сконфужены, что беспрепятственно пропустили его. Этот мужественный подвиг вселил и в нас такое уважение к гамадрилам, что мы не пытались даже разрядить по ним своих ружей.

Семейство **широконосых**, или обезьян Нового Света (*Platyrrhini*), резко отличается от рассмотренных нами животных

уже по внешнему виду. Тело их худощаво и снабжено в большинстве случаев цепким хвостом; большой палец передних конечностей не может быть противопоставлен другим пальцам, как этот же палец на задних конечностях; ногти — плоские; вместо 32 зубов — 36; ни защечных мешков, ни седалищных мозолей нет; морда не выдающаяся; носовая перемычка широкая; окраска шерсти никогда не бывает так пестра, как у обезьян Старого Света. По характеру широконосые обезьяны также отличаются от узконосых: они ленивее, скучнее и тупоумнее, хотя в то же время добродушнее и безвреднее. Отечество их — Южная Америка, начиная с 29° сев. ш. До 25° южн. ш. Широконосые делятся на 2 подсемейства:

- 1) **цепкохвостые** (Cebidae), у которых хвост является хорошо развитым хватательным органом, как бы пятою рукою;
- 2) **мягкохвостые** (Rithecidae), снабженные слабодействующим, мягким, пушистым хвостом.

К первому подсемейству принадлежат роды: **ревуны** (Mycetes), **цепкие** (Ateles), **сапажу** (Cebus); во втором подсемействе рассмотрим роды: **лисьехвостые**, или **саки** (Pithecia), **прыгуны** (Callithrix), **саймири** (Chrisotrix) и **ночные** (Nyctipithecus).

На первом месте среди всех цепкохвостых следует поставить ревунов (Mycetes). Это обыкновенно плотные, с высокой, пирамидальной головой и выдающейся мордой небольшие обезьяны, покрытые густой шерстью, которая, удлинняясь на подбородке, принимает форму бороды. Типическим признаком их служит также пузыревидно-вздутая подъязычная кость и длинный цепкий хвост. Любимым их местопребыванием являются пустыни, высокие и сырые леса Южной Америки.

Ревунов два вида. **Акуат**, или **рыжий ревуны** (M. seniculus), отличается рыжевато-бурою шерстью, имеющей посреди спины золотисто-желтый цвет; волосы короткие, жесткие, без подшерстка. Длинною он — 4 фута 5 д., из которых около половины приходится на долю хвоста; самка меньше ростом и темнее. Другой вид, **карайя**, или **черный ревуны** (M. niger), покрыт черной и более длинной шерстью; только у самки она желтовата на брюхе. Величина почти та же. Первый вид распространен по всей восточной половине Ю. Америки, второй — преимущественно в Парагвае.

Оба вида недаром получили название ревунов. «По приезде моем, — говорит Шомбург, — мне часто приходилось слышать при восходе и закате солнца ужасный рев этих животных, доносившийся из дремучего леса. Однако выследить их долго не удавалось. Наконец, однажды утром, после продолжительных поисков, я наткнулся на целое общество их. Оно сидело на высоком дереве и задавало такой ужасный концерт, что издали казалось, будто все лесные звери вступили тут в смертельный бой: звуки напоминали то хрюканье свиньи, то рев ягуара, бросающегося на добычу, то страшное рычание этого хищника, когда он чует врагов. Впрочем, это страшное общество способно было вызвать и улыбку у самого мрачного ипохондрика, если бы он видел, с каким серьезным выражением бородатые певуны смотрели друг на друга. Мне передавали, что у каждого стада есть свой запевала, который отличается от всего хора, состоящего из одних басов, своим высоким, пронзительным голосом...»

Жизнь ревунов — довольно однообразна. Днем они рассаживаются по высоким деревьям, на ночь же спускаются на более низкие деревья и, спрятавшись в их густой листве, предаются сну. Даже во время

процесса питания движения их ленивы: медленно перелезают они с ветки на ветку, неторопливо срывая листья и почки и еще неторопливее поднося их ко рту, а насытившись, усаживаются, скорчившись на каком-нибудь суку, точно дремлющие дряхлые старики. Что делает один, то в точности повторяют и остальные. «Поистине удивительно, — говорит А. Гумбольдт, — до чего однообразны движения этих обезьян: каждый раз, когда нужно перейти на другое дерево, самец, идущий во главе стада, вешается за хвост и, повиснув таким образом на ветке, раскачивается до тех пор, пока не ухватится за ближайшую ветку соседнего дерева, — и все стадо в точности и в том же месте продвигает такие же движения».

Что замечательно у этих животных, так это их цепкий хвост, на котором они могут свободно висеть целыми часами, даже мертвые. Ревун пользуется этой «пятой рукой» при каждом движении: двигаясь вперед по какой-нибудь ветви, он до тех пор не выпускает ее из рук, пока его хвост не нащупает надежной точки опоры и не обовьется вокруг нее 2–3 раза. Слезая с дерева, он также держится хвостом за ветку, которую собираются покинуть, пока не найдет руками новой точки опоры, а влезая на дерево, держится хвостом за нижнюю ветку, пока руками и ногами не ухватится за верхнюю. По-видимому, хвост у него сильнее рук.

Привыкнув к лазанью по деревьям, ревуны редко спускаются на землю и то только тогда, когда им нельзя напиться, свесившись с дерева. Воды они страшно боятся и плавать не умеют.

Любимое их занятие — концерты. «Вот стадо избрало себе исполинскую смоковницу, — рассказывает Гумбольдт, — густая листва ее защищает ревунов от солнца, а мощные горизонтальные ветви как нельзя лучше приспособлены для прогулок. Глава

семьи избирает себе одну из ветвей, прочие располагаются поблизости, — и он, поджав хвост, начинает медленно, с важностью прогуливаться взад и вперед. Вскоре начинается его рев, сначала тихий, отрывистый, словно певец пробует силу своих легких; затем понемногу звуки растут, усиливаются и, наконец, сливаются в непрерывный рев. В это мгновение остальные, до сих пор бывшие молчаливыми слушателями, с воодушевлением подхватывают, присоединяя свои голоса к голосу запевалы, — и в тихом лесу около 10 секунд слышится ужасный концерт. Затем постепенно все затихает, оканчивая рев такими же отрывистыми звуками, какими начали, только не так продолжительными».

О **рыжем ревуне**, населяющем леса Гвианы, Капплер говорит: «Он живет небольшими стадами, состоящими не более как из 10 штук, среди которых находится вожак, старый самец, управляющий отвратительным концертом. Каждый раз, когда мне случилось близко наблюдать этих животных, на вершине дерева оказывался вожак. Время от времени он испускал ужасно хриплый крик вроде „роху! роху!“ и, повторив его 5–6 раз, поднимал неимоверно громкий рев, к которому присоединялись и остальные ревуны. Рев был такой, что можно было опасаться оглохнуть... Трудно объяснить, что заставляет ревуна кричать. В колониях думают, что он ревет при наступлении прилива, но это предположение ошибочно, так как обезьяны эти кричат во всякое время дня. Весьма вероятно, что причиной рева являются какие-нибудь особенные явления в атмосфере... Ревун ленив и угрюм; он прыгает только тогда, когда его преследуют, обыкновенно же лезет медленно. Будучи пойман молодым, он скоро привыкает к человеку и домашним животным, но угрюмость

не покидает его. Если человек, к которому он привязан, на время удалится от него, он начинает издавать хриплые звуки, в высшей степени неприятные. Неприятен также и запах, который имеют ревуны и по которому легко узнать в лесу о близости их».

Ленивый, неповоротливый ревунок не любит без нужды покидать приютившее его дерево и потому совсем не грабит плантации или бахчей. Напротив, он сам служит предметом охоты, так как и мех его в большом ходу в Америке, и мясо считается очень вкусным даже европейцами, не только индейцами.

Самка ревуна мечет в год по одному детенышу (от конца мая до начала августа), который, как и у обезьян Старого Света, первые недели висит на брюхе матери, уцепившись за нее руками и ногами, потом

переходит на спину. Это — такое же скучное создание, как и взрослый ревунок, только благодаря большой выдающейся гортани, пожалуй, еще безобразнее. Тем не менее мать любит этого уродца и, даже будучи смертельно ранена, не покидает его; впрочем, индейцы уверяют, что она довольно равнодушна к нему.

Другой род, *Ateles*, — **цепкие обезьяны** справедливо получили за свою оригинальную фигуру название паукообразных. Действительно, голова у них маленькая, конечности необычайно длинные, тело худое, лицо безбородое, отечеством их служит Южная Америка до 25° ю. ш., а местопребыванием — вершины самых высоких деревьев; живут стадами в 10–12 штук, иногда же — парами. Виды их мало отличаются друг от друга.

В Гвиане живут два вида: **коата** (*Ateles paniscus*) и **маримонда**, или **ару** (*A. beelzebuth*). Первый — наиболее крупный представитель своего рода, до 4 ф. 5 д., из обезьян заменяет **чамек** (*A. pentadactylus*), около 2 ф. длиной, с 2 фут. хвостом. Покрит длинной черной шерстью и вместо большого пальца имеет короткий отросток. В Бразилии же представителем паукообразных обезьян является **мирики** (*A. hyroanthus*), немного больше ростом чамека, покрит густой, волнистой шерстью, более половины приходится на хвост. Покрит грубой черной, слегка рыжеватой шерстью. Нрава добродушного.

В Квито, Панаме и Перу вышеназванный иногда — беловато-серо-желтого цвета. Но самая красивая из всего рода, бесспорно, **золотолобая обезьяна** (*A. bartletii*), открытая младшим Бартлетом в Перу и названная в честь его. Густой длинный и мягкий мех ее наверху — черный, на нижней части тела — буровато-желтый; на лбу — золотисто-желтая полоса, бакенбарды — белые; нижняя сторона тела и хвоста, внутренняя поверхностей и наружная сторона голени задних ног буровато-желтые, немного светлее, нежели полоска на лбу, и местами испещрены отдельными черными полосами. Все голые части лица и рук — черно-бурые. Что же касается размеров тела, то, по-видимому, они близки к размерам тела других видов того же рода.

С жизнью цепкохвостых обезьян на свободе нас познакомили Гумбольдт, Макс-Вид и Шомбург. В Гвиане они встречаются лишь

в низко лежащих лесах, небольшими стадами в 6 штук. Они отлично лазают по деревьям, причем им много помогает хвост; иногда

случается видеть целое общество их, свесившееся на хвостах. На ровном месте походка их неровная, колеблющаяся; они как бы хромают. Находя вдоволь пищи в девственных местах, эти обезьяны не наносят ущерба полям, тем не менее их усердно преследуют частью из-за шкуры, частью из-за мяса. Тихий, по сравнению с ревунами, но все же довольно громкий голос выдает охотникам присутствие обезьян, которые, заметив своего врага, обращаются в бегство, с боязливой поспешностью протягивая вперед длинные конечности, хватаясь за ветки хвостом и таким образом быстро передвигаясь.

Четвертый род цепкохвостых обезьян — **сапажу** (*Cebus*), отличаются тем, что хвост у них хотя и может обвиваться вокруг древесных ветвей, но не служит органом хватания; кроме того, он со всех сторон покрыт волосами, тогда как у ревунов он обнажен на конце с нижней стороны. Сапажу — довольно пропорциональны; теменная часть их головы округлена; руки — средней длины; мех — густой и короткий.

По характеру это настоящие мартышки Нового Света, живые, шаловливые, любопытные и капризные. Голос их, довольно плаксивый, обыкновенно при малейшем возбуждении превращается в отвратительный визг. Живут они на деревьях в Бразилии, где соединяются в многочисленные общества. Из американских обезьян это — наиболее обычное у нас, в Европе, в зверинцах, животное, особенно один вид — капуцин, или кайя («обитатель леса» — на языке индейцев-гуаранов).

Капуцина (*C. sarucinus*) следует считать наиболее крупным представителем из всех сапажу, так как длина тела доходит до 1 ф. 6 дюйм., а хвост — до 1 ф. 2 д. Отличительный признак его — голый уже с ранней моло-

дости, морщинистый лоб светлого мясного цвета; мех вообще темно-бурый, но бакенбарды, горло, грудь и брюхо — светло-бурые. Капуцин водится на деревьях, небольшими семьями в 7–10 членов; наблюдать его трудно, так как он пуглив и робок.

«Однажды, — рассказывает Ренгер, — мое внимание привлекли приятные тоны, похожие на звуки флейты, и я увидел старого самца, который, пугливо озираясь, приближался на верху деревьев, в сопровождении дюжины других обезьян, из которых три самки тащили на спине или под мышкой детенышей. Вдруг одна из обезьян, заметив вблизи померанцевое дерево со зрелыми плодами, издала несколько звуков и перепрыгнула на него. За ней последовали и остальные, и все стадо занялось срыванием и поеданием сладких плодов. Обыкновенно каждая садилась на ветку, обвив ее хвостом, клала померанец между ногами и старалась пальцами отделить кожицу. Если это не сразу удавалось, то обезьяна с недовольным видом и ворча колотила плодом по дереву, пока не лопалась кожица; затем, содрав последнюю, она жадно подлизывала стекающий сок, а потом съедала и мякоть. Более взрослые старались при этом отнять добычу у более слабых, и дело доходило до потасовки. Некоторые, поднимая засохшую кору дерева, искали там насекомых».

Самки заботливо ухаживают за своими детенышами, отыскивают у них насекомых, наблюдают за ними, ограждают от нападения других обезьян и пр.

Эта обезьяна очень чувствительна к холоду и сырости, и потому привезенные в более северные страны часто заболевают чахоткой, а также подвержены насморку и кашлю. Воды она не любит и плавать не умеет.

Звуки, издаваемые ею, довольно разнообразны: от скуки она издает звук, похожий на звук флейты; при требовании чего-нибудь стонет, в удивлении и смущении изда-

ет полусвистящие тоны, а в гневе несколько раз кричит грубым и глубоким голосом: «ху, ху!» в страхе или от боли она пищит, при радостном же возбуждении — хихикает. Наконец, она может даже смеяться, правда без звука, и плакать, но слезы ее только наполняют глаза, а не текут по щекам.

Взятый молодым, капуцин скоро привыкает к своему хозяину, охотно играет с ним, при свидании обнаруживает бурную радость, словом, становится полудомашним животным. Бывает также, что капуцины привязываются и к домашним животным, если воспитываются вместе с ними. Так, в Парагвае их нередко воспитывают вместе со щенками, которые служат им верховыми лошадьми, — и обезьяна всегда защищает и любит своего щенка.

*Капуцин-фавн (слева),
обыкновенные капуцины (справа)*

Фавн, мико, или рогатая крючкoxвостка, **рогатый сапажу** (*C. fatuellus*), водится в восточных областях Бразилии. Размером она с капуцинa, а по словам принца Вида, с большого кота. Характерен для нее двойной хохол (в 4 ст.) черных глянцевитых волос на голове; шерсть на спине — черная, переходящая на других частях тела в бурую. По словам Гензеля, это самое быстрое и умное из всех созданий Южно-Бразильских лесов. Они живут большими стадами в 30–40 штук, которые занимаются грабежом маисовых полей. Но, воруя, эти обезьяны постоянно держатся настороже и, чуть что, сейчас обращаются в бегство. В Бразилии охотятся за фавнами из-за их мяса, которое считается у индейцев лакомым блюдом. Охотники подманивают обезьян, подражая их свисту.

Второе подсемейство обезьян Нового Света носит название **мягкохвостых** (*Pitheciidae*); сюда относятся небольшие обезьяны с мягкими, пушистыми, не цепкими, к концу утончающимися хвостами. Этот признак особенно резко выражен у **лисцехвостых обезьян**, или **саки** (*Pithecia*), неуклюжих, коренастых созданий с более или менее длинной бородой. Отличительным признаком от прочих американских обезьян служит еще устройство зубов: очень большие трехгранные клыки отделены проме-

жутком от тесно сидящих, остроконечных и наклонных вперед резцов. Немногочисленные виды саки живут в северной части Южной Америки, в сухих и высоких лесах. По Чуди, это — ночные животные, начинающие свою деятельность с закатом солнца, но Шомбург не соглашается с этим. По его мнению, саки — вовсе не ночные животные. «Везде, где по берегам растет густой лес, — говорит он, — я встречал целые стада милостивых саки. Длинные волосы, разделенные пробором, пышная борода

и бакенбарды, пушистый, похожий на лисий, хвост, умный взгляд — придают этим зверькам чрезвычайно приятный и вместе комичный вид... Я застрелил было самца и самку, но вскоре почти раскаялся в своем выстреле, когда услышал жалобный, за душу хватающий крик раненого самца. Этот жалобный крик похож на стон страдающего ребенка».

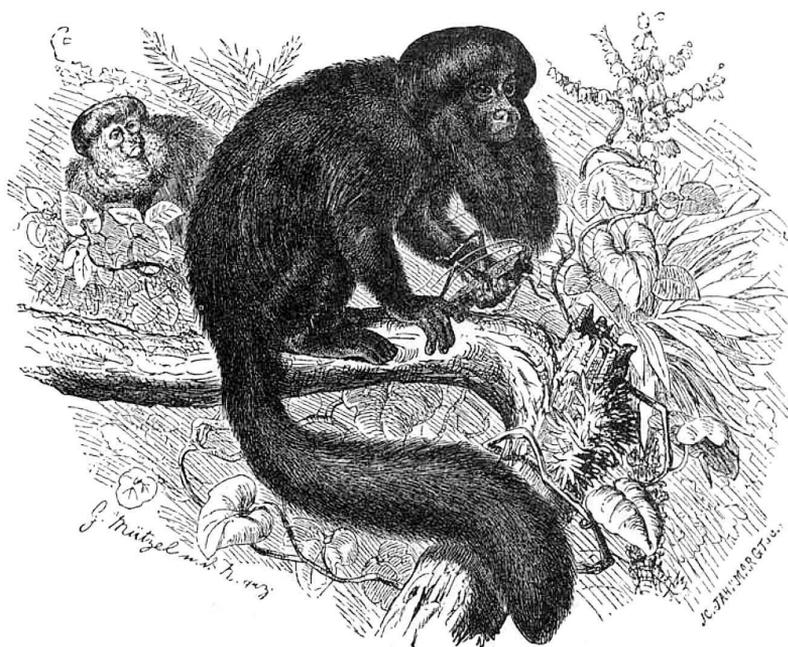
В больших лесах верховьев Амазонки и Ориноко водится преимущественно самый обыкновенный вид этого рода, **чертов саки** (*P. satanas*), **куксио** индейцев, величиною в 55 см и таким же хвостом. Черная шерсть его всегда тщательно расчесана. «Ни один щеголь в мире не мог бы держать своих волос в большем порядке, чем это красивое животное!» — говорит Капплер. Хотя, по уверению Гумбольдта, чертов саки дик и раздражителен, но находится в подчинении у цепкохвостых родичей, часто сгоняющих его с деревьев. Отличительный

признак этого саки — густая, длинная черная борода.

К близким родичам только что указанных животных нужно отнести и **короткохвостых обезьян** (*Brachyurus*), у которых короткий, как бы обрубленный хвост и негустые бакенбарды. Туловище их приземисто; пальцы конечностей вооружены узкими, длинными ногтями; толстая морда окружена отдельными пучками щетинистых волос. Водятся они также на севере Южной Америки, но образ их жизни мало известен. Мы знаем только, что они живут небольшими стаями по берегам рек и во время своего странствования издают неприятные звуки. Гумбольдт первый описал обезьяну, носящую у туземцев разные названия, **какайяо** и др. (*B. melanoserphalus*). Она немного больше 2 фут. в длину, из которой $\frac{1}{2}$ фута составляет хвост. Несколько косматая шерсть ее блестящего светло-коричневого цвета.

Наконец, последний и, пожалуй, самый оригинальный род обезьян Нового Света, семейства широконосых, представляет **ночная обезьяна** (*Nyctipithecus*), образующая переход от собственно обезьян к точно таким же ночным и во многих отношениях сходным с ней полуобезьянам, или лемурам. У нее маленькая голова с совиными глазами, рыльце широкое, отверстия ноздрей обращены вниз, уши маленькие. Длинное тело покрыто мягкими волосами, пушистый хвост длиннее тела.

Третье семейство — **игрунковые** (*Arctopithecini*) — резко отличаются от вышеописанных обезьян узкими ногтями на всех пальцах, за исключением больших пальцев ног, где широкие, плоские ногти. Кроме того, голова у них — округленная, с плоским

Чертов (черный) саки

лицом, глаза — маленькие, но зато большие уши, короткие конечности, длинный пушистый хвост и шелковистая шерсть. Большие пальцы на передних конечностях не могут быть противопоставлены остальным, как на задних конечностях. Во рту, подобно обезьянам Старого Света, 32 зуба, причем два верхних резца больше двух крайних, а нижние резцы удлинены и имеют долотообразную или цилиндрическую форму. Клыки отличаются величиной и толщиной.

Игрунковые населяют леса и кустарники Бразилии, Перу, Гвианы, доходя до Мексики, где, впрочем, встречается только 2 вида их. Местопребыванием их служат преимущественно пустынные, незаселенные еще человеком места. По образу жизни и нравам они напоминают белок; они не сидят на задних лапах, как другие обезьяны, а опускаются на все четыре или же лежат, вытянувшись на животе и свесив свой хвост. Подобно белкам же, они быстро влезают прямо вверх по стволу, но прыгать не любят и часто падают с дерева. Наконец, и пищу они подносят ко рту совершенно как белки.

Приютом их на ночь служат дупла деревьев; проведя здесь ночь, они уже рано утром начинают рыскать по лесу в поисках за пищей, проявляя при этом, подобно белкам, то же беспокойство, ту же подвижность и пугливость. Головка их ни на минуту не остается в покое; темные глазки то и дело перебегают с одного предмета на другой... Нрав их — непостоянный, вспыльчивый; понятливость — слабая. Словом, это, кажется, наименее развитые в умственном отношении обезьяны.

Пищу игрунковых составляют разные плоды, семена, листья и цветы; не брезгают они и насекомыми, пауками, а при случае нападают и на маленьких позвоночных, яв-

ляясь более плотоядными, чем другие обезьяны. Но, преследуя маленьких созданий, они часто сами становятся добычей более крупных, нежели они, животных, особенно хищных птиц, орлов и соколов. Преследует их и человек, хоть мясо их хуже мяса других обезьян, да и мех редко идет в дело. По-видимому, единственной целью охоты является приручение, которому игрунки легко поддаются.

Правда, в неволе они обнаруживают сильную боязливость и недоверие, но ласковое обращение, при известной настойчивости, скоро преодолевает их, и обезьянка скоро приучается смотреть на своего хозяина как на доброго друга. Привыкают они и к домашним животным человека. Но все-таки в неволе они хиреют и скоро мрут. Впрочем, причину их сильной смертности нельзя не видеть в несоответствии даваемой им в неволе пищи тому питанию, которого они держатся на свободе. Это — насколько растениеядное, настолько же и плотоядное животное, а его кормят в неволе только сладкими плодами. Между тем им необходимо давать и насекомых или, взамен их, мяса и яиц.

При надлежащем уходе игрунки живут в неволе по 6–8 лет и даже размножаются. В зоологическом саду Франкфурта их держат летом на открытом воздухе и только на зиму переводят в отапливаемое помещение; но в зверинцах они переносят и большие невзгоды, Рейхенбах передает, что однажды в очень суровую зиму ему прислали из зверинца одну игрунку — уистити — для приготовления чучела. «Обезьянка замерзла до окончания, но скоро ожила в тепле, причем прежде всего стала подергивать ногами, потом стала слабо дышать и через 2 часа совершенно оправилась». Этот факт доказывает, что игрунки и в этом отношении походят на грызунов.

Из видов, принадлежащих к семейству игрунковых, наиболее известны: **уистити обыкновенная** (*Harale jacchus*), **темная уистити** (*H. penicillata*) и **серебристая обезьяна** (*H. argentata*). Из них чаще всего в Европу привозят первую, которая хорошо переносит неволю и даже размножается, только родители часто загрызают своих детенышей.

Обыкновенная уистити — среднего роста, 10 дюйм. длиной, с хвостом около 1 ф., покрыта длинной мягкой шерстью, цвет которой состоит из смеси черного, белого и ржаво-черного. Темно-бурая голова украшена на ушах белыми пучками; лицо — темного телесного цвета. Темная уистити отличается от нее, кроме цвета шерсти, крупным пятном на лбу и лицом, покрытым короткими волосами — белого цвета. В неволе уистити ручнеет, но к чужим относится недоверчиво, часто выражая свое недовольство особым свистом. Однако они привыкают не только к людям, но и животным, напр. кошкам, с которыми любят спать вместе.

Реже встречается (даже и в Америке только вблизи Каметы), но гораздо красивее **серебристая обезьянка**, всего 6–8 дюйм. с 10 дюйм. хвостом. Длинная, шелковистая шерсть ее серебристо-белого цвета, хвост матово-черный, а почти голое лицо — мясного цвета. Совершенно отдельную группу составляют так называемые **львиные игрунки**, с голым лицом и ушами, тонким хвостом, иногда с пучком на конце, и более или менее длинной гривой, придающей этим обезьянам сходство со львом. Типичный представитель этой группы собственно **львиная игрунка** (*Harale leonina*), небольшое (в 8 д.) животное оливково-бурого цвета. Лицо, руки и ноги — черные. «Это — одно из самых красивых и изящных животных, какого только я видел, — говорит Гумбольдт. — Игрунка живого, веселого нрава, хоть, подобно почти всем маленьким животным, лукава и вспыльчива. Если ее рассердить, то у нее надувается шея, грива приподнимается и сходство этого зверька с африканским „царем пустынь“ делается очень заметно». Бэтс, со своей стороны, подтверждает живой нрав игрунки и ее ласковое обращение, а Жоффруа замечает, что эта обезьянка узнает предметы, изображенные на раскрашенных рисунках: она боится изображения кошки и пытается схватить нарисованных жуков и кузнечиков. Живых львиных игрунок очень редко можно увидеть в Европе.

От настоящих львиных обезьян выделяют **безгривых тамаринов**, у которых, кроме того, большой хвост и большие, перепончатые, голые ушные раковины. Из этой группы известен пока один **пинче** (*H. oedipus*), 7 дюйм. длиной с хвостом в 1 ф. 4 д.; шерсть — землисто-бурого цвета; лицо, черное с веселыми светло-бурыми глазами, ярко выдается из-под белой шапки волос на голове и приобретает особенное выражение вследствие сросшихся бровей и узкой бороды, окружающей рот. Родина северо-западные страны Ю. Америки. По образу жизни пинче мало отличается от других игрунок: так же боязлива и сердита и так же трудно привязывается к известному человеку. Голос ее поразительно похож на птичий: начинается с высоких, похожих на флейту трелей «ди, ди, ди», затем, понижаясь, переходит в «дре, дере, де» и оканчивается коротким «гак, гак, гек»...

ОТРЯД II ПОЛУОБЕЗЬЯНЫ, ИЛИ ЛЕМУРЫ

(Prosimii)

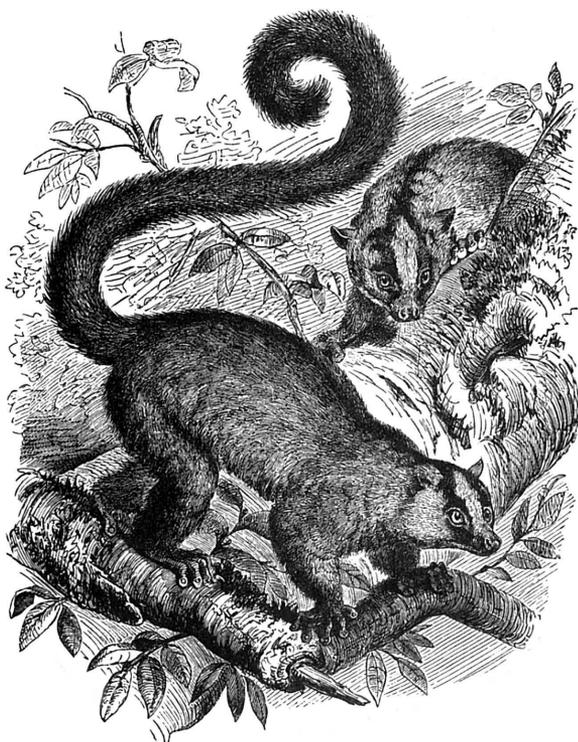
Большинство прежних естествоиспытателей видели в животных, к обозрению которых мы переходим теперь, настоящих обезьян и потому соединяли их с последними в один отряд: мы же, наоборот, выделяем полуобезьян в самостоятельный отряд, так как у этих животных очень мало сходства с обезьянами и по строению тела, и по устройству зубов. Даже название четырехруких, применяемое обыкновенно

к обезьянам, скорее подходит к лемурам, потому что различие между руками и ногами у них менее заметно выражено, нежели у обезьян. По нашему мнению, на лемуров нужно смотреть как на переходную ступень от обезьян к сумчатым или как на потомков каких-то неизвестных теперь животных, родственных двуутробкам; во всяком случае относить их к обезьянам никоим образом нельзя.

Дать общую характеристику полуобезьян нелегко: и величина тела, и строение туловища и конечностей, и устройство зубов, и скелет у этих животных очень разнообразны. Величина тела колеблется между размерами большой кошки и крысы. У большинства видов туловище тонкое, у некоторых даже очень сухощавое; у иных голова своей вытянутой в длину мордой напоминает собак или лисиц, у других похожа на голову сони, летяги или даже совы.

Задние конечности большей частью заметно длиннее передних и отличаются вообще значительными размерами. Ступни у одних видов относительно коротки, у других, наоборот, отличаются длиной. Величина хвоста также бывает разнообразна: у многих лемуров он длиннее туловища, у других переходит в почти незаметный отросток; у некоторых он густо порос шерстью, у других — почти голый. Большие глаза, приспособленные к зрению в темноте, хорошо развитые ушные раковины, иногда перепончатые, иногда покрытые шерстью, и мягкий, густой, волнистый мех, лишь в виде исключения заменяемый у некоторых полуобезьян жесткими волосами, характеризуют лемуровых как сумеречных или ночных животных. Зубы у этих животных, в смысле их расположения, формы и числа, представляют

большее разнообразие, нежели у обезьян. Череп отличается сильным округлением затылка, короткими, но узкими лицевыми костями и большими глазными впадинами, сближенными одна с другой, с выдающимися кругом их костями. Однако глазные впадины не представляют собой вполне законченных стенок, а соединены отверстием с височной впадиной.

Вильчатополосный лемур, или фанер

Местом жительства полуобезьян служит Африка, главным образом — Мадагаскар с соседними островами, затем — Индия и Зондские острова, где они населяют густые леса. Здесь, на деревьях, полуобезьяны и проводят свое время, сходя на землю только в случае крайности, а многие и никогда не бывают на земле. Некоторые полуобезьяны отличаются необычайной ловкостью и живостью своих движений в ветвях, у других же — движения тихие, обдуманные, осторожные. Некоторые проявляют свою деятельность иногда и днем, большинство

же — только с наступлением ночи, а утром погружаются в крепкий сон.

Различного рода плоды, почки и молодые листья составляют пищу одних, насекомые, небольшие позвоночные, наряду с некоторыми растительными веществами, служат средством для питания других. В неволе как те, так и другие полуобезьяны привыкают ко всякой пище. Эти животные не приносят заметного вреда, однако от них не видно и заметной пользы. Тем не менее туземцы считают одних полуобезьян за существа священные и неприкосновенные, других же — за опасные и могущие принести вред человеку, и потому нередко препятствуют любознательным исследователям охотиться за полуобезьянами, стараясь даже отклонить их от наблюдений за этими животными. В этом обстоятельстве и нужно видеть причину, почему в зоологические сады поступают редко даже такие виды, которые живут многочисленными стадами на воле. Между тем поймать полуобезьян живыми не особенно трудно, да и уход за ними очень прост. Большинство видов переносят неволю несравненно лучше обезьян и даже, при хорошем уходе, размножаются в клетках. Соответственно с духовными способностями различных видов полуобезьян, те из них, которые отличаются живостью нрава, легко привыкают к ухаживающим за ними людям, даже научаются оказывать им известные услуги; напротив, сонные и угрюмые ночные полуобезьяны только в редких случаях выказывают признательность за заботливый уход.

Полуобезьян разделяют на 3 семейства: к первому, наиболее многочисленному, принадлежат собственно **лемуры** (сем. Lemuridae), два других — сем. Tarsidae (**долгопяты**) и сем. Leptodactyla (**руконожки**) — имеют всего по 1 виду.

Лемурами римляне называли души умерших, из которых добрые охраняли семью и дом, в виде ларов, а злые, в виде блуждающих и злобных привидений, беспокоили бедных смертных. Современная же наука понимает под этим названием хотя также ночных бродяг, но вовсе не бестеле-

сных, а животных с плотью и кровью, имеющих более или менее красивую наружность. Настоящие лемуры представляют, так сказать, ядро всего отряда, которым мы теперь занимаемся, отдельное семейство, распадающееся на несколько родов и видов. Что касается характеристики лемуров, то к этому семейству относятся все только что сообщенные нами признаки животных всего отряда, так как оба остальные семейства полуобезьян существенно отличаются от собственно лемуров только по зубам, строению рук и ног, а также и по шерсти.

Главной областью обитания лемуров служит остров Мадагаскар и соседние с ним острова; кроме того, они попадаются в Африке, распространяясь по всей средней полосе этой части света, от восточного до западного берега, и только немногие виды живут в Индии и на Зондских островах. Но все без исключения виды семейства лемуров живут в лесах, предпочитая непроницаемые, богатые плодами и насекомыми девственные леса остальным. Близости людей они хоть прямо и не избегают, но и не ищут. Будучи в большей или меньшей степени ночными животными, лемуры, подобно всем вообще членам своего отряда, забираются днем в самые темные места леса или в дупла деревьев и спят там, скорчившись или обнявшись. Позы их при этом в высшей степени своеобразны: они или сидят на задних лапах, крепко уцепившись руками за сук и низко опустив голову между притянутыми передними конечностями и обвив хвостом голову и плечи; или же свертываются попарно, обвив друг друга хвостами так тесно, что образуют собой шар: если потревожить такой меховой клубок, то внезапно из него высовываются две головы, которые большими, удивленными глазами смотрят на неприятных нарушителей их покоя.

Сон лемуров очень чуток. Большую часть их будит даже жужжанье мимо летящей мухи и шорох ползущего жука: уши их тогда приподнимаются, большие глаза сонно оглядываются по сторонам, но только на одно мгновение, так как эти животные чрезвычайно боятся дневного света. Целый день их совсем не видно, и только с наступлением сумерек начинается их деятельность. Они тогда сразу оживляются, чистят и приглаживают мех, издавая при этом довольно громкие и неприятные звуки, и отправляются затем на добычу по своим воздушным охотничьим угодьям. Тогда начинается своеобразная у каждого отдельного вида лемуров жизнь.

Большинство видов издает крик, который может наполнить новичка ужасом, так как он напоминает рев опаснейших хищных зверей, напр. льва. Этот резкий рев обозначает, кажется, у лемуров, как и у некоторых других животных, начало их ночной деятельности; они обходят после этого пространства, намеченные ими для охоты или скорее для пастбища с такими подвижностью, ловкостью и проворством, которых никак нельзя было ожидать при виде их сонливости в течение дня. Тогда они, может быть, еще превосходят обезьян в искусстве лазанья, прыганья и кривлянья.

Наиболее рослые и развитые из всех лемуруров — **индри** (*Lichanotus*), называемая мадагассами **бабакото**. Наиболее известный из двух, до сих пор найденных видов **индри** *Lichanotus brevicaudatus* достигает длины 2 фута. $9\frac{1}{2}$ д., из которых менее 1 дюйма (2,5 см) надо отнести к хвосту. Средней величины голова имеет острую морду, маленькие глаза и такие же уши, почти совершенно спрятанные в шерсти. Все тело, передние и задние конечности, отличающиеся сильным развитием большого пальца, покрыты густым мягким мехом. Лоб, темя, горло, крестцовая область, хвост, нижняя сторона бедер, пятки и бока белого цвета; уши, затылок, плечи, предплечье и руки — черного, нижняя часть спины и голени — бурого, передняя часть задних конечностей — темно-бурого.

Соннера, познакомивший нас с бабакото, рассказывает, что представители этого вида, подобно своим сородичам, двигаются ловко и проворно, чрезвычайно быстро прыгают с дерева на дерево, во время еды сидят на задних лапах, как векши; пищу, состоящую преимущественно из плодов, подносят ко рту руками. Голос бабакото похож на крик плачущего ребенка. Харак-

тер у него кроткий, добродушный, почему бабакото легко приручается. В южных частях Мадагаскара туземцы воспитывают этих полуобезьян и дрессируют к охоте, как собак.

«В некоторых местностях Мадагаскара, — рассказывает Поллен, — бабакото приучают к охоте за птицами. Говорят, что при этом он оказывает такие же услуги, как хорошая собака. Хоть он питается преимущественно плодами, но не пренебрегает и маленькими птичками, которых умеет очень ловко ловить, чтобы полакомиться их мозгом».

Другой род нашего семейства, более богатый видами, носит название **маки** — название звукоподражательное крику принадлежащих сюда животных. Научное же наименование этого рода — *Lemur*. Почти от всех своих родичей маки отличаются продолговатой мордой с умеренной величины глазами, средней длины и часто мохнатыми ушами, хорошо развитыми конечностями почти одинаковой длины. Руки и ноги на верхней стороне слабо покрыты волосами; хвост имеет длину больше туловища. Мех маки — мягкий, тонкий, пушистый.

Наиболее известный из маки — **вари** (*Lemur varius*), отличающийся мехом, покрытым белыми и черными пятнами. У разных экземпляров окраска довольно разнообразна, у одного преобладает черный цвет, у другого — белый. Вари — один из крупнейших маки, ростом с большую кошку. Впрочем, и другие виды мало уступают ему в этом отношении. Другой вид, **катта** (*L. catta*), отличается красотой формы и длинным хвостом, покрытым белыми и черными кольцами. Преобладающая окраска его плотного, мягкого и волнистого меха — серая, переходящая то в пепельно-серую, то в ржаво-красную. Морда, уши и брюхо беловатого цвета, оконечность морды и округлость глаз — черного. Остальные виды, часто попадающие в зоологические сады, — **монгоц** (*L. mongoz*), и **черный маки** (*L. macaco*). Последний замечателен тем, что самец окрашен в чистый черный цвет, тогда как самка — в ржаво-красный, который бывает то светлее, то темнее. Ввиду этого самку долго принимали за отдельный вид.

Только благодаря превосходным наблюдениям Поллена мы имеем обстоятельные сведения о жизни маки на свободе. Все виды этого рода живут в лесах Мадагаскара и соседних островах. Днем они держатся в густой чаще, ночью же с громким криком быстро двигаются за добычей. Они живут стадами по 6-12 штук в девственных лесах острова, питаются преимущественно дикими финиками, и любят странствовать из одной части леса в другую.

Их нужно наблюдать как днем, так и ночью. Едва зайдет солнце, как можно услышать их жалобный крик, который издает разом все стадо. Движения маки необыкновенно легки, ловки и быстры: кажется, они как бы летают по вершинам деревьев, делая с одной ветви на другую прыжки поразительной длины. Преследуемые собаками, маки убегают на самую верхушку деревьев и здесь устремляют свои глаза на врага, с ворчаньем и рычаньем махая хвостом. Увидев охотника, они поспешно убегают в глубину леса.

По своим духовным качествам маки не выделяются из среды своих родичей, но их характер приятен. Обыкновенно они тихи и миролюбивы; только некоторые из них отличаются дикостью и часто кусаются.

Некоторые виды часто попадают в Европу и живут в неволе долго. Примером этому может служить один вари, живший в Париже 19 лет. В большинстве случаев они скоро делаются ручными и послушными. Содержание их очень легко, так как

Калабарский потто, или медвежий маки

они быстро привыкают ко всякой пище. Пищу они обыкновенно схватывают передними конечностями и затем подносят ко рту, но иногда берут ее прямо ртом. Когда они довольны, то тихо мурлычат, а перед сном таким мурлыканьем убаюкивают себя.

Бюффон имел самца-маки, который своими быстрыми, ловкими и красивыми движениями радовал его, хоть и часто докучал своей нечистоплотностью и своими выходками. Он необыкновенно боялся холода и сырости, почему зимой держался всегда вблизи огня и, чтобы лучше согреться, становился часто на задние лапы.

Маки, живший долго в Париже, также любил огонь и всегда садился перед камином. Бедное зябкое южное животное подносило близко к огню не только свои лапы, но и морду, так что не раз обжигало себе усы. Этот маки был очень чистоплотен, имел на всем теле блестящую шерсть и заботливо остерегался испачкать свой мех. Кроме того, он отличался живостью, был подвижен и любознателен. Он все рассматривал, но при этом и бросал тотчас, рвал и ломал. Ко всем лицам, которые его ласкали, он относился дружелюбно и даже к незнакомым вскакивал на колени.

Между тем как все макаки, по крайней мере, в известное время, обнаруживают большую деятельность и подвижность, лори (*Stenops*) отличаются противопо-

ложными качествами. Они являются до некоторой степени в своем отряде ленивцами, почему их и называют еще «ленивыми обезьянами».

Под этим именем разумеют маленьких, красивых полуобезьян с тонким, бесхвостым телом, большой кругловатой головой и тонкими стройными конечностями, из которых задняя пара несколько длиннее передней. Морда острая, но короткая; очень большие глаза сближены между собой; покрытые волосами уши средней величины. На руках указательный палец значительно укорочен, четвертый удлиннен, а мизинец снабжен острым и длинным когтем.

Немногие виды этого рода населяют Индию и соседние с ней острова; но их жизнь на свободе почти еще совершенно неизвестна нам. В Южной Азии они заменяют своих подвижных сородичей (маки), однако только по строению тела, но не по характеру.

Ай-ай. Сто с лишком лет тому назад путешественник Соннера получил с западного берега Мадагаскара пару крайне странных зверьков, о существовании которых никто до того времени ничего не знал. Даже на противоположном берегу острова они были совершенно неизвестны. По крайней

мере, жившие там мадагаскарцы уверяли нашего естествоиспытателя, что оба животных, которых он имел живыми, были первые, каких они видели. При виде их они громко вскрикивали, выражая свое удивление, и Соннера назвал открытое им животное по этому возгласу — ай-ай.

До новейшего времени ай-ай, привезенный в Европу Соннера, был единственным известным, и появившееся в 1782 г. описание было единственным источником сведений о жизни этого редкого животного. Затем следующее сообщение стало известным ученому миру в 1844 г. благодаря Де-Кастелю. Этому путешественнику удалось достать молодого живого ай-ай, и он решил подарить его Парижскому ботаническому саду. К несчастью, животное умерло, не достигнув Европы; но шкура его и скелет поступили в парижский сад, и этим было доказано, что последнее животное и ай-ай Соннера принадлежали к одному и тому же виду. До начала шестидесятых годов эти два экземпляра оставались единственными известными. Только в 1862 г. Лондонское зоологическое общество получило радостное известие, что две руконожки, как между тем называли это странное существо, пойманы на Мадагаскаре и уже отправлены в Зоологический сад в Реджент-Парке. Один из этих экземпляров благополучно прибыл в Европу живым, другой по крайней мере в спирту. Несколько позднее последовало еще несколько экземпляров, из которых три были приобретены Берлинским музеем.

Только теперь зоологи могли несомненно установить родственные отношения ай-ай и отнести ему подобающее место в системе животных.

По исследованиям Оуэна и Петерса, **ай-ай**, или **руконожка** (*Chiromys madascariensis*), образует не только особый род, но и особое семейство в отряде полуобезьян.

Я мог только короткое время наблюдать руконожку, которая несколько лет жила в Лондоне. К сожалению, свободного времени у меня было так мало, что я мог посвятить животному только один вечер. Но и этот один вечер показал мне, что описание Соннера нуждается не только в дополнении, но и в исправлении. Я хочу поэтому кратко изложить здесь мои ограниченные наблюдения и все, что я спросил у сторожей.

Животное не имеет значительного сходства буквально ни с каким другим млекопитающим. В некотором отношении оно напоминает галаго; однако едва ли какому исследователю придет в голову соединить его с последним в одно семейство. Толстая широкая голова с большими ушами, благодаря которым первая кажется еще шире, маленькие, выпуклые, неподвижные, но горящие глаза с гораздо меньшим зрачком, чем у ночной обезьяны, морда, имеющая действительно известное сходство с клювом попугая, значительная длина тела и длинный хвост, который, как и все тело, покрыт редкими, но длинными, жесткими, почти щетинистыми волосами, и, наконец, замечательные руки, средний палец которых имеет вид засохшего, — все эти признаки, взятые вместе, придают всему ай-ай что-то настолько своеобразное, что невольно ломаешь себе голову в бесплодном старании найти этому животному родственное существо.

Для зоолога, который видит это странное существо живым перед собой, не может под-

лежать никакому сомнению, что он имеет дело с настоящим ночным животным. Ай-ай боится света более, чем какое другое известное мне млекопитающее. Ночную обезьяну можно, по крайней мере, разбудить, она ощупывает вокруг себя, удивленно смотрит на мир, освещенный дневным светом, с участием прислушивается к жужжанию

Руконожка

летающего мимо насекомого, даже чистится и лижется; напротив, ай-ай, если днем и удастся после большого труда разбудить, кажется, совершенно не осознает ничего. Машинально тащится он назад в свое темное место, свертывается клубком и закрывает морду густым хвостом, которым он окружает голову, как обручем. В каждом его движении, в каждом действии проявляется беспримерная вялость и безучастность. Лишь когда наступит темная ночь, спустя долгое время после сумерек, он пробуждается и выползает из своего темного логовища, видимо, все еще боясь, чтобы какой-нибудь луч света не осветил его. Свет свечи, который нисколько не пугает других ночных животных, обращает его в бегство.

Если наблюдения Соннера правильны, то, очевидно, ему пришлось иметь дело с особенно благодушной руконожкой. Та же, которую я видел, была вовсе не кротка; напротив, очень раздражительна и зла. Если к ней приближались, то она фыркала, как кошка; если ей протягивали руку, то она, издавая те же звуки, яростно бросалась на нее, пытаясь схватить ее обеими лапами.

Единственная пища, которую употребляют ай-ай, состоит из свежего молока с подмешанным в него вареньем и растертым яичным желтком. Маленького блюдца этого корма хватает на целый день. Во время еды ай-ай пользуется обеими руками, бросая ими жидкую пищу себе в рот.

Мясной пищи он до сих пор упорно избегает; пытались ли приучить его к другой пище — не знаю.

К этим наблюдениям, написанным в 1863 г., я хочу прибавить данные, позднее (1868 г.) обнародованные Полленом, так как они существенно пополняют сведения о жизни ай-ай на свободе. «Это животное, столь замечательное в научном отношении, — говорит наш сотоварищ, — живет предпочтительно в бамбуковых лесах внутри большого острова. Питается оно сердцевинной бамбукового дерева или сахарного тростника, а также жуками и их личинками. Чтобы достать себе пищу, состоит ли она из сердцевины бамбукового или сахарного тростника или из насекомых, оно прогрызает своими сильными резцами отверстие в стволе растений, запускает туда свои тонкие пальцы и вытаскивает оттуда растительные вещества или насекомых. Насколько сонливым оно кажется днем, настолько живо движется ночью. Начиная с восхода солнца, оно спит, скрывая голову между ногами и еще закутывая ее длинным хвостом. С наступлением ночи оно пробуждается от своего сонного состояния, лазает вверх и вниз по деревьям и прыгает с ловкостью маки с ветки на ветку, тщательно исследуя при этом отверстия, щели и дупла старых деревьев и стараясь найти себе добычу; но еще до начала утренней зари оно уходит в глубь леса. Его крик, громкое хрюканье, можно часто слышать в течение ночи».

ОТРЯД III РУКОКРЫЛЫЕ

(Chiroptera)

Еще до заката солнца начинается своеобразная деятельность животных, принадлежащих к одной из замечательнейших групп млекопитающих. Из всех щелей, скважин и дырок выползает мрачная, темная масса летучих мышей, которые днем боязливо прятались, как бы не смея показываться при солнечном свете, а теперь готовятся к ночному полету. Чем больше стужаются сумерки, тем больше становится число этих созданий. С наступлением ночи все они

пробуждаются и начинают свою воздушную жизнь.

Германия лежит на границе области распространения летучих мышей, и в ней водятся только мелкие, нежные, слабые виды их. На юге же дело обстоит иначе. Чем более мы приближаемся к жаркому поясу, тем больше становится число рукокрылых, тем разнообразнее оказываются их представители. Юг — родина большинства этих животных.

Уже в Италии, Греции и Испании мы замечаем значительное число летучих мышей. Там, с наступлением вечера, они выползают не сотнями, а тысячами из своих убежищ и наполняют воздух своим шумом. Из каждого дома, из всякого старого полуразвалившегося здания, из каждой расщелины скалы вылезают они, подобно большому войску, совершающему свое выступление, и уже во время сумерек весь горизонт буквально заполняется ими. Но еще поразительнее число рукокрылых, замечаемое в жарких странах! Весьма привлекательно и поучительно провести вечер перед воротами какого-нибудь большого города на Востоке. Стаи летучих мышей, пробуждающихся вечером, буквально затемняют там воздух. Скоро теряешь им счет, так как отовсюду виднеются темные существа, прорезывающие воздух. Они живут и движутся везде: кишат между деревьями в садах, рощах и лесах, пролетают над полями на большей или меньшей высоте, проносятся над городскими улицами, дворами и даже влетают в комнаты. Сотни их приходят и заменяются новыми. Вы постоянно окружены колеблющимся роем их.

Рукокрылые обращают на себя внимание преимущественно внешним видом. Они имеют вообще сильное телосложение, короткую шею и толстую, продолговатую голову с большой ротовой щелью. По общему строению они имеют больше всего сходства с обезьянами и, подобно им, имеют два грудных сосца; но во всем остальном

они значительно разнятся от обезьян. Передние конечности их превращены в органы летания и потому необыкновенно увеличены, тогда как туловище имеет самую незначительную величину. От этого они кажутся большими, в действительности же принадлежат к самым маленьким млекопитающим.

Внутренние части их тела представляют много замечательного. Их скелет состоит из довольно тонких, но крепких костей, но последние не заключают в себе наполненных воздухом пространств, как у птиц. Строение руки также своеобразное. Плечо, предплечье и пальцы рук чрезвычайно удлинены, в особенности последние три пальца, превосходящие по длине плечевую часть руки. Благодаря этому пальцы являются настолько превосходно приспособленными к расширению натянутой между ними летательной перепонки, насколько негодными для других целей. Только большой палец, не принимающий участия в летании, имеет еще сходство с пальцами других млекопитающих: обыкновенно он состоит из двух суставов, короток и снабжен острым когтем, благодаря которому может заменять животному руку при лазании. Бедренная кость значительно короче и слабее плечевой, и все вообще кости ноги значительно слабее развиты соответствующих костей руки. Нога имеет довольно правильное строение: на ступне находятся пять пальцев с когтями. Но и она имеет свою особенность: от пятки выступает имеющаяся только у одних летучих мышей кость, шпора, которая служит для натягивания летательной перепонки между хвостом и ногой. Таким образом, строение скелета рукокрылых напоминает, с одной стороны, птиц, с другой — допотопных летучих ящериц. Из мускулов заслуживают упоминания необыкновенно сильные грудные мускулы; кроме того, еще один мускул, совершенно отсутствующий у других млекопитающих и приросший одним концом к черепу, а другим — к руке. Назначение этого мускула — помогать расправлять крыло. Зубы имеют сходство с зубами насекомоядных; все роды зубов находятся у рукокрылых в замкнутых рядах, но число и форма их весьма разнообразны, чем и различаются роды их.

Из всех признаков рукокрылых наиболее замечательно развитие кожи, так как оно обуславливает не только форму всего тела, но и выражение лица и служит причиной того, что многие летучие мыши имеют положительно чудовищный вид. Широко раскрытая пасть также весьма способствует тому, что выражение их лица весьма свое-

образно. Но что всего более придает их лицу отталкивающее и безобразное выражение (по крайней мере, по мнению большинства), так это накожные образования на ушах и на носу.

«Ни в какой другой группе животных, — говорит Блазиус, — нельзя указать на такое развитие кожной системы. Это обнаружи-

вается в образовании ушей и носа, а также и летательной перепонки. Уши у всех видов имеют значительную величину. У некоторых видов по длине они превышают все тело, а в ширину оба уха иногда разрастаются до того, что обращаются в одну большую сплошную ушную раковину. У многих видов места, соседние с ноздрями и носовым гребнем, странным образом принима-

ют участие в этом разрастании кожи, почему получают физиономии, не имеющие себе подобных. Но не только в развитии летательной перепонки, а и всех прочих кожных образований ушей и носа сказываются особенности летучих мышей, по которым они резко отличаются от остальных животных и которыми, несомненно, обусловлены их движения и образ жизни».

Замечательную особенность представляет летательная перепонка рукокрылых: недавно в ней открыли очень эластичный или, скорее, сократимый слой кожи. Летательная перепонка остается постоянно жирной вследствие смазывания ее маслянистой жидкостью, выделяемой железами. Так же своеобразно строение волос у рукокрылых: под микроскопом волосы их можно отличить от волос других животных по особым винтовым оборотам. Цель последних — лучше сохранять теплоту.

Внешние чувства у рукокрылых превосходно развиты, но не одинаково у различных родов и видов. Отдельные органы чувств отличаются крайне своеобразными придатками и оригинальными утолщениями.

Духовные способности летучих мышей вовсе не так ничтожны, как можно было бы предполагать, и не соответствуют выражению их лиц, указывающему на духовную бедность. Мозг у них большой и имеет извилины. Это уже указывает, что их способности не могут быть ничтожными. Все рукокрылые отличаются хорошей памятью, а иные — даже известной сообразительностью.

Коленати рассказывает, напр., что одна летучая мышь, охотясь в липовой аллее за бабочками, щадила самку, заметив, что она привлекала многих самцов, которых рукокрылое могло ловить одного за другим. Напрасно пытались ловить летучих мышей, вздевая на уды бабочек: животные приближаются, исследуют висящее насекомое, но скоро замечают тонкий конский

волос, к которому прикреплена удочка, и оставляют все нетронутым, хотя бы они и нуждались в корме. Что при хорошем обращении летучие мыши делаются ручными и преданными своему господину, это доказано наблюдениями многих ученых и любителей природы. Некоторые исследователи приучали этих животных брать пищу из рук или доставать ее из стаканов, причем рукокрылые исполняли это, раз поняв, в чем дело.

Мой брат имел ушана, которого он так приручил, что тот следовал за ним по всем комнатам и, как только он предлагал ему муху, мгновенно садился к нему на руку и поедал добычу. Большие рукокрылые в неволе очень милы, делаются чрезвычайно ручными и оказываются очень понятливыми.

Вообще полет всех рукокрылых не может долго продолжаться и бывает прерывистый. Он совершается непрерывающимся движением рук. Птица может парить, а летучая мышь только летает.

Ее полет облегчается телосложением. Сильные грудные мускулы, легкая и сплюснутая нижняя часть туловища, руки, превосходящие своей длиной в три раза длину тела, натянутая между пальцами и всеми частями конечностей, лишенная перьев летательная перепонка — все это обуславливает летание, но парить в воздухе летучая мышь не может, так как в костях у нее нет воздуха, а в теле нет имеющихся у птиц воздушных мешков, главным же образом потому, что рукокрылые не имеют перьев ни в крыльях, ни в хвосте. Их полет есть ряд непрерывных взмахов по воздуху, почему им нельзя скользить на лету или прорезывать воздух без движения крыльев.

Чтобы легче было развернуть для своего полета летательную перепонку, все рукокрылые во время отдыха прицепляются когтями задних конечностей к какому-нибудь возвышенному предмету и свешиваются головой вниз.

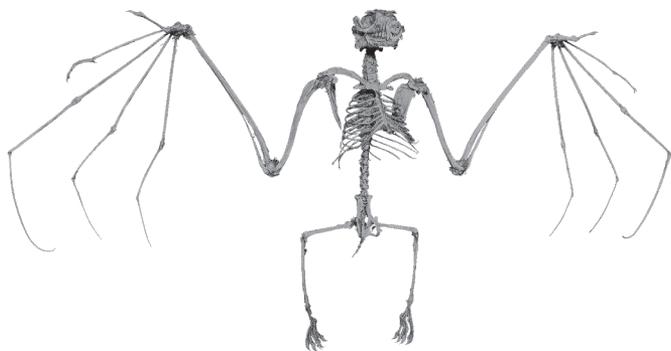
С земли подняться рукокрылым нелегко, но они помогают себе тем, что, расширив сначала руки и летательную перепонку и подобрав под себя ноги, несколько выпрямляют свое тело, делают один или несколько

скачков вверх и затем сильными взмахами крыльев поднимаются на воздух. Если им удалось это, то они продолжают свой полет довольно быстро. Как утомительно для них летание, всего лучше видно из того, что летучие мыши часто после самого непродолжительного летания подвешиваются для отдыха к сучьям деревьев, выступам стен и т. п. и, только отдохнув немного, продолжают свой полет. Ни одна летучая мышь не в состоянии была бы летать непрерывно, подобно, напр., ласточке; вот почему большие зимние передвижения, какие предпринимают птицы, для них невозможны.

Впрочем, передние конечности рукокрылых служат не только для летания, а и для ползания по земле. Походка у всех видов хотя и не так тиха, как можно бы было предположить заранее, но все же является жалким ковыляньем. Животные при этом притягивают под себя ноги, приподнимают при этом движением заднюю часть тела и этим толкают все тело вперед, так как кисть руки, а именно когти большого пальца у них служат только опорой передней части тела. Некоторые виды рукокрылых бегают, однако, почти так же быстро, как крысы или другие домашние грызуны.

Все рукокрылые днем спят, а ночью бодрствуют. Большинство из них показывается только при наступлении сумерек и еще задолго до восхода солнца удаляется в свои убежища. Некоторые виды, однако, появляются гораздо раньше, а иные уже между 3 и 5 часами пополудни весело носятся в воздухе, несмотря на яркий солнечный свет.

Каждый вид имеет свои особые места для охоты: в лесах, садах, аллеях и улицах, над медленно текущими или стоячими водами и т. п., реже в открытом поле, на том простом основании, что здесь им не за кем охотиться. В более богатых странах юга они

Скелет одного из видов летучей лисицы

живут вблизи маисовых или рисовых полей, потому что последние скрывают массу насекомых, доставляющих им хорошую добычу. Обыкновенно они облетают маленький участок шагов в 1000 в поперечнике. Более крупные виды посещают большие районы, быть может, требующие для осмотра ими около получаса времени; о крупных южных видах, так называемых **летающих собаках**, известно, что они сразу летят на протяжении многих миль, перелетая с одного острова на другой, удаленный от первого на несколько миль. Днем все рукокрылые прячутся в различных местах; в Германии по селам, в дуплистых деревьях, пустых домах, реже в расщелинах утесов и в пещерах. В тропических странах многие виды висят открыто на ветвях деревьев, если эти ветви образуют густой покров. Это же наблюдается кое-где и в Германии, но реже. Большинство же летучих мышей повсюду любит прятаться, иные под корой деревьев и в дуплах, другие — под крышами между дранью и черепицами, наконец, большая часть в пещерах скал, в отверстиях стен, под сводами обрушившихся или мало посещаемых зданий, в глубоких колодцах, штольнях, шахтах и тому подобных местах.

Пищу летучих мышей составляют плоды, насекомые, иногда даже другие позвоночные животные и кровь, которую они высасывают из более крупных животных. Живущие в Европе рукокрылые, собственно настоящие **летучие мыши**, нападают только на насекомых, а именно: ночных бабочек, жуков, мух и комаров. Appetit у них необычайный: крупнейшие из них свободно съедают дюжину майских жуков, более мелкие — целую тьму мух и все-таки не чувствуют себя сытыми. Чем живее их движение, тем более они нуждаются в пище и по этой причине являются для нас чрезвычайно полезными животными, заслуживающими невозмож-

ной пощады... Этого нельзя сказать о рукокрылых, сосущих кровь, которые иногда могут быть очень вредными, а также о тех видах, которые, питаясь плодами, уничтожают целые фруктовые плантации, напр. виноградники.

С наступлением холодов все летучие мыши, живущие в умеренных странах, погружаются в более или менее глубокую зимнюю спячку. Для этого каждый вид отыскивает себе уголок, по возможности защищенный от влияния непогоды: пещеры, погреба, теплые крыши, чердаки вблизи труб и тому подобные места. Здесь рукокрылые собираются обществами, часто в несколько сотен, подвешиваясь за что-нибудь задними конечностями и сбившись плотно друг к другу, иногда разные виды попеременно, разумеется, только с теми, с которыми они всегда находились в дружественных отношениях. Крайне редко собираются вместе виды, жившие раньше в открытой вражде. Температура их крови падает вместе с температурой внешнего воздуха, нередко до 4, даже, говорят, до 1 градуса Реомюра, тогда как в обыкновенное время температура крови у них имеет $24\frac{3}{4}^{\circ}$ по Реомюру, и, наконец, они окоченевают. Но если внешняя температура настолько низка, что их еще мало охладившая кровь не может ее выносить, то летучие мыши пробуждаются и начинают двигаться. Нередко они замерзают, особенно если, поймав их, выставить на сильный холод. Пока холодно, окоченевшие рукокрылые висят спокойно, но в более теплые зимние дни они начинают шевелиться, и некоторые виды иногда летают среди дождя и снега. Все рукокрылые носят при себе своих детенышей, даже во время полета, и притом в течение довольно продолжительного времени, даже тогда, когда маленькие животные уже сами могут прекрасно летать и по временам покидают грудь родителей.

Последнее случалось, по моим наблюдениям, с теми летучими мышами, которых я находил подвешенными на деревьях

в девственных лесах Африки. Приблизительно в 5–6 недель детеныши становятся взрослыми.

Отталкивающая наружность и ночной образ жизни летучих мышей с древнейших времен давали богатую пищу суеверию и привлекали на безобидных животных до последнего времени нареkania и отвращение толпы. Мы не будем разбирать многочисленных басен, между которыми некоторые, как, например, пристрастие летучих мышей к салу и к волосам на голове человека, и теперь находят себе веру, наоборот, подтвердим здесь самым убедительным образом о тех правах на пощаду и справедливые отношения, которые летучие мыши должны иметь в глазах каждого образованного человека. Все встречающиеся в Германии виды рукокрылых приносят исключительно пользу, истребляя благодаря своей прожорливости массу вредных насекомых. Вред от немногих видов, поедающих фрукты, не так уже значителен, а рукокрылые, сосущие кровь, вовсе не так опасны, как думали раньше. Вследствие этого можно рассматривать весь отряд как весьма полезного члена в цепи существ.

Большая летучая лисица, калонг

Первый, главный отдел образует семейство **летучих собак**, или **плодоядных летучих мышей** (Pteropina). Все рукокрылые, принадлежащие к этой группе, населяют исключительно теплые страны Старого Света, а именно: Южную Азию с ее островами, Среднюю и Южную Африку, Австралию и Океанию. Вследствие их величины уже с древних времен на них смотрели как на настоящих чудовищ. Этих безобидных и добродушных животных считали отвратительными гарпиями и ужасными вампирами; среди них искали тех мрачных существ, которые садились на спящих людей и высасывали у них кровь из сердца.

Плодоядные летучие собаки имеют внешний вид почти летучих мышей, но значительно большую величину и добродушную голову, напоминающую собак или лисиц, вследствие чего их и называли **летучими собаками**, или **лисицами**. Летательная перепонка, а также строение передних ко-

нечностей и ног такие же, как и у других летучих мышей; кроме большого пальца, и указательный снабжен когтеобразным ногтем. На носу нет нароста и уши не имеют клапанов. По этим признакам они легко отличаются от остальных летучих мышей.

Летучие собаки живут всего охотнее в темных лесах и покрывают днем деревья в бесчисленном количестве, подвешиваясь рядами к сучьям и закутав крыльями голову и туловище. В дуплистых деревьях также находят их и притом иногда массами в несколько сот. В темных девственных лесах иногда они летают и днем, но настоящая жизнь для них, как и для всех рукокрылых, начинается только с наступлением сумерек. Благодаря своему острому зрению и тонкому обонянию они безошибочно находят деревья с сочными и зрелыми плодами; к ним они подлетают поодиночке, но скоро слетаются большими стаями и способны совершенно оголить такое дерево.

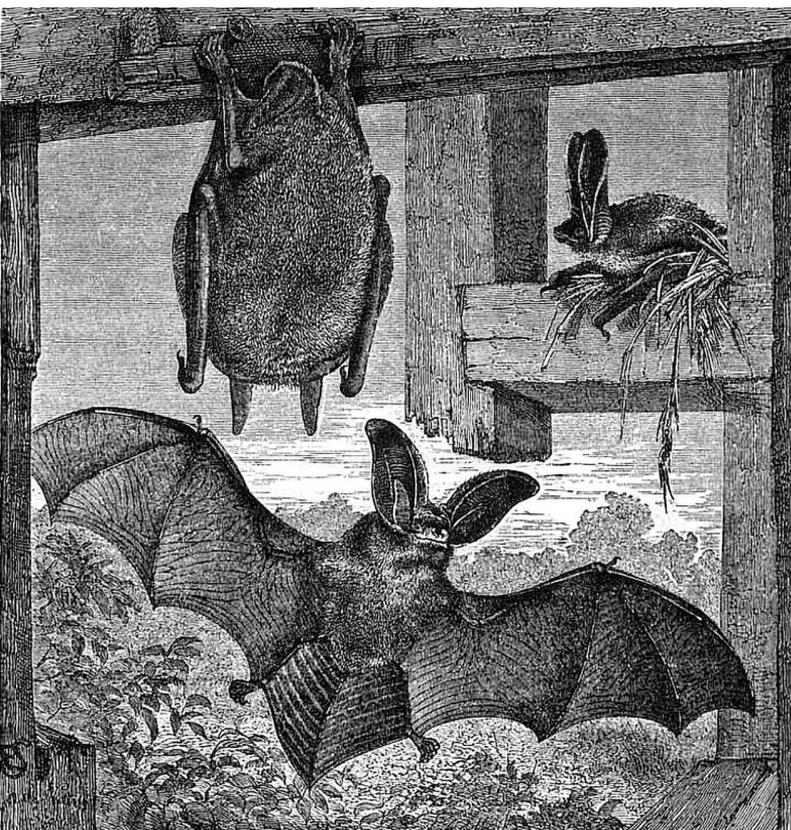
Днем они очень боязливы и при первом случае обращаются в бегство, стараясь улететь. Летают сильно и быстро, но невысоко. В неволе скоро ручнеют. Туземцы охотятся за ними из-за мяса, похожего, даже по мнению Гаака, на мясо кролика или курицы, или из-за меха.

Собственно **летучие собаки** (*Pteropus*) похожи на собак по морде, но без хвоста. Уши довольно длинные, голые и заостренные; летательная перепонка весьма развита. Наибольший из всех видов этого рода — **калонг, летающая собака** (*P. edulis*), длиной до 1 ф. 4 д.; размах крыльев до 5 фут. Окраска спины темно-бурая, на брюхе ржаво-черная, голова — рыже-красная, летательная перепонка — коричневая. Живет на Яве, Суматре, Банде и Тиморе, в лесах, увешивая днем ветви капока и дурьяна. Питается плодами, особенно смоквами и манго, не отказываясь, однако, от насекомых, а при случае — и от мелких позвоночных, напр. рыбешек. За калонгами охотятся ради их вкусного мяса, причем охотник старается целиться в крыло, как наиболее чувствительное место калонга: раненный в крыло, он уже не может летать и беспомощно падает на землю.

Очень распространенный род — **ушаны** (*Plecotus*), со сросшимися над теменем ушами, короткими и широкими крыльями, вследствие чего они летают не так скоро, как летучие собаки; хвост такой же длины, как туловище; на ноге со шпорой нет выдающихся боковых лопастей кожи. Зубов — изобилие; целых 36.

Ушан обыкновенный (*P. auritus*) — в длину всего $3\frac{1}{2}$ д., из которых половина приходится на хвост; уши же — более 1 дюйма, т. е. сравнительно с размерами тела — необычайно велики. Морда — волосистая; мех довольно длинный, сверху серо-бурый, внизу — светлее; тонкая и нежная перепонка — гладкая. Суживающийся к концу и отгибающийся к наружи козелок равняется половине уха. Это животное распространено по всей Европе до 60° с. ш. и, кроме того, в Сев. Африке и Зап. Азии и Ост-Индии; живет повсюду вблизи человеческих жилищ, держась небольшими группами, даже парами. Летают медленно, не выше 7 сажень по лесным опушкам и в садах, где отыскивают себе пищу в цветущих растениях, не отказываясь и от насекомых (бабочек, клещей, пауков). Зимняя спячка ушанов продолжается с октября по март, но к холоду они не чувствительны: бывали случаи, когда ушаны покрывались в течение целых недель ледяными сосульками

и тем не менее оживали. Подобно большей части летучих мышей, ушаны сильно страдают от пернатых врагов (сов и др. птиц), а также хищных млекопитающих (хорьков, куниц, кошек). Неволю выдерживают дольше других летучих мышей.

Ушан обыкновенный

Род **нетопырей** (*Vespertilio*) отличается свободными, т. е. несросшимися, кругловатыми ушами, с удлинненным козелком, сравнительно широкими и короткими крыльями, коротким хвостом и довольно простым ме-

хом, сверху серовато-бурого, снизу — беловатого цвета. Зубов 38. У одних нетопырей уши длиннее головы, снабжены 9-10 поперечными складками и выдаются, если их пригнуть, за конец мордочки.

Сюда относится, напр., **красная водяная мышь** (*Vespertilio (Brachyotus) daubentonii*), всего 3 дюйм., половину которых составляет хвост. Сверху она — красновато-бурого цвета, снизу — грязно-серого. Живет почти во всей Европе и частью в Азии. Спячка ее продолжается с октября по март; зимует в дуплах, ямах, пещерах, трещинах и полуразрушенных зданиях. Охотится за водяными насекомыми, быстро и ловко проносясь над самой поверхностью воды. Любимое ее местопребывание — большие пруды, с нависшими по берегам деревьями.

Род *Vesperugo*, **рано летающих летучих мышей**, отличается свободными, не сросшимися, закругленными, относительно короткими, мясистыми темными ушами, в которых находится широкий, внутри с выемкой, а снаружи выдающийся углом козелок; гибкие, довольно длинные, толстокожие крылья со шпорцами: хвост длиннее туловища. Зубов 32–34.

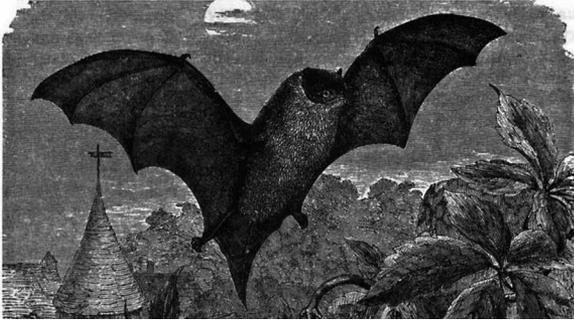
Сюда относятся: 1) **горные летучие мыши** (*Meteorus*), с 32 зуб. И козелком, сверху расширенным и концом направленным вперед, напр. **бродячая летучая мышь** (*Vesperugo (Meteorus) nilsonii*); длина всего тела ее — 4 дюйм.; мех сверху — черно-бурый, снизу — светлее, уши — темно-бурые; концы волос везде светлее коричневого основания, что образует, по словам

Блазиуса, как бы золотой отлив на темно-коричневом фоне, придавая меху своеобразный вид. По словам некоторых наблюдателей, напр. Нильсона, она распространена на севере чуть не до полярного круга; впрочем, на севере ее можно встретить только в конце лета, в начале же лета и весной она держится южнее. Встречается и на Альпийских горах. 2) **Малорослые нетопыри** (*Nannugo*), сам. малые мыши из всего семейства, с 34 зубами; козелок кверху суживается, направляясь острием внутрь и в середине достигая наибольшей ширины; хвост окружен летательной перепонкой. Самый маленький представитель в этой группе — **нетопырь-карлик** (*Vesperugo (Nannugo) pipistrellus*), не более 2 дюйм., причем около половины приходится на хвост. Мех — желтовато-ржаво-бурый; уши и перепонка — темнее. Живет почти по всей Европе и большей части Сев. и Средней Азии, до 60° с. ш.; в гористых местностях поднимается до 7000 футов. Держится вблизи или в самых домах. Позже других летучих мышей начинает спячку, соединяясь громадными кучами, и раньше всех пробуждается; хорошо переносит непогоду. Полет его очень быстр и ловок, напоминающая, по словам Альтума, полет дневных бабочек. Нетопыря-карлика можно до известной степени приручить; он довольно хорошо переносит неволю, пьет молоко, ловит пущенных к нему насекомых, ест и мертвых, даже мясо, сырое и вареное. Сам же служит пищей ночных и дневных хищных птиц, а также хорьков, горностаев, куниц, ласок и даже мышей. Много истребляет этих животных и человек, не ценя их заслуг по уничтожению вредных насекомых. 3) **Кожаны** (*Panugo*) отличаются от предыдущих устройством козелка, расширяющегося кверху и имеющего наибольшую ширину выше середины; летательная перепонка густо покрыта волосами. **Обыкновенный кожан** (*Vesperugo (Panugo) noctula*) один из самых крупных европейских видов — более 4 д. в длину, причем на хвост приходится менее 2 д. Сверху и снизу — одноцветной красно-бурой окраски. Распространен в Средней и Южной Европе, Сев.-В. И Южной Азии, преимущественно в долинах и на плоскогорьях. Днем забирается в дупла и нежилые строения, зимует в чердаках, полуразрушенных зданиях и т. п. местах. Летает быстро и ловко; питается насекомыми.

Представители последнего семейства рукокрылых, **листоносы, кровососы, или вампиры** (*Istiophora* или *Phyllorhina*), легко отличаются от всех вышеуказанных видов особым кожистым придатком на носу, обыкновенно состоящим из так называемой подковы, длинного гребня и ланцетовидного придатка, в простейшей же форме — из складки кожи поперек носа; кроме того, морда вампира покрыта буграми и ямками, что придает этим животным отталкивающий вид, для них же, вероятно, служит для усиления обоняния. Листоносы распространены в жарком и умеренном поясах, скрываясь в чаще лесов, в пе-

щерах, ямах и пр. Пищу их составляют сумеречные и ночные бабочки, жуки, поденки, комары; но некоторые виды нападают на млекопитающих, даже на человека, высасывая кровь во время сна.

Всех листоносов известно в настоящее время до 85 видов, которые разделяются, по Коху, на след. 4 группы: 1) **Pseudophyllata**, с недоразвитым носовым придатком, 2) **Monophyllata**, с простым придатком, 3) **Dyphyllata**, с двойным придатком и 4) **Triphyllata**, с вполне развитым или трехраздельным носовым придатком.

Нетопырь-карлик

Представителями летучих мышей с двойным носовым придатком являются **вампиры**, в тесном смысле и между ними **обыкновенный вампир**, или **упырь** (*Phyllostoma spectrum*), самый большой из всех кровососов Южной Америки. «Ничего не может быть отвратительнее, — говорит натуралист Бэтс, — выражения лица этого создания, особенно если рассматривать его спереди. Большие, кожистые, стоящие широко по сторонам головы уши; прямостоящий, в виде копья, носовой нарост; сверкающие черные глаза — все это вместе напоминает сказочных домовых. Неудивительно, что народная фантазия наделила это отталкивающее создание сверхъестественными свойствами. На самом же деле это — одна из самых неопасных летучих мышей, и безвредность ее хорошо известна жителям побережья Амазонской реки».

Вампир представляет собой большую летучую мышь, с толстой и длинной головой, узким рылом, длинными продолговато-круглыми ушами и маленькую, узкую, ланцетовидной носовой пластинкой, расположенной на широком стебле. Верхняя губа гладкая, а на нижней находятся спереди две большие голые бородавки. мех вампира мягкий, цвета сверху темно-каштаново-коричневого, а снизу желтовато-серо-коричневого. Летательная перепонка коричневого цвета. Тело вампира в длину имеет $5\frac{1}{2}$ дюймов, а крылья в шири-

ну 15. Родиной этого вампира является главным образом Гвиана, в девственных лесах которой они водятся в большом количестве. Как мы уже раньше сказали, питаются вампиры главным образом фруктами и насекомыми. Лишь в случае нужды нападают они на спящих людей или животных и высасывают у них кровь. В большинстве случаев потеря крови при этом бывает незначительная, так что серьезной опасности вампиры не могут подвергнуть ни людей, ни животных. Но все же факт высасывания крови уже сам по себе настолько отвратителен, что подвергавшиеся ему не могут после вспомнить о нем без чувства некоторого ужаса.

Голодные вампиры, летая ночью над спящими равнинами, зорко высматривают себе добычу. Вот они заметили группу спящих на открытом воздухе людей. Медленно махая крыльями, кровопийцы летают над своими жертвами. Удостоверившись в крепости их сна, они опускаются на спящих, прокусывают в одном месте кожу и начинают сосать теплую кровь.

Любопытен рассказ Касселя об одном путешественнике, который позволил вампиру сосать себя, чтобы ознакомиться подробнее с самым актом сосания крови вампиром:

«Он лег спать в большой комнате одного дома при открытых окнах. Среди ночи в комнату влетел огромный вампир. Путешественник еще не спал, но остался совершенно неподвижен и ждал, что будет делать летучая мышь. Сначала последняя тихо облетела всю комнату. Сделав это несколько раз, она стала виться взад и вперед между потолком и спящим. Мало-помалу она опускалась все ниже и ниже, наконец совсем опустилась на него, быстро махая крыльями. Таким маханием она приятно обвела свою жертву. По словам рассказчика, путешественник и сам не заметил, как отвратительное животное впилося ему

в открытую грудь. Все это произошло без малейшей боли и сопровождалось приятным обмахиванием крыльев. Наконец, по прошествии некоторого времени, он стал ощущать боль, не вытерпел и своими руками задушил вампира».

Натуралист Уатертон рассказывает про другой случай с вампиром. Раз он остановился на ночлег, вместе со своим спутником Тарботом, под соломенным навесом. Вдруг утром на другой день он услышал, что его товарищ, вместо утренней молитвы, осыпает кого-то всевозможными проклятиями.

— Что с вами случилось? — спросил натуралист. — Разве что-нибудь неладно?

— Что случилось?! — раздражительно воскликнул Тарбот. — А то, что летучие мыши засосали меня до смерти!

Уатертон подошел к своему спутнику и нашел последнего всего в крови.

— Посмотрите, — протянул ему свои ноги Тарбот, — как эти адские черти выцедили мою драгоценную кровь!

Натуралист взглянул и увидел на большом пальце ноги маленькую ранку, меньше даже укуса пиявки. Через нее вампир высосал, однако, не менее 10–12 унций крови.

После того Уатертону не оставалось ничего другого, как утешить своего спутника замечанием, что едва ли бы какой профессиональный хирург согласился сделать подобное кровопускание бесплатно.

Замечательно, что Тарбот даже не проснулся от укуса.

Как бы то ни было, огромное большинство — если не все — случаев, где люди будто бы умирали от потери крови, высосанной вампирами, принадлежит к области фантазии. То же самое и относительно больших млекопитающих. Бразильские туземцы, положим, уверяли Бурмейстера, что иногда лошади после укусов вампирами умирали от истощения. Но замечательно, что таких лошадей хозяева или плохо кормили, или обременяли вьюками; отсюда невольно возникает сомнение, уж вампиры ли виноваты в гибели животного?

В Европе представителями семейства листоносов являются **подковоносы** (*Rhinolophus*), с вполне развитым носовым наростом с 32 зубами. Подкова нароста, начинаясь на верхушке морды, окружает ноздри и оканчивается большими ветвями у глаз; в середине подковы, сзади ноздрей, возвышается продолговатый гребень. Между глазами, поперек лба, находится кожистый ланцет. Ухо устроено проще, без козелка; летательная перепонка — довольно короткая, отчего эти животные машут крыльями тяжело. Один из самых обыкновенных в Европе, от Балтийского м. До Кавказа и Средиземного м., **малый подковонос** (*R. hipposideros*), длиной $2\frac{2}{5}$ д., а в размахе крыльев — 8 дюймов. Шерсть светлая, беловато-серая, внизу — темнее. Живет в пещерах, старых рудниках и нежилых строениях. Это — живая, миловидная и занимательная мышь, но неволи не переносит: часто раздражается, отчего начинается кровотечение носом, причиняющее потом смерть. Питается насекомыми, но, при случае, сосет кровь у себе же подобных (напр., ушанов), голубей и т. п. Но о нападении их на людей ничего не слышно, так что пугаться их не следует. Также часто встречается в Средней и Южной Европе и другой, **большой подковонос** (*Rh. ferrum-equinum*), длиной немного более 2 д., с хвостом побольше 1 д. И размахом крыльев в 7 вершк. У него большой носовой нарост, также большие уши, длинная, густая шерсть, пепельно-серая у самцов и красновато-бурая у самок; внизу — светлее. В горах водится до высоты 7000 ф., высасывая кровь у серн, косуль и т. п. животных.

ОТРЯД IV ХИЩНЫЕ

(*Carnivora*)

Едва ли какой другой отряд млекопитающих представляет такое богатство видов, как хищные. Представители этого отряда обладают самыми разнообразными качествами, привычками и нравами. Расстояние, отделяющее могучего льва или мощного медведя от домашней кошки, по-видимому, слишком велико, чтобы соединять их в один отряд, тем не менее при всем различии сходство между ними в некотором отношении настолько значительно, что такое соединение является вполне правильным.

Всем представителям этого отряда присущи более или менее одинаковые нравы, образ жизни и пища. У большинства из них строение конечностей, зубов, а также желудка в существенных чертах весьма сходно. Конечности хищных, снаб-

женные четырьмя или пятью пальцами, вооружены более или менее сильными острыми или притупленными когтями; голова большей частью округленная, кончик носа голый, большие зоркие глаза, стоячие уши; губы, поросшие усами. Как на верхней, так и на нижней челюсти у хищных имеется по 6 небольших резцов и по 2 длинных конических клыка, служащих для схватывания добычи. Для разрезывания мяса этим животным служат задние ложнокоренные зубы верхней челюсти и передние настоящие коренные нижней челюсти. Эти зубы имеют коронку трехзубчатую и сжатую с боков. Прочие ложнокоренные зубы также сжаты с боков, но имеют по одному зубцу, а некоторые настоящие коренные имеют плоскую верхушку для растирания пищи.

Между зубами наибольшее значение принадлежит клыкам и острым коренным, так называемым плотоядным зубам. Эти зубы служат, с одной стороны, самым действенным оружием для нападения, с другой стороны — для схватывания и раздиранья добычи и для разрезывания мяса. Посредством сильных мускулов и толстых сухожилий челюсти производят сильные и разнообразные движения.

Все хищные питаются другими животными, и только в виде исключения некоторые из них едят также плоды, семена и другие растительные вещества. Однако между ними есть и такие, напр. медведи, которые так же охотно употребляют иногда растительную пищу, как и мясо.

Наиболее совершенный тип хищных представляет семейство **кошек** (Felidae). Подобного соответствия между строением конечностей и туловища, подобной правильности и пропорциональности всех частей тела мы не встречаем у других хищных животных. Каждая отдельная часть тела

кошек красива и изящна, а потому и все животное вполне удовлетворяет нашему эстетическому чувству. Мы можем, не ошибаясь, считать нашу домашнюю кошку типичным представителем всего семейства кошек.

Строение тела кошек можно считать общеизвестным; всякий хорошо знает сильное и вместе с тем красивое туловище их, округленную голову с толстой шеей, умеренной высоты ноги с утолщенными концами, длинный хвост и мягкий мех, окрашенный в цвет, соответствующий окружающей местности.

У кошек имеются очень совершенные орудия защиты. Зубы их страшны. Клыки имеют вид тонких, длинных, острых, на конце едва согнутых конусов, которые гораздо длиннее других зубов и могут наносить смертельные раны. Очень маленькие резцы почти исчезают в сравнении с ними, и даже сильные, снабженные острыми треугольными зубцами и остриями коренные зубы кажутся перед ними слабыми и незначительными. В полном соответствии с зубами находится и мясистый, толстый язык, замечательный тем, что поверхность его покрыта тонкими роговыми, загнутыми назад, шипами, сидящими на больших бородавках. Зубы составляют не единственное оружие кошек: в своих когтях они обладают не менее страшным средством для схватывания добычи, нанесения ей смертельных ран и для защиты в бою.

Ступни у кошек кажутся очень короткими и округленными. Это происходит вследствие того, что последний сустав пальцев загнут кверху. Таким образом, при ходьбе последние суставы пальцев вовсе не касаются земли и этим предохраняют от притупления сидящие на них серповидные, большие и очень острые когти. Во время покоя и при обыкновенной ходьбе эти последние суставы пальцев сохраняют свое приподнятое положение при помощи двух упругих сухожилий, из которых одно прикреплено сверху, а другое — сбоку сустава

во время гнева и в минуту необходимости сильный мускул, сухожилие которого прикреплено к нижней стороне сустава, опускает его, вследствие чего ступня удлиняется и превращается в такое страшное оружие, подобное которому едва ли можно найти у других животных. Такое строение ног служит причиной того, что на отпечатках ног кошек никогда нельзя заметить следа ногтей; тихая же походка кошек происходит вследствие того, что подошвы ног у них снабжены мягкими, часто покрытыми волосами, подушками.

Способность домашних кошек к взаимодействию с человеком часто недооценивают

Кошки чрезвычайно сильные и ловкие звери. Каждое их движение указывает на силу и грациозную подвижность. Почти все виды этого семейства имеют сходные физические и духовные свойства, хотя тот или другой вид их иногда стоит в этом отношении впереди других или позади. Все кошки ходят хорошо, но медленно, осторожно и бесшумно, быстро бегают и способны делать смелые прыжки, превосходящие в несколько раз длину их тела.

Только немногие из более крупных видов неспособны лазать по деревьям, большинство же обладает этим искусством в высокой степени. Хотя кошки большей частью и не любят воды, тем не менее плавают они

очень хорошо, когда надо. По крайней мере, ни одна кошка не тонет легко.

Они умеют также сжимать и свертывать свое красивое тело, с большой быстротой действуют своими лапами и могут с большой ловкостью схватывать ими животное даже во время его бега или полета.

К этому надо прибавить еще большую силу конечностей кошек и их выносливость. Более крупные виды одним ударом своей ужасной лапы и силой своего прыжка могут повалить на землю животное, большее ростом их самих, и могут тащить на известное расстояние значительные тяжести.

Между органами чувств у кошек всего более развиты органы слуха и зрения. Первый из них, без сомнения, играет самую важную роль при их хищнических набегах. Они могут слышать легкий шорох на далеком расстоянии и правильно оценивать его. Они различают самые осторожные шаги, самое незначительное шуршание песка под ногами животного и могут посредством слуха находить добычу, даже не видя ее, хотя ушные раковины у них никогда не бывают велики. Зрение у них не так развито, хотя его нельзя назвать слабым. На больших расстояниях глаза кошек, вероятно, не могут видеть, но для зрения вблизи они превосходны. Зрачок у крупных видов круглый, под влиянием гнева расширяется, оставаясь круглым, а у мелких видов он имеет форму эллипса и способен к еще большему расширению. У последних днем, под влиянием яркого света, он стягивается в узкую полоску, при раздражении же или в темноте принимает круглый вид. Для осязания служат главным образом длинные усы по сторонам рта, щетинки над глазами, а также, быть может, кисточки на ушах у рыси. Если отрезать у кошки усы, то этим поставишь ее в крайне неприятное

положение; она делается в полном смысле беспомощной и теряет способность к деятельности, обнаруживает заметное беспокойство и неуверенность, которые по мере отрастания усов пропадают. Лапы также приспособлены для осязания. Впрочем, все вообще тело кошки весьма восприимчиво в этом отношении. Кошки весьма чувствительны к внешним ощущениям и обнаруживают очевидное неудовольствие при неприятном ощущении и большое удовольствие при приятном. Если гладят шерсть кошки, то этим приводят ее почти в радостное возбуждение; если же шерсть у них намокнет или подвергнется другому неприятному влиянию, то этим у кошек вызывается большое озлобление. Обоняние и вкус у кошек стоят почти на одной степени развития; быть может, вкус несколько более развит, нежели обоняние. Большая часть кошек, несмотря на свой шероховатый язык, очень чувствительны к вкусовым ощущениям. Замечательна любовь некоторых кошек к сильно пахучим растениям, к которым животные с сильно развитым обонянием чувствуют отвращение.

Что касается духовных качеств, то кошки в этом отношении стоят ниже собак, хотя не в такой степени, как обыкновенно думают. Не следует забывать, что при оценке духовных сил обоих семейств почти всегда имеют в виду двух главных представителей их: домашнюю собаку, в течение тысячелетий целесообразно воспитываемую, и оставленную в пренебрежении и подвергаемую

обыкновенно дурному обращению домашнюю кошку. У большинства видов высшие и благородные духовные свойства всегда обнаруживаются в меньшей степени, нежели низшие; но та же домашняя кошка, если с ней хорошо обращаться, может служить доказательством того, что и кошки способны к воспитанию и усовершенствованию благородных свойств своей природы. Домашняя кошка представляет нам много примеров привязанности к человеку и большой понятливости. Человек обыкновенно не дает себе труда изучить способности кошек, а остается при раз установившемся мнении и воздерживается от самостоятельных наблюдений и опытов. Характер большинства видов кошек представляет смесь спокойной осторожности, постоянного лукавства, кровожадности и безумной отваги.

Кошки встречаются во всех частях Старого Света и Америки. В Австралии попадаются только одичавшие домашние кошки. Они живут как на равнинах, так и в горах, как на сухих песчаных местах, так и на сырых и низменных, как в лесах, так и на полях.

Кошки берут себе пищу из всех классов позвоночных, но млекопитающие, несомненно, более других подвержены их нападениям. Некоторые виды предпочитают птиц, другие, хотя немногие, кроме того, употребляют в пищу и мясо пресмыкающихся, напр. черепах; есть даже и такие виды, которые занимаются рыбной ловлей.

По способу нападения почти все кошки похожи друг на друга. Тихими, неслышными шагами крадутся они с чрезвычайной внимательностью по той местности, где охотятся, чутко прислушиваясь ко всему окружающему. Малейший шорох возбуждает их внимание и побуждает исследовать причину его. При этом они осторожно, в согнутом положении, скользят по почве, держась по ветру, и, наконец, когда предполагают, что

достаточно приблизились, одним или несколькими прыжками настигают свою жертву, схватывают ее своими страшными лапами за затылок или бока, сваливают на землю и быстро кусают ее несколько раз один за другим. Затем они раскрывают немного свои челюсти, но так, чтобы пойманное животное не могло уйти, внимательно наблюдают за своей добычей и при малейшем признаке жизни снова кусают ее. Многие издают при этом рычание, выражающее удовольствие, а также жадность и свирепость, и двигают кончиком своего хвоста. Большинство кошек имеют отвратительную привычку долго мучить свои жертвы, предоставляя им возможность бежать на некоторое расстояние, но в нужный момент снова хватают, затем опять выпускают, еще раз дают бежать, пока измученное животное не падет от ран. Даже крупные виды боятся животных, от которых ожидают значительного сопротивления, нападая только тогда, когда они по опыту знают, что выйдут победителями из предстоящего боя. Даже лев, тигр и ягуар боятся в первое время человека и почти трусливо уходят от него; но когда узнают его слабость, то становятся страшнейшими его врагами. Хотя почти все кошки хорошо бегают, однако почти всегда воздерживаются от продолжительного преследования добычи, если прыжок их при нападении был неудачен. Только на вполне безопасных местах они пожирают свою добычу, почему обыкновенно тащат убитое или раненое животное в скрытое место, где и пожирают его с полным спокойствием и наслаждением.

Самки могут обыкновенно родить нескольких детенышей и редко только одного. Можно сказать, что число их колеблется между 1 и 6. У некоторых видов их бывает еще больше. Воспитательницей детенышей бывает мать; отец мало заботится о них. Кошка с ее котятами представляет весьма привлекательную картину: в каждом ее движении, в каждом звуке ее голоса видна материнская нежность и любовь. В голосе у нее слышится такая нежность и мягкость, каких нельзя было и предполагать. С величайшей заботливостью и вниманием наблюдает она за своими малютками так, что не может быть никакого сомнения в том, как близки они ее сердцу. В семейных логовищах кошек наблюдателя поражает чистота, в которой держит мать своих малюток с самой ранней их юности. Она беспрестанно их лижет, чистит, гладит, приводит в порядок логовище и не терпит никакой нечистоты поблизости него. Она защищает детенышей от врагов с полным самоотвержением, и крупные кошки в это время делаются страшными. У многих видов мать в некоторых случаях должна защищать детенышей и от отца, который часто пожирает их, особенно когда они еще слепы. Поэтому-то, вероятно, все кошки с величайшей заботливостью стараются скрыть свое гнездо. Когда котята несколько подрастут и делаются похожими на настоящих кошек, тогда самец уже не обижает их. Тогда начинается веселая жизнь котят, у всех видов имеющих большую склонность к играм и забавам. Природные способности видны в первых движениях котят. Их детские игры суть не что иное, как подготовка к серьезной охоте. Все, что двигается, привлекает их внимание. Ни один шорох не ускользает от них. При малейшем шуме котята настораживают уши. Сначала хвост матери доставляет им большую забаву. За каждым его движением они наблюдают, стараясь поймать его или остановить его движение. Мать несколько не смущается такими забавами и нарочно продолжает двигать хвостом, предоставляя этот член своего тела в полное распоряжение котят. Спустя несколько недель можно уже видеть всю семью занятой оживленнейшими играми, в которых мать, наравне с котятами,

принимает участие. Это замечается как у львиц, так и у наших домашних кошек. Часто вся семья свертывается как бы в один клубок, причем один член семьи ловит и кусает хвост другого. С возрастом игры становятся серьезнее. Маленькие начинают понимать, что хвост составляет часть их самих, и пробуют свои силы на чем-либо другом. Мать приносит им небольших животных, живых или полуживых, и отдает их на потеху котят, которые старательно и терпеливо преследуют их, упражняясь в том хищническом ремесле, которое составляет занятие взрослых. Наконец, мать берет их с собой на охоту, где они научаются всем уловкам и хитростям, спокойному уменью владеть собой, внезапным нападениям, короче, всему разбойничьему искусству. Только когда котята станут совершенно самостоятельными, они отделяются от своих родителей и затем довольно долгое время ведут одинокую бродячую жизнь.

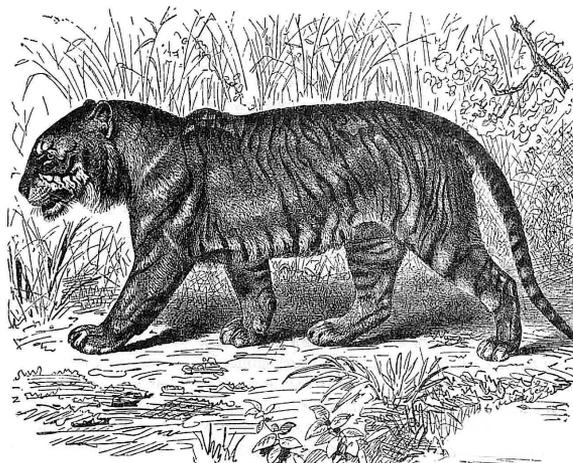
Кошки стоят во враждебных отношениях со значительной частью прочего мира животных; поэтому вред, причиняемый ими, чрезвычайно значителен. Конечно, при этом надо принять во внимание то обстоятельство, что крупные представители этого семейства живут в странах, чрезвычайно богатых добычей; даже можно утверждать, что, препятствуя чрезмерному размножению некоторых жвачных и грызунов, кошки оказываются даже полезными животными. Польза, приносимая мелкими видами, несомненно, пересиливает причиняемый ими вред. Добыча их ограничивается мелкими млекопитающими и птицами; особенно полезны они как беспощадные истребители вредящих полям хозяев грызунов. Домашняя кошка сделалась для нас совершенно необходимой, но и мелкие дикие кошки приносят нам довольно много пользы и мало вреда. Кроме того, человек пользуется их мехом, а в некоторых местах даже ест их мясо.

Теперь перейдем к описанию отдельных видов кошек, начиная с тех, которые живут в Старом Свете и отличаются от американских большим сходством с домашней кошкой.

Один из самых типичных представителей семейства кошек — **королевский тигр**

(*Felis tigris*), с одной стороны, красивейшее из животных, с другой — ужаснейший и наиболее опасный для человека из всех хищных зверей. Это истинная язва всех стран, где он водится. Это настоящий бич Индии, приносящий в жертву своей свирепости ежегодно страшные человеческие гекатомбы (до тысячи человек).

Великолепный мех, светло-желтый, с темными поперечными полосами, круглая голова, обрамленная длинными бакенбардами, продолговатое туловище более сажени длиной (230–260 см, причем самки на 30–40 см меньше) и, наконец, длинный хвост, — такова наружность королевского

Тигр

тигра. Бархатные лапы скрывают огромные втяжные когти, а пасть вооружена необыкновенно острыми зубами. Физическая сила тигра может быть сравнима лишь с силой стальных мускулов африканского льва: одним ударом лапы ужасный зверь может причинить рану в пять дюймов глубины и переломить бедренную кость верблюда, а в зубах может тащить целого быка несколько миль. Ловкость исполинской кошки соответствует ее силе: как змея, крадется тигр к своей добыче, незаметный в чаще даже для опытного глаза, и одним гигантским прыжком бросается на несчастную жертву, редко давая промах. Кроме того, он превосходно лазает по деревьям и отлично плавает даже по быстрой реке.

Если прибавить сюда беспримерную свирепость и кровожадность, характеризующую нрав тигра, его хитрость и необыкновенную дерзость, то станет понятным, почему обитатели Азии считают это животное за исчадие самого ада.

Любимым местопребыванием полосатых хищников являются заросшие тростником берега рек, а также непроходимые заросли бамбука и водяных растений, так называемые в Индии джунгли, где каждая пара хищников имеет свои определенные логовища.

Строго говоря, нет ни одного живого существа, которое могло бы считать себя в безопасности от нападения ужасного хищника. Слон, носорог и бешеный буйвол — вот единственные противники, которых тигр, и то не всегда, оставляет в покое. Замечательно, что буйволы не только не боятся огромной кошки, но даже сами нападают на нее, чего не отваживается делать даже слон. И часто удары мощных рогов оказываются действительнее когтей тигра. Оттого индус только тогда и считает себя безопасным в джунглях, когда едет на буйволе, меж-

ду тем как едущие на спине слона нередко подвергаются нападению хищника.

Другие животные, также спасающиеся от когтей тигра, но иным способом, — павлины и обезьяны, наполняющие леса и камыши Индостана. Если павлины внезапно взлетают на воздух с резкими криками, если обезьяны вдруг поднимают страшный гам — это верный признак, что где-нибудь поблизости крадется тигр. Тогда человек prepares свое оружие, а все прочие живые существа зорко осматриваются кругом, готовясь бежать.

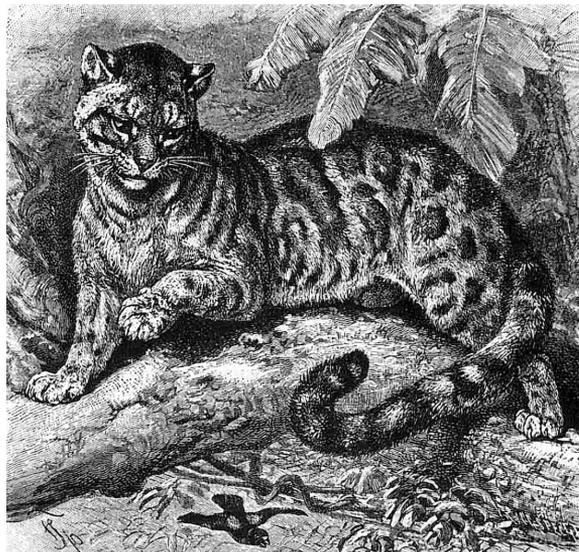
Не ограничиваясь животными, царь джунглей не только не избегает, но даже с особенной охотой нападает и на человека. В Индии, Индокитае, Туркестане, Персии, на р. Амуре, на островах Яве и Суматре — словом, везде, где водится свирепая кошка, ежегодно тысячи людей делаются ее жертвами. Ни огонь, ни вода, ни оружие — ничто не спасает жителей этих стран.

Особенно часто становятся жертвами кровожадного чудовища индийские почтальоны, носящие письма. В ущелье Куткум-Занди одно время лежала в засаде свирепая тигрица, в течение нескольких месяцев ежедневно умерщвлявшая по одному человеку из проходивших почтарей. Барабанный бой, факелы, сильный конвой — все было бесполезно. Подобным же образом однажды Гузуратская провинция была совершенно отрезана от других областей, так как все почтальоны аккуратно похищались тиграми, причем один раз хищник вместо человека схватил чемодан с письмами.

Тигр — наиболее распространенный в Азии крупный хищник. Он не только встречается в жарких странах Азиатского материка, каковы Ост-Индия, южное и юго-восточное побережья Каспийского моря, Туркестан и пр., но заходит далеко

на север через весь Китай, до берегов Амура и дальше. Можно сказать, что область его распространения лежит между 8° и 53° с. ш. В густых, непроходимых чащах сибирской тайги, особенно в лесах-кедровниках, тигр является такой же грозой для местного населения, как его индийский собрат — для индусов. Русские поселенцы и рабочие не так еще боятся его, считая зверя только «большущей кошкой», но китайцы-работники (манзы) чувствуют панический ужас и целыми десятками покидают работы, если услышат про тигра. По этой причине во многих местах Уссурийского края приходилось приостанавливать работы по постройке великого рельсового пути, пока специально назначенные команды не очищали местность от хищников.

Несмотря на всю свирепость и кровожадность тигра, азиатские властители за несколько столетий до нас уже владели искусством приручать тигров и даже пользоваться ими во время охоты; да и в любом большом зверинце не редкость увидеть ручного тигра, проделывающего разные фокусы. Однако никогда не следует забывать его хищной природы. Как настоящая кошка, тигр выказывает привязанность и послушание тем лицам, которые ласковы с ним. Но дружелюбие его весьма подозрительно и продолжается лишь до тех пор, пока он признает в человеке своего повелителя. Вполне положиться на него никогда нельзя: его хищнические инстинкты постоянно могут проявиться во всей своей полноте. Поэтому тигр, даже прирученный смолоду, все-таки нападает на домашний скот и других животных, когда вырастет и будет выпущен на свободу. Кроме того, это свободолюбивое животное чувствует себя в тесной клетке очень несчастно, чем объясняется его частая раздражительность и дурное расположение духа.

Дымчатый леопард

Тигр, подобно другому крупному хищнику — льву, не имеет близко стоящих видов. С тех пор как вымер доисторический пещерный тигр, на Земле существует лишь одна кошка, могущая претендовать на некоторое сходство с царем индийских джунглей, — это **пятнистая пантера**, или **дымчатый леопард**, который водится в горных лесистых странах Индокитая и Больших Зондских островов, более известная под туземным малайским названием — харимау-дахан. **Харимау-дахан** (*Felis nebulosa*) напоминает тигра тупой головой с закругленными ушами, вытянутым туловищем и длинным мягким мехом. Но этим и ограничивается все сходство: прежде всего, дымчатый леопард гораздо меньше тигра — длина его туловища всего около $3\frac{1}{2}$ фута; далее, цвет его меха совсем другой — чаще всего он пепельно-серый или коричневато-серый, испещренный неправильной формы черными полосами и кольцами; наконец, ноги его сравнительно очень низки, а хвост очень длинен — на какие-нибудь полфута короче всего туловища.

Мраморная кошка

Уже самое строение тела дымчатого леопарда показывает, что, в противоположность своему свирепому родственнику, он умеет превосходно лазать по деревьям. И действительно, другого такого лазуна сыскать трудно: цепляясь своими длинными когтями, харимау-дахан чрезвычайно легко и проворно влезает на самые высокие деревья. Как искусный акробат, он не опасается принимать на значительной высоте самые неудобные позы — ложится, например, брюхом на горизонтальную ветвь, опуска-

ет свободно по сторонам ветви все четыре лапы и в такой позе отдыхает.

На высоте, в чаще древесных ветвей, происходит и охота дымчатого леопарда. Как это ни странно, однако приходится признать, что харимау-дахан, в противоположность другим большим кошкам, довольствуется самой мелкой добычей: ловит птиц, оспаривает у древесных змей птичьи гнезда, иногда охотится и на млекопитающих, но только на мелких. А между тем в силе и ловкости этого хищник не уступит обыкновенному леопарду, который зачастую нападает даже на людей.

Вообще харимау-дахан по своей кротости и некроважности представляет исключение из всех кошачьих, если не считать гепарда. В неволе он быстро ручнеет и тогда становится самым милым животным. У известного путешественника Раффльса были два ручных животных этого вида, и оба привлекали всеобщее расположение своей игривостью, ласковостью и чистоплотностью. Одно из них во время переезда в Европу свело на корабле дружбу с маленькой собачкой и постоянно возилось с нею, тщательно остерегаясь, однако, в играх ушибить или поранить своего маленького друга.

В зоологических садах Европы дымчатый леопард долгое время был величайшей редкостью; даже из больших музеев немногие имели его чучело. Объясняется это тем, что харимау-дахан живет часто в совершенно неприступных местах.

Похожа на дымчатого леопарда, но только меньше его **мраморная кошка, дорал, онкмар** (*Felis marmorata*), также встречающаяся в горных лесах Юго-Восточной Азии и близ лежащих островов. По величине она несколько больше нашей домашней кошки, но ее мягкий, густой мех окрашен в буро-желтый или красновато-бурый тон, по которому раскиданы правильными полосами черные пятна. Живет она на деревьях, в неволе

встречается редко. У меня довольно долго жил красивый мраморный кот. Животное это имело спокойный нрав, так что его трудно было и раздражить; оно охотнее птиц и маленьких млекопитающих, говядину же неохотно. Перед наступлением холодов, не смотря на все наши заботы, этот красивый зверь издох.

Но более всех известна нам из кошек Старого Света **дикая кошка** (*Felis catus*), так как только она одна еще не совсем истреблена в Европе. За исключением Скандинавии и Северной России, она живет поодиночке во всех гористых и лесистых странах: в Германии, Южной Венгрии, на Балканском полуострове, в Испании, Франции, даже Великобритании; находили ее и в Закавказье, но в других азиатских странах она, кажется, не встречается. Любимым ее местопребыванием являются высокоствольные леса, преимущественно хвойные, где она устраивает себе логовище в ямах, дуплах, расщелинах скал, в каменоломнях. В холодное время, а также когда у нее детеныши, она постоянно живет в своем логовище, покидая его только для охоты; летом же обыкновенно постоянно странствует, ночуя где попало. Когда детеныши еще малы, дикие кошки живут парами, большей же частью их встречают поодиночке; котята рано приучаются вести самостоятельную жизнь.

Некоторые считают дикую кошку родоначальницей домашней, но это несправедливо: она гораздо больше последней, мех ее гуще, голова — толще, туловище и хвост короче; кроме того, хвост по всей длине — одинаковой ширины и потому кажется на конце как бы обрубленным, между тем у домашней кошки он постепенно утончается к концу. Отличительными признаками считаются еще желтовато-белые пятна на горле и темные или черные пятки. Общий тон меха — бледно-серый, по которому идут черные поло-

сы; морда — рыжевато-желтая, уши снаружи ржаво-серые; глаза — желтые.

Похожая по внешности на домашнюю кошку, дикая кошка значительно превосходит нашего друга дома по хитрости и кровожадности. По мнению одного немецкого охотника, ни одно животное не может сравниться с нею по зоркости глаз, горящих ночью, когда она выходит обыкновенно на добычу, подобно раскаленным углям, по чувству обоняния и уменью подкрадываться к добыче. Она умеет превосходно выслеживать животных и отлично схватывает их при помощи удачных прыжков. С хитростью, которая вообще характеризует всех кошек, подкрадывается она к спящей в своем гнезде птице и к зайцу, заснувшему в своем логовище, подкарауливает кролика, выходящего из норы, и, вероятно, схватывает и белок в дуплах деревьев. Обыкновенную ее пищу составляют, впрочем, мыши и мелкие птицы, на более крупных животных она нападает только в крайности (вскакивая им на спину и перегрызая шейные артерии); однако бывали случаи, когда ее нападению подвергались даже молодые косули и олени. Любит она поживиться и водяной птицей и даже искусно выхватывает из воды рыбу. Далее, жертвами ее бывают: куницы, хорьки, горностаи, ласки, хомяки... с этой стороны она является как бы вредным животным, однако польза, приносимая ею человеку истреблением разных видов мышей, так велика, что перевешивает этот вред.

Отличаясь дикостью нрава, дикие кошки, взятые даже очень маленькими котятками, трудно приручаются, чем и объясняется редкость их появления в зверинцах. Они постоянно злобствуют и в то же время отказываются от пищи. Много терпения и выдержанности нужно приложить, чтобы снискать их доверие. Бывают, однако, случаи, что и взрослые дикие кошки ручнеют, хотя очень редко.

От диких кошек нужно отличать одичалых домашних, часто встречающихся в лесах Средней Европы. Они так же сильны и хищны, как дикие, и похожи на них по цвету шерсти, но отсутствие короткого, как бы обрубленного хвоста, светлого пятна на горле и темных пятен сразу указывает на их истинное происхождение. Иногда, впрочем, одичалые кошки происходят от скрещивания домашних с дикими.

В скалистых местностях Юго-Восточной Сибири, в татарских и монгольских степях, а также в Тибете дикую кошку, не встречающуюся во всей Сибири, заменяет **манул**, или **мала**, у тунгусов, степная кошка у забайкальских казаков (*Felis manul*), по величине близкая к домашней кошке (48 см в длину с хвостом в 21 см). Темно-серебристо-серый в молодости мех ее испещрен черными пятнами, грудь черная, но усы белые. Питается главным образом маленькими животными из породы грызунов, напр. альпийскими зайцами, а также степными птицами (куропатками и т. п.).

За родоначальника нашей домашней кошки можно признать **буланую кошку** (*Felis maniculata*), которая водится по всему Судану, в Абиссинии и Аравии, даже в Палестине; но главной областью обитания ее является центр Африки, страна Ниам-Ниам, где туземцы часто ловят ее и держат вблизи своих жилищ для ловли мышей. Ниамниамские кошки быстро ручнеют. Судя по мумиям кошек, и древние египтяне держали именно буланых кошек за домашних.

Размер этой кошки несколько больше домашней (50 см туловище и около 25 см хвост), но общий облик очень схож с ней: ее мех сверху бледно-желтый или булано-серый, на спине рыжеватый, туловище испещрено узкими темными поперечными полосами.

Наблюдения над буланой кошкой показали, что она отличается от домашней только более тонкими костями, что вообще и составляет отличительный признак диких животных; между тем дикие кошки отличаются и устройством черепов.

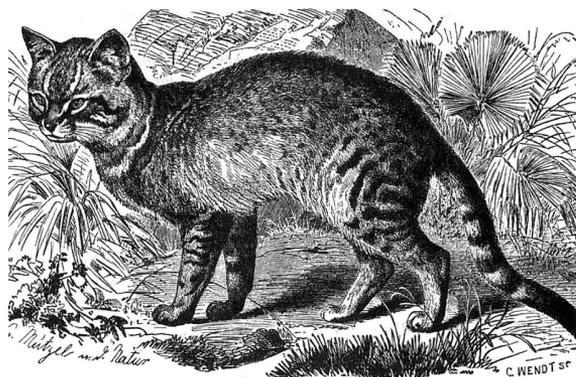
В зоологических садах мне только раз привелось видеть буланых кошек (в Лондоне); они были привезены из Палестины и, очевидно, в очень юном возрасте, так как вели себя тихо и благополучно. Напротив, бывшая у меня в Африке пожилая кошка никак не могла отстать от своей природной дикости, свирепости и недоверчивости.

Давно ли человек приручил кошку и сделал ее своим домашним другом? Когда впервые появилось у него в доме это грациозное, опрятное, привлекательное животное? Эти

вопросы пока неразрешимы для нас. Достоверно известно одно: что кошка водилась в качестве домашнего животного у народов глубокой древности.

К нам в Европу она перешла из Египта; по крайней мере, оттуда мы имеем первые исторические сведения о ней. Греческий писатель Геродот (за 430 лет до Р. Х.) говорит следующее: «Если где-нибудь в Египте случится пожар, то люди прежде всего бросаются спасать своих кошек, которых тщательно стерегут, и если пропадет хоть одна кошка, то египтянами овладевает глубокая печаль. Если же кошка умрет сама собою, то все обитатели дома обстригают себе брови в знак печали. Мертвых кошек помещают в священные комнаты, бальзамируют и потом пересылают в город Бубастос». Насколько кошка почиталась древними египтянами, показывает строгое наказание, которое постигало убившего ее. Диодор Сицилийский (за 30 лет до Р. Х.) сообщает, что «если кто убьет кошку, то должен умереть сам. Одного несчастного убийцу кошки, римского гражданина, сам царь Птоломей не мог избавить от смертной казни».

Из страны древних фараонов кошка стала распространяться в Азии, потом (около десятого века), перешла в Европу, а отсюда, с открытием Америки и Австралии, распространилась и по этим странам, так что стала теперь обыкновенным животным везде. Теперь кошку встретишь и в шалашеномада, и в раззолоченных палатах богачей, и в хижине бедняка. Для всех кошка желанный друг и гость, особенно где водятся крысы, эти докучливые ночные грызуны. Однако, привязываясь к человеку, кошка сохраняет до известной степени свою самостоятельность и часто на целое лето покидает родной дом или деревню, несмотря на всю привязанность, какую кошки чувствуют к месту своего рождения и жительства. Покинув дом, кошка отправляется обыкновенно в лес, где занимается ловлей лесных и полевых мышей. Впрочем, добычей ее служат там и другие мелкие, беззащитные

Степная кошка

млекопитающие, также птицы; некоторые кошки занимаются и рыбной ловлей.

Во всех случаях нашему хитрому, вкрадчивому другу помогает не обоняние, очень слабо развитое, а превосходное зрение, тонкое осязание и слух. Зрение кошки развито до совершенства, так как она одинаково хорошо видит как днем, так и ночью. Она обладает замечательной способностью приспособлять свои глаза к свету: днем, при сильном свете, ее зрачки сильно сжимаются, а ночью, в темноте, расширяются, благодаря чему кошка может превосходно охотиться ночью.

Относительно душевных качеств кошки существуют самые противоположные мнения: одни считают ее ласковым, милым, интересным зверем, другие, напротив, говорят, что нет животного хитрее, лукавее и невернее, чем кошка. Многие даже питают непреодолимое отвращение к кошкам и смотрят на них как на животных никуда не годных, что совершенно несправедливо. Присмотритесь только к этому красивому, маленькому льву и тигру в миниатюре, и вы найдете такие привлекательные черты, которые безусловно заслужат ваше расположение.

В благодарность за уход кошки могут сильно привязаться к своим хозяевам. Некоторые кошки ходили за своими хозяевами,

словно собаки, по двору и саду, по лесу и полю. Я знал двух таких котов, которые весьма любезно провожали гостей своей хозяйки на расстоянии 10–15 минут ходьбы от дома, потом ласками и самодовольным ворчаньем как бы прощались с ними и уходили обратно домой.

Кошка — высокоодаренное животное. Она ловка, так что, как ни бросай ее, все-таки встанет на ноги, и смела настолько, что бросается на врага гораздо сильнее себя. Смелость кошки настолько известна собакам, что редкая из них решится броситься на нее. Бывали случаи, когда на одну кошку бросались 5–6 собак, а она все-таки не сдавалась.

Вместе со смелостью, кошка обладает неустранимостью и присутствием духа. Ее ничем нельзя ни утратить, ни озадачить. Много говорят об ее хитрости и лукавстве, и говорят справедливо. С удивительным лукавством она, точно мертвая, караулит мышиную норку и так же лукаво вся съезживается. Глаза блестят. Но вот из норки показался мышонок. Казавшаяся мертвой кошка мгновенно оживает. Один ловкий, стремительный прыжок — и бедный мышонок уже пищит в ее лапах.

Про кошку ходит множество рассказов, доказывающих ее ум и понятливость.

Одна кошка окотилась на сеновале четырьмя премиленькими котятами и тщательно укрыла их. Прошло 3–4 недели. Вдруг она появляется у хозяйки дома, ласкается и точно чего-то просит, зовет и бежит к двери, как бы с намерением указать дорогу. Хозяйка следует за нею. Тогда она радостно бросается на двор, исчезает на сеновале и сбрасывает оттуда вниз, на сено, одного котенка, затем спрыгивает сама и кладет котенка к ногам хозяйки. Когда котенка подняли и стали ласкать, она снова бросилась на сеновал и сбросила оттуда еще 3 котят, одного за другим. Но этих она уже

поленилась нести и стала звать и кричать, как бы требуя взять их. Ленивая мать только тогда понесла их, когда ей решительно было показано, что ее котят оставят на сеновале. Оказалось, что у кошки пропало молоко; но зато у нее хватило ума сообразить, что если она перенесет свое семейство к тем, кто кормит ее, то поможет своей беде.

У одного господина был кот, который был приучен никогда не брать ничего со стола. Как-то в этом доме появилась собака, большая лакомка; с целью полакомиться она часто прыгала на столы и стулья. Кот смотрел несколько раз с недовольной миной; наконец, однажды, он поместился около стола, и не успела собака вскочить на стул, как он уже очутился на столе и угостил лакомку здоровой пощечиной.

Необыкновенно умна была кошка лесничего Зальцмана. Ее приучили не трогать комнатных птиц, клетки с которыми стояли на окнах. Но вот один из ее котят выказал желание поживиться птичками. Само собой разумеется, что, как только угадали его намерение, лакомку образумили несколькими ударами и посадили на пол. Кошка видела попытку котенка и его наказание. С жалобным мяуканьем она поспешила к нему и принялась зализывать раны. Но питомец ее не образумился и не прекращал своих попыток. Тогда кошка принялась сама следить за ним, и, едва он выказывал поползновение прыгнуть на клетку, она вскакивала на стул и наносила довольно веские удары ветреному питомцу, а однажды наградила его такими вескими пощечинами, что он навсегда отказался от своих проделок.

Кошки проявляют иногда замечательную дружбу не только к человеку, но и к другим животным. Вопреки общественной поговорке нередко встречаются примеры теснейшей дружбы между кошками и собаками. Рассказывают, напр., что одной кошке доставляло

немалое удовольствие, когда ее друг, собака, носил ее в зубах по комнате. О другой кошке говорят, что она всегда заступалась за своего друга-собаку в собачьих драках и, в свою очередь, находила с ее стороны деятельную помощь в кошачьих боях. Некоторые кошки выказывали трогательную привязанность к птицам. Напр., одна кошка постоянно приносила в зубах трясогузку своего хозяина, когда та вылетала из комнаты. Другая кошка одного любителя птиц принесла хозяину пропадавшую несколько дней канарейку, не причинив ей никакого вреда: она не только узнала ее, но и поймала, с явной целью обрадовать своего хозяина.

Подобных примеров можно бы было привести множество как доказательство необыкновенного ума, сообразительности и понятливости кошек.

Интересна пора любви кошек. Кот в это время дик. Самки, которые его отыскивают, садятся кругом него. Сидя посреди их, словно паша в кругу своих покорных рабынь, он сурово ворчит себе под нос густым басом, а подружки его заливаются тенором, альтом, дискантом на всевозможные лады. Время от времени музыканты угощают друг друга плюхами; последним занимаются кошки — хотя они сами отыскивали кота, но все-таки не хотят, чтобы он приблизился к ним. Коту приходится брать все с бою. Но вот появляется другой кот, и соперники с диким ревом бросаются в бой. Они треплют друг друга, вертятся, сплетаясь между собою, катаются по крыше — словом, буянят хуже отчаянных ночных повес.

Раза два, а то и три в год кошка приносит котят, по несколько штук разом. Котята — необыкновенно хорошенькие, красивенькие зверьки. Весело смотреть, как они возятся, играют и шалят со всяким предметом, который только катится, бежит, ползет или порхает.

Любовь матери к ним доходит до самоотвержения. Если к кошке, которая кормит своих детенышей, подойдет собака или другая кошка, то она с бешенством кидается на них; в это время она неохотно подпускает к себе даже и хозяев.

Зато она выказывает тогда сострадание к другим животным. Известно множество примеров, как кошки кормили молоком щенят, кроликов, белок и даже своих заклятых врагов — крыс и мышей.

Словом, стоит только присмотреться к жизни нашего домашнего друга, и всякий придет к тому мнению, что кошка заслуживает не только самого лучшего ухода и забот, но и благодарности, а также горячей любви!

В качестве истребителя мышей кошка незаменимый союзник человека: в годы, изобилующие мышами, она может истребить в день средним числом до 20 штук их, а в год 4–7 тысяч или столько же крыс (отсюда, между прочим, нельзя не видеть, что мыши малопитательны, иначе кошки не могли бы истреблять их в таком громадном количестве).

Кроме того, кошки уничтожают вредных для человека насекомых и даже ядовитых змей (гадюк и гремучих). «Я не раз видел, — говорит Ренггер, — как в Парагвае, на песчаных и голых местах, кошки убивали и преследовали гремучих змей. Они ловко наносили им удары лапой, увертываясь в то же время от укуса врага. Когда змея лежит свернувшись, кошка долго не нападает на нее, а ходит кругом до тех пор, пока змее не надоест поворачивать за нею голову; затем вдруг наносит удар и ловко отскакивает в сторону. Так продолжается до тех пор, пока змея не будет умерщвлена. Тогда не тронув ее мяса, кошка уходит».

Достаточно бросить один взгляд на **льва**, чтобы понять, почему этому зверю еще

древние дали название «царь зверей». Храбрость и сила, мужество и крепость, величавая серьезность и гордое спокойствие — таковы качества, отражающиеся во всей фигуре льва. Его взгляд светится достоинством истинно царским, его осанка невольно внушает уважение, во всех движениях чувствуется самоуверенность и убеждение в победе. Великолепный зверь как будто сам сознает свою мощь и с неподражаемым совершенством играет роль властелина животного царства.

Хотя в системе царства животных льва и ставят в число кошек, однако по своей наружности «царь зверей» резко отличается от прочих представителей кровожадного кошачьего семейства. Особенно выделяет его огромная голова и длинная густая грива, которая и придает льву горделивый царственный вид. Туловище могучего зверя — крепкое, сжатое, кпереди более толстое; шерсть короткая, разных цветов, начиная от желтого и кончая черным; хвост длинный, оканчивающийся на конце кистью, в середине которой спрятан когтеобразный роговой придаток; длина взрослого льва, не считая хвоста, — 6 футов (1,6–1,9 метра) и хвоста — 75–90 см, высота у затылка — 3 фута (80–100 см).

В прежнее время львы были распространены во всех трех частях Старого Света, так что античные герои Греции имели возможность украшать себя львиной шкурой, добытой в рукопашном бою. В настоящее время они водятся лишь в Африке и Юго-Западной Азии: Персии, Аравии и Индостане.

На этом пространстве обитают разные породы львов, отличающиеся своей величиной и цветом шерсти. Самая большая разновидность — **варварийский лев** (*Felis leo barbarus*), населяющий Северную Африку; за ним следует **темноцветный капский лев** (*F. l. carpenis*); в Западной Африке живет **сенегаль-**

ский лев (*F. l. senegalensis*), с гривой светлых оттенков; гораздо меньше их **лев персидский** (*F. l. persicus*); наконец, в Индии, в Гузурате, обитает, оспаривая власть у тигра, **гузуратский лев** красно-желтого или желто-бурого цвета, еще больше варварийского (до 269 см в длину и 106 см в высоту).

Несмотря на разницу во внешнем виде, львы всех пород отличаются замечательным сходством в нравах. Они повсюду живут или одиночно, или супружескими парами. Каждая чета имеет в своем владении определенную область, в центре которой находится резиденция «царя зверей», его логовище.

Днем могучее животное или лежит в логовище, или бродит в лесной чаще, или, спокойно растянувшись, располагается на какой-нибудь возвышенности и отсюда наблюдает за окрестностями, словно строя планы ночной охоты. В это время «царь зверей» относительно безопасен; нередко случается, что люди и животные без вреда проходят под самым носом отдыхающего днем льва.

Иное дело ночью.

Вот село солнце... Кочующий араб загнал свое стадо в безопасную «серибу», огороженную десятифутовой изгородью из колючих мимоз. Овцы бляньем созывают ягнят; выдоенные коровы мирно пережевывают жвачку. Целая стая собак окружает их, оберегая от хищников. Горе гиене и даже леопарду, которые вздумают подойти близко к ограде «серобы»! с яростным лаем кидаются на разбойника бдительные стражи, и хищник, после короткой борьбы, принужден удалиться. В кочевье водворяется тишина. Все засыпает. Ночной мрак все гуще и гуще опускает на землю свой покров...

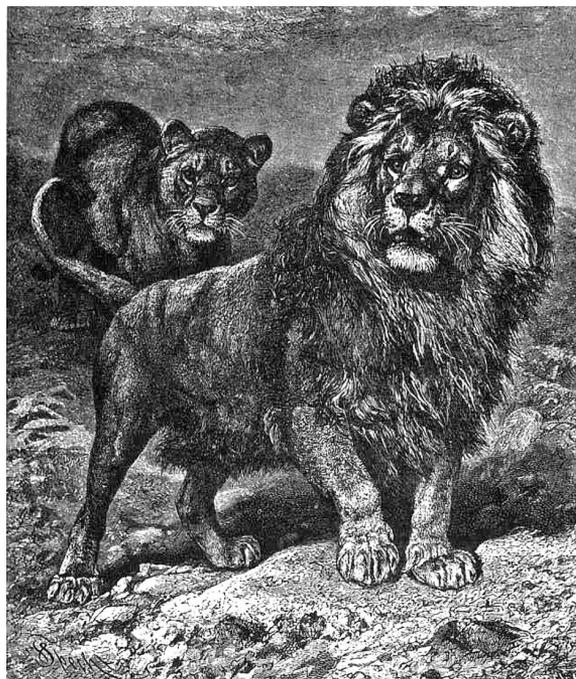
Вдруг словно глухие раскаты грома раздаются вдали, заставляя вздрогнуть все живое. «Эсед (возмутитель)! Эсед!» — шепчут проснувшиеся арабы, и точно, пол-

ное возмущение и смятение воцаряются в спокойной дотоле «серибе». Обезумевшие овцы, дрожа всем телом, мечутся из стороны в сторону. Козы начинают жалобно кричать. Коровы сбиваются в тесную кучу. Привязанные верблюды стараются оторвать привязь. Храбрые собаки с визгом прячутся под защиту своего хозяина. Сам владелец «серибы» в ужасе дрожит, не смея выйти из шатра со своим жалким копьём.

А громовой рев приближается все ближе и ближе. Вот уже у самой ограды раздаются его оглушительные раскаты. Еще минута, и грозный «сабаа» — истребитель стад, одним прыжком перелетает изгородь. Его глаза горят в ночной темноте зловещим светом, хвост яростно бьет воздух, могучие когти взрывают землю. Со свирепым наслаждением смотрит чудовище на окаменевших животных, выбирая жертву... Скачок — и молодой бык с разорванной шеей грузно падает на землю; могучие челюсти схватывают добычу и закидывают на спину; еще гигантский прыжок — и лев переносится с жертвой за ограду «серибы», где и скрывается во мраке ночи. Оставшиеся в живых обитатели кочевья мало-помалу оправляются от ужаса.

Таковы ночные нападения льва. К счастью, благородный зверь далеко не отличается той кровожадностью, какая характеризует тигра и леопарда; он никогда не убивает из одной страсти к убийству. И все-таки, несмотря на это, содержание каждого льва стоит окрестному населению ежегодно около 1500 руб. По вычислению Боврея, пятьдесят львов, жившие в его время в провинции Константин, требовали для своего пропитания в течение всей жизни на десять миллионов франков скота.

Нельзя, впрочем, сказать, что лев всегда питается домашним скотом. Предметами его охоты служат все вообще животные, домашние и дикие, большие и малые; в случае

Лев

нужды «царь зверей» не пренебрегает даже саранчой. Но способ его охоты на осторожных диких животных значительно отличается от того открытого нападения, какое он производит на стада домашнего скота. Охотясь за робкой антилопой или быстрой, как ветер, жирафой, лев подстерегает их в засаде или осторожно подкрадывается к ним против ветра.

Заросшие кустарниками места для водопоя наиболее благоприятны для таких засад. Это знают быстроногие обитатели пустыни, и не иначе, как с величайшими предосторожностями, приближаются к ним. Вот к зеленоющему оазису направляется из песков пустыни стадо полосатых зебр. Мучительная жажда давно уже палит их иссохшие языки, ноздри раздуваются, чуя вблизи живительную влагу, глаза горят нетерпением, но умные животные пересиливают себя и стройным эскадронным следуют за вожаком. Последний — весь слух и внимание. Внимательно осматриваясь

кругом, с настороженными ушами, с напряженным обонянием, медленно подвигается он к зеленеющей группе, среди которой журчит отрадный источник... в оазисе все тихо: ни один листок не шелестит, ни одна травка не колыхнется... но это кажущееся спокойствие не обманывает опытного жоака... Он протягивает уже свою красивую голову в зеленую чашу листьев, а через мгновение становится на дыбы и, испуская короткое ржанье, несется назад, в знойные пески пустыни. За ним бешеным галопом летит все стадо... в тот же момент гигантский скачок выносит из засады яростного льва. Видя неудачу, «царь зверей» останавливается и, словно пристыженный, медленными шагами скрывается в прежней засаде.

Но горе тому животному, на которого обрушится страшный прыжок! Как пораженная молнией, падает несчастная жертва, и только гигант жирафа пытается нести на себе ужасного всадника. В смертельной тоске несется бедное животное, пока не подкосятся быстрые ноги, пока не поникнет высокая голова и страшные когти не перервут грациозной шеи...

Обыкновенно лев охотится один, но иногда супружеская чета охотится совместно, а иной раз для той же цели собирается целое стадо львов. Один английский охотник передает интересный случай подобного рода.

Небольшое стадо зебр, говорит он, беззаботно паслось на равнине, не подозревая, что пара львов с детенышами тихо подкрадывалась к ним все ближе и ближе. Лев и львица составили правильный план атаки и так осторожно пробирались в густой траве, что бдительные животные совершенно не замечали страшной четы. Таким образом последняя приблизилась к стаду на расстояние прыжка. Вдруг жоак заметил врагов и подал сигнал тревоги. Но было уже поздно: лев перескочил через траву

и кустарники и с быстротой молнии обрушился на зебру, которая в тот же миг упала под ним. Прочие в ужасе разбежались.

Подобные охоты львы предпринимают или тогда, когда животное слишком острожно, или когда оно слишком велико, как, напр., буйвол. Рогатый великан, со своим грозным оружием, не под силу даже мощному «царю зверей», а слепое бешенство делает буйвола вдвойне опасным противником. Это не робкая антилопа, и, прежде чем овладеть такой добычей, львам приходится выдерживать отчаянную борьбу. Исход боя сомнителен. Часто случается, что великан гибнет в схватке, побежденный не столько силой, сколько ловкостью противников. Но если лев не успеет увернуться от всеокрушающего удара рогов, ему нет спасения. Обезумевшее от ярости животное топчет и рвет своего царственного врага, иногда подбрасывая его на воздух, подобно мячу. Покончив с одним, рогатый исполин принимается за другого противника, которого не спасают ни страшные зубы, ни мощные когти. Иногда подобным же образом расправляется с «царем зверей» и дикий кабан.

Схватив добычу, лев уносит ее в свое логовище и там устраивает кровавый пир. Здесь особенно разительно проявляется необыкновенная мускульная сила могучего зверя. Для него ничего не стоит, с целым быком на спине, перепрыгнуть десятифутовую изгородь и затем пробежать с добычей целую милю. По словам Томсона, однажды охотники верхом целых пять часов гнались за львом, уносившим двухгодовалого бычка, и не могли догнать.

Еще рельефнее выставляет силу льва следующий арабский рассказ. Однажды лев кинулся на утолявшего жажду верблюда и хотел утащить его в лес. Но в ту же минуту из воды вынырнул громадный крокодил и схватил верблюда за шею. Между

Львица во время охоты

противниками завязался спор: один тянул вверх, другой — вниз. Кончилось тем, что верблюд был разорван на две части.

Умрив добычу, лев начинает насыщаться ею, причем нередко его пиру мешают коршуны и гиены. Обыкновенно трусливые при встрече с «царем зверей», гиены, завидев добычу, становятся безумно смелыми. Один охотник видел, как три пятнистых гиены, ворча и скаля зубы, смело бросились отнимать у мощного зверя его обед, и только страшный удар лапой, замертво положивший одну, заставил двух других образумиться.

«Лев — человеческое животное, — говорит Шейтлин, — подобно тому, как и между людьми есть люди скотские». Эти слова германского натуралиста в высшей степени метко обрисовывают характер «царя зверей». Действительно, царственный зверь обладает многими качествами, которые резко выделяют его из ряда других животных и приближают к человеку: он — верный супруг и нежный отец; его мужество

и храбрость стоят вне всяких сомнений; его характер полон благородства и совершенно чужд той кровожадности, какой отличаются все прочие члены семейства кошачьих; наконец, лев — животное в высшей степени умное, понятливое и сообразительное.

Супружеская верность мощного зверя — факт, который подтверждают все наблюдатели. Лев никогда не покинет своей львицы, заботится о ней, защищает от врага и добывает пищу. Очень часто царственная чета делит пополам все заботы по добыванию добычи и вместе производит нападение на «серобы» арабов или на дикого буйвола.

Родительское чувство также развито у «царя зверей» очень высоко. Львица-мать до последних сил готова защищать своих детенышей и ни при какой опасности не покидает их. Лев-отец не уступает ей в самоотвержении: он присматривает за детьми, когда мать их уходит на водопой, заботится о пропитании семьи и до последней капли крови готов защищать родное логовище.

Молодые львята рождаются обыкновенно в количестве от двух до шести и первое время являются беспомощными зверьками, ростом с котенка. На втором месяце они начинают ходить и играть. В это время трудно себе представить зрелище более грациозное, чем львица со своими детьми: красивые зверьки, точно котята, резвятся друг с другом, к удовольствию матери, которая любовно смотрит на их забавы.

Через полгода львица перестает кормить своих детенышей, и они начинают сопровождать родителей в их набегах. Величина их в это время достигает величины порядочной собаки. Голос, прежде совершенно походивший на мяуканье кошки, становится сильнее и полнее. На третьем году у самцов начинается пробиваться грива, но лишь на шестом году «царь зверей» достигает своего полного развития. Именно в этом возрасте у него появляется тот могучий голос, который арабы так удачно называют «раад» — гром — и который приводит в ужас все живое. Заслышав его, замолкает гиена, утихает яростный леопард, обезьяны в страхе взбираются на высочайшие вершины деревьев, антилопы бросаются в бешеный галоп, дрожит и волнуется сам флегматичный верблюд, лошадь встает на дыбы и бешено рвется, собака с визгом жмет к ногам хозяина...

Этот голос особенно характерен для могучего зверя: он выражает его мощь и силу, безграничную отвагу и неодолимое мужество. Своим гневным рычанием «царь зверей» словно вызывает желающего померяться с ним. И кто бы ни принял вызов, отважное животное не задумывается вступить в бой. Только человека и страшится «царь зверей»: высокий рост «царя природы» поселяет в нем недоверие к своим силам, а спокойствие и мужество человека еще более усиливают это впечатление. Этим объ-

ясняются нередкие случаи, где лев отступал даже перед безоружными людьми.

Когда араб встречает на дороге льва, то он идет прямо на зверя, махая саблей или ружьем, но остерегаясь наносить удары или стрелять. Он только кричит своему страшному противнику: «О ты, вор, грабитель большой дороги! Ты, сын того, который никогда не говорил „нет“! не думаешь ли ты, что я тебя боюсь? Разве ты не знаешь, чей я сын? Встань и дай мне дорогу!...» Лев спокойно ждет, пока путник подойдет к нему ближе, затем встает и ложится на некотором расстоянии, но опять поперек дороги. Таким образом, человеку приходится выдерживать целый ряд страшных испытаний. Счастье его, если ему не изменит мужество, если, как выражаются арабы, он «хорошо держит свою душу», — могучий зверь не решается напасть на него и оставляет смельчака в покое.

Но если лев заметит, что человек боится его, или, наоборот, если смельчак чем-нибудь разъярит зверя, тогда единственное средство спасения — хороший выстрел; бегство редко может спасти человека, так как лев в состоянии нагнать, даже лошадь. Опытные наблюдатели утверждают, что человеку, встретившему льва, всегда можно заранее узнать, что ожидает его: если лев не машет хвостом, значит, он сыт и настроен мирно, тогда можно смело идти на страшного зверя и прогнать его с дороги; если же, наоборот, лев колотит себя хвостом по спине и трясет гривой, тогда следует готовиться к неизбежному бою.

Что касается великодушия в характере льва, то это качество, подмеченное еще древними, долгое время служило предметом спора. Некоторые путешественники, как Шейтлин, поют гимны рыцарским качествам могучего зверя, другие же представляют «царя зверей» просто разбойником, из засады подстерегающим добычу.

И то, и другое мнение не чуждо крайностей. Несомненно, что лев — хищное животное, живущее убийством и насилием, но в то же время в его характере, сравнительно с другими хищниками, есть и черты благородства: он никогда не убивает из любви к убийству, как тигр, но всегда — или будучи вызван на бой, или побуждаемый голодом; он помнит оказанное добро, не чужд благодарности, иногда щадит слабых. В этом отношении интересен следующий рассказ Лихтенштейна.

Путешествуя по Южной Африке, этот исследователь зашел в дом одного бура и разговорился с ним. «Два года тому назад, — рассказал ему, между прочим, хозяин, — с того места, где мы теперь с вами стоим, я сделал рискованный выстрел. Однажды моя жена сидела подле дверей дома и смотрела за детьми, которые играли около нее; я в это время был на дворе и возился с телегой. Вдруг среди белого дня явился большой лев и улегся в тени на пороге. Жена, оцепенев от ужаса, но зная, как опасно бежать, не тронулась с места; дети в страхе бросились на колени. Их крики привлекли мое внимание, я поспешил к дверям, и можете представить, что почувствовал, увидев льва. Хотя животное еще не заметило меня, однако гибель моя казалась несомненной. Тем не менее я решился подойти к окошку той комнаты, где стояло мое заряженное ружье. По счастью, оно находилось так близко от окна, что я мог достать его рукой. Еще счастливее было то обстоятельство, что дверь из этой комнаты в другую, у входа которой лежал лев, была открыта, и я мог через свое окно вполне

Львица с детенышем

видеть страшную сцену. Сначала я медлил стрелять, но вдруг зверь зашевелился, как будто готовясь прыгнуть. Тогда я больше не колебался, тихо ободрив жену и, призвав на помощь Бога, выстрелил прямо в лоб, между его сверкающими глазами. Пуля просвистела как раз мимо локонов моего сына, и, к неопишуемой моей радости, мощный хищник был убит наповал».

Если даже предположить, что этот лев был сыт, все-таки нужно вспомнить, что другие хищники, напр. леопард, в подобном случае не устояли бы против своей кровожадности. Вообще замечено, что лев почти никогда не трогает детей.

Помимо всех перечисленных нравственных достоинств «царь зверей» обладает и высокими для зверя качествами ума: он рассудителен, понятлив и умен; ему доступны понятия о времени, пространстве и т. п. Особенно ясно проявляются эти качества у ручных львов.

Приручить льва, пойманного в молодом возрасте, не представляет никакого труда. Могучее животное до такой степени привыкает к своему хозяину, что ходит за ним, как собака. В Хартуме у меня была такая львица, прежде принадлежавшая Латиф-паше,

губернатору Судана. Бахида — имя львицы — так полюбила меня, что повсюду следовала за мной, ласкаясь при всяком удобном случае; иногда она даже ночью забиралась на мою постель и будила меня своими ласками. Держали ее на дворе, где Бахида бегала совершенно свободно и вскоре приобрела господство над всем животным населением двора. К большинству животных она относилась чрезвычайно гордо, дразнила и пугала их, но вред наносила редко; только два раза она умертвила и съела — однажды обезьяну, а в другой раз барана, с которым перед тем играла. Из всех сожителей она боялась лишь марабу; при первом же знакомстве гигантская птица уселась на спину Бахиды и так отделала последнюю своим коническим клювом, что львица принуждена была признать себя побежденной. По отношению к своим хозяевам она была всегда кротка и честна; даже будучи однажды наказана, она уже через несколько минут подошла ко мне ласкаться. Иногда она ложилась на землю и потом вдруг делала скачок на подходящего человека — но без злого умысла, единственно с целью поиграть. В Каире я мог водить ее с собою по улицам на веревке. Впоследствии, находясь уже в Берлинском зоологическом саду, Бахида узнала меня после двухлетней разлуки.

Подобный случай — далеко не исключительный. Из практики так называемых укротителей львов видно, как послушны иногда бывают могучие животные: по приказанию укротителя они скачут, напр., через обручи, позволяют класть укротителю руку или даже голову в свою пасть и проделывают десятки различных фокусов. Следует, однако, помнить, что и в ручном льве иногда вдруг пробуждается природная дикость; оттого-то редкий из укротителей кончает своей смертью.

Кроме человека, львы нередко привязываются и к другим животным, напр. К собакам. В Антверпенском саду одно время жила львица, которая свела тесную дружбу с жившей в ее клетке маленькой собачкой. Интересно было видеть, говорит Гартвиг, как мощная африканка, лежа на спине, обнимала огромными лапами свою маленькую подругу и, играя, перебрасывала ее из стороны в сторону.

Приручение львов было известно еще в древности. В Карфагене Ганнон заплатил за это даже ссылкой, так как его сограждане предположили, что человек, занимающийся укрощением львов, способен подчинять себе и людей. Некоторые римские триумфаторы въезжали в город в триумфальном шествии на колеснице, запряженной львами. Львиный бой в цир-

ке всегда составлял одно из любимейших удовольствий римлян. Знаменитый Сулла заставил драться в цирке сотню львов, Помпей — 600, а Цезарь — 400. Адриан нередко убивал в цирке за один раз по сотне могучих зверей; Марк Аврелий однажды приказал сотню их расстрелять стрелами. В эпоху мученичества травля христиан львами была в большом ходу, и крик черни: «Christianos ad leones» — нередко оглашал собою улицы и площади Вечного города.

Громадный вред, приносимый львами населению Африки, главное богатство которого составляют стада, является причиной, почему и арабы, и негры, и европейские поселенцы Черного материка стараются истреблять могучих животных всеми возможными средствами. Однако охота на «царя зверей» сопряжена с такими опасностями,

что в некоторых местах Судана мусульманские жители предпочитают платить ему ежегодную дань или же прибегают, для защиты своих стад, к талисманам. Суеверный суданец-магометанин покупает за порядочные деньги у духовенства «геджаб», то есть лоскуток бумаги, исписанный изречениями из Корана, и вешает на ограду своей «серибы». Лев — животное справедливое, любимое Богом, уверен бедняк, он слушает слова пророка и не тронет «серибы», защищенной «геджабом»... Может быть, так бы и было, если бы «царь зверей» был грамотен.

Немногие, однако, решаются один на один вступать в борьбу с «царем зверей». Подобные смельчаки попадаются только среди европейцев. Что касается арабов и негров, то они обыкновенно нападают на льва целой толпой. Мне рассказывали об одной такой охоте, в которой приняли участие четыре араба с ружьями и дюжина нубийцев, вооруженных копьями. Выведенные из терпения страшным опустошением, которое производил лев в окрестных стадах, храбрецы решились напасть на царственного зверя в самом его логовище.

Изумленный неожиданным посещением, лев медленно поднялся и направился на толпу врагов, как раздался залп из четырех ружей, сопровождаемый целой тучей копий. Получив несколько ран, из которых, однако, ни одна не была смертельной, разъяренное чудовище бросилось на ближайшего нубийца и страшным ударом лапы повалило его на землю. Другой нубиец, с копьем в руке, кинулся выручать товарища, но получил такой же удар. Остальные в испуге хотели уже спастись бегством, как один юноша пристыдил трусов: вооруженный, кроме копья, длинной палкой, он смело подошел к свирепому зверю и изо всех сил ударил его палкой по переносице. Удар был настолько силен, что лев лишился чувств и упал. Победитель продолжал

наносить ему новые удары, пока, наконец, чудовище не испустило последнее дыхание.

Еще грандиознее бывают облавы, устраиваемые на льва арабами Атласа. На борьбу с «царем зверей» выходит целое племя. Все способные носить оружие приближаются к логовищу и окружают его тройным рядом. Передние криком и бранью стараются выгнать зверя из его убежища. «Эй, ты, собака, собачий сын! — сыплется цветистая брань арабов. — Ты, происшедший от собак и производящий собак! Несчастный истребитель стад! Чертов сын! Вор! Негодяй! Ну, так ли ты храбр, как кажется! Ну, покажись так же днем, как ты делаешь это ночью! Приготовляйся! Ты должен идти против людей, сыновей мужества, друзей войны!» Если брань не помогает, в чашу делают на удачу несколько выстрелов. Наконец, лев теряет терпение и с гневным ревом выходит из логовища. Его встречают диким криком и ружейными залпами; сначала стреляет первый ряд, потом второй, затем третий. Обыкновенно могучий зверь не успевает сделать и одного прыжка, как падает под тучей пуль. Но иногда разъяренное чудовище, прежде чем получит смертельную рану, успевает растерзать многих несчастных. А однажды, по словам Жерара, лев обратил даже в бегство всю толпу охотников, человек двести, хотя последние и были вооружены огнестрельным оружием. При этом свирепый зверь убил одного араба и шестерых ранил.

Знаменитый Ливингстон едва не погиб, принимая участие в облаве на льва. Он выстрелил в зверя из обоих стволов и стал снова заряжать их, как вдруг раненый лев прыгнул на миссионера, схватил зубами за руку, повалил и стал трясти, как крысодав трясет крысу. Стоявший рядом с путешественником туземец, по имени Мебальва, также выстрелил в льва из обоих стволов, но ружье дало осечку. Тогда чудовище

бросило Ливингстона и кинулось на Мербальву. Отбивать последнего поспешил другой туземец, вооруженный копьем. Лев схватил и его. Тем временем Ливингстон успел оправиться и двумя выстрелами положил чудовище на месте. Его плечо оказалось совершенно раздробленным, и рука путешественника, после того как зажали раны, осталась кривой.

Этот и подобные случаи ясно показывают, с какими опасностями сопряжена охота на льва даже при большом числе охотников. Еще хуже, когда лев предупреждает нападение и сам первый бросается на противников. Так именно было с одним германским путешественником. Вместе с толпой дагомейцев он отправился раз на поиски льва; однако поиски в течение целого дня были безуспешны, и охотники, утомившись, расположились на ночлег у подошвы высокой скалы. В полночь, когда все спали, свирепый зверь пробрался на вершину скалы, отсюда мощным скачком бросился вниз, схватил одного дагомейца и скрылся с ним. Все попытки спасти несчастного были напрасны.

Еще со времен древности натуралисты не могут твердо установить, считать ли пантеру и леопарда за разные виды или следует соединить их в один вид. **Леопард** (*Felis pardus*) — длиной 170–200 см, причем 60–80 см занимает хвост — имеет круглую голову с мало выдающейся мордой, основной фон его шерсти — бледно-краснова-

то-желтый, темнеющий на спине и более светлый на груди и брюхе; по этому фону густо разбросаны небольшие черные пятна. Некоторые экземпляры приобретают, по-видимому, совершенно темный цвет, как, напр., абиссинские блестяще-буро-черные леопарды, называемые в Абиссинии гезела. Глаза леопардов имеют зеленовато-желтую радужную оболочку и круглый зрачок.

Напротив, **пантера** (*Felis panthera*), по мнению некоторых исследователей, несколько больше, 200–240 см в длину, из которых 82–96 приходится на хвост. Голова у нее не так велика, морда — продолговато-округлая, выдающаяся; далее, ноги относительно гораздо толще, лапы — больше. Основной светлый охряно-желтый цвет окраски переходит на спине в темно-красновато-желтый, внизу и на внутренней стороне конечностей — в желтовато-белый, как у леопарда, но выступает гораздо резче. Пятна, испещряющие шкуру, — гораздо крупнее, радужная оболочка — желтого цвета.

Торговцы и охотники так и отличают леопарда, как более мелкое и плотнее сложенное животное, а пантеру — как более крупное и тоньше сложенное. Наконец, иные считают африканскую форму этих животных леопардом, а азиатскую — пантерой, хотя в Северной Африке леопардов называют пантерами, а в Цейлоне различают обе формы. Но так как и пантера, и леопард сходны по своему характеру и образу жизни, то мы опишем их совместно.

Водящееся на о-вах Суматра и Ява животное некоторые выделяют в отдельный вид под названием **зондской**, или **длиннохвостой, пантеры** (*Felis variegata*). Она отличается сравнительно маленькой длинной головой, удлинённой (а не короткой, как у леопарда или пантеры) шеей, очень вытянутым телом и большим, почти равным телу хвостом. Кроме того, пятна на шерсти меньше, темнее и раскиданы гуще, отчего мех приобретает синевато-черный отблеск, особенно если смотреть на него по шерсти. Основной цвет — темный охряно-желтый. Радужная оболочка — зеленовато-желтого цвета.

Напротив, так называемая **черная пантера**, или **черный леопард** (*Felis melas*), представляет не что иное, как более черные экземпляры того же животного, встречающиеся на Зондских о-вах и Малакке. Окраска их совершенно похожа на окраску черной кошки.

Область распространения **леопарда** (или пантеры) очень велика: этот хищник встречается по всей Африке, Южной Азии, Малой Азии, в Туркестане доходит до нижнего течения Амударьи и заходит даже в Южный Дагестан. Местом его пребывания служат и леса, густые и высокие, и степи, и поля (в населенных местностях), наконец, даже горы (до 3000 м высоты в Абиссинии). Голос леопарда негромкий, и, по словам Пехуэль-Леше, можно передать его словом «хура-ак»; в случае испуга или в состоянии раздражения этот хриплый звук раздается в виде сухого кашля, смешанного с дребезжащим ворчаньем, похожим на ворчанье бешеной собаки.

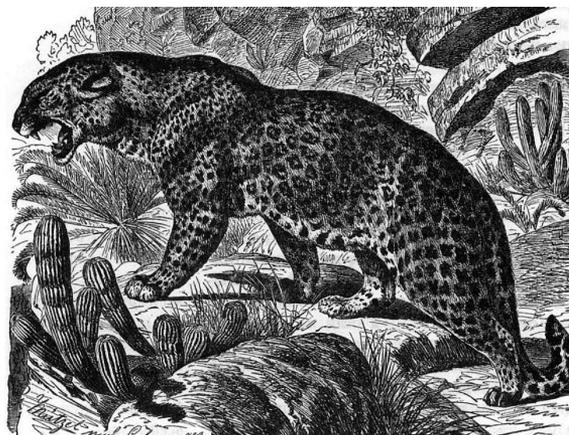
По наружности леопард, без сомнения, самая совершенная из всех кошек на земном шаре. Из всей семьи последних лев, конечно, внушает нам уважение своим величием, и мы охотно признаем в нем царя зверей; тигр является самым ужасным представителем свирепого общества кошек; мех оцелота, конечно, цветистее и пестрее, чем меха прочих парделей; но относительно стройности сложения, красоты и рисунка меха, относительно грации и красоты в движениях эти кошки, как и все остальные, далеко уступают леопарду.

К сожалению, внутренние качества леопарда не соответствуют наружной красоте: он хитер, лукав, коварен, дик, зол, кровожаден и мстителен. Это наиболее опасный хищник во всей Африке, отечестве леопарда. Для стад он является настоящим бичом, и скотоводы боятся его больше, чем самого льва, так как «царь зверей» всегда довольствуется одним животным, леопард же, забравшись в стадо, в одну ночь может задушить тридцать — сорок баранов.

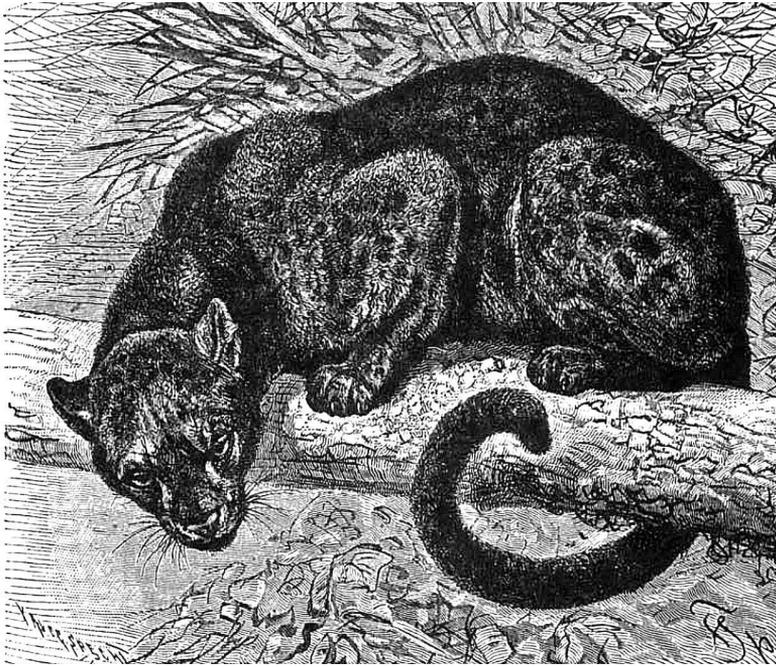
Стоит послушать тот богатый запас брани и проклятий, который изливают туземцы Африки на пойманного леопарда.

— Подлая, трусливая собака, — приветствовал один кафр, описываемый Драйсоном, леопарда, попавшего в западню, — жалкий истребитель кур, наконец ты попался... Помнишь ли ты рыжего с белым теленка, которого зарезал в прошлом месяце? Это был мой теленок! Трус, оборванец! Отчего ты не подождал тогда, пока я приду с копьем и палкой? Ты, конечно, думал, что шкура твоя станет лучше, когда ты нажрешься по горло! Но теперь тебе не вырваться!

— Посмотри, посмотри, подлец, на мое копье! — кричал другой, грозя пойманному зверю. — Я вонжу его тебе в сердце так же,

Леопард

Леопард (черная пантера, меланист)

как теперь вонзаю в землю. А, мошенник! Покажи мне твои зубы: они пойдут мне на ожерелье, а твое сердце я изжарю...

Вдруг во время этой трогательной речи леопард сделал мощный скачок на решетку клетки — и храбрецы рассыпались куда глаза глядят...

При такой свирепости и ловкости леопарда понятно, почему у кафров победитель опасного животного пользуется таким почетом. Одетый в «каррос» из шкуры леопарда, с ожерельем из зубов зверя на шее и хвостом его на поясе, храбрец свысока посматривает на своих товарищей, на поясе которых печально болтаются одни скромные хвосты обезьян.

Охота на леопарда производится самыми разнообразными способами. В тех местностях, где живут европейцы, свирепого зверя ловят в капканы и ловушки или вешают на дерево кусок мяса, а внизу втыкают в землю острые железные зубья: леопард

прыгает на приманку, но, не достав ее, падает на зубья. Упомянутый выше Филиппини поймал около 25 леопардов в западни, по устройству похожие на огромные мышеловки. Между прочим, один раз у него попал в такую западню сам «царь зверей», лев; увидев себя пойманным, он яростно ударил лапой по захлопнувшейся двери, сломал ее и скрылся.

Столь же безопасна охота на леопарда с огнестрельным оружием и хорошими собаками. Зато немногие смельчаки решаются ходить на леопарда один на один, без собак. Обыкновенно они обматывают себе левую руку толстой шкурой, а в правую берут острый, широкий кинжал. Если ружье даст промах, охотник подставляет бросившемуся на него зверю левую руку, а правой всаживает в сердце леопарда кинжал. Еще оригинальнее способ охоты на леопарда, употребляемый арабами.

— В окрестностях нашего города, — говорил мне один арабский шейх из Розереса, — леопарды попадают очень часто. Но их не боятся, потому что мы — «сыны силы» и легко одолеваем всякого зверя. Охота на леопарда — сущий пустяк. Если он взлезет на дерево, то надо просто подойти к последнему и велеть зверю слезть. Он послушается, и тогда его можно заколоть.

Я выразил свое удивление словам шейха.

— Да, — продолжал араб, — заставить леопарда сойти с дерева очень легко. Свое прекрасное имя «ниммр» он считает насмешкой и приходит в страшное негодование, когда его зовут так. Наши молодцы пользуются этим: они берут два острых копья, идут под дерево, держат оба копья возле себя, направивши их вверх, так что остроконечия стоят над головой, и громко кричат: «Сходи, ниммр, сходи, трус, испятнанный плут, сходи, если у тебя хватит смелости!» от этих слов леопард приходит в бе-

шенство, забывает всякую осторожность и слепо бросается на нападающих, но попадает, конечно, на оба копыта и прокалывает ими свое сердце.

Леопард, пойманный взрослым, хотя и ручнее в неволе, но никогда не становится ручным вполне, — его ковар-

ный нрав и природная свирепость могут всегда проявиться совершенно неожиданно. Леопарды, пойманные молодыми, наоборот, становятся кротки в неволе, охотно ластиятся к хозяину, мурлычут, трутся о клетку, — словом, во всем напоминают кошек.

Близко к леопарду подходит **ирбис**, или **снежный леопард** (*Felis uncia*), называемый в Тибете **«икар»**, **«сиг»**, **«сагак»**, по величине почти одинаковый с пантерой (220 см), но ниже ее. Основная окраска — беловато-серая со светло-желтым оттенком, более темная на спине и белая внизу. Тело покрыто крапчатыми кольцами с темной серединой; на спине тянется темная линия, переходящая и на хвост. Встречается в гористых местностях Туркестана, Алтая, Бухары, Памира, Кашмира и Тибета, далее, по-видимому, в Юго-Восточной Сибири, в степях по Сунгари; по сообщениям тунгусов, охотно взбирается на деревья. О жизни его в неволе ничего не известно; хотя в 1871 г. два ирбиса были в Московском зоологическом саду, но наблюдений над ними не производилось, к тому же они скоро умерли.

Крапчатая кошка, или **кошка-рыболов**, в Индии — **банбирал**, **багдаша**, **махбаграл**, на Цейлоне **хандун-дива** (*Felis viverrina*), не больше дикой кошки (105–118 см, причем хвост 29–32), покрыта грубым, без блеска, мехом, трудно определимого желто-буро-серого цвета с черными крапинками. Глаза с круглым зрачком, бронзово-желтого цвета; живет в Индии, Индокитае, Южном Китае и Малакке в болотистых лесах; питается кроме млекопитающих и птиц рыбой и даже моллюсками. Сила у нее такая, что однажды экземпляр, принесенный Блейту, умертвил ручного леопарда, хотя тот был вдвое больше ее. В неволе она дика, злобна и неприручима, хотя, по мнению некоторых, ее вовсе не трудно приручить. Выделяет сильный запах, что делает содержание ее неприятным.

Гораздо более распространена **маленькая пятнистая кошка**, **карликовая кошка**, **леопардовая кошка**, **вагати**, **чита**, **билла**, **банбирал** индусов, **римау-акар** малайцев (*Felis bengalensis*), приблизительно равная по величине нашей домашней кошке, но тоже выделяющая сильный запах (мускус). Она встречается во всей Южной (даже в Гималаях) и Юго-Восточной Азии, доходя к северу до Амура. Основной цвет сверху — буровато-серый, снизу — белый, пятна темно-ржаво-бурые сверху и черно-бурые снизу. Отличительный признак — 4 продольных полосы, из которых две, начинаясь над глазами, поворачивают к плечам, разделяясь потом на пятна, а две других идут сначала по бокам носа и переходят на спину, постепенно превращаясь в пятна. Глаза с круглым зрачком, бурого цвета. О жизни ее на свободе мало известно. На Зондских о-вах, как говорят, она живет на деревьях, нападая оттуда даже на ягнят. В неволе, по крайней мере, пойманные взрослыми, эти кошки очень злы и по малейшему поводу приходят в бешеную ярость. Но молодые сравнительно легко ручнеют, хотя и не отличаются доверчивостью.

Сервал, кустарниковая кошка у переселенцев Южной Африки, **чунсуагелив**, **барабара** — у некоторых народов Африки (*Felis cerval*), является соединительным звеном между кошками и рысями: он худощав, высок, голова удлинена, уши большие, яйцевидно закругленные на концах, зрачок глаз — продолговато-округлый; шерсть грубая, густая и длинная. Величина 1,35 м, причем 30–35 см хвост. Желтовато-серый основной цвет его меха, разных оттенков, покрыт небольшими темными пятнами. Область его распространения — степи Алжира, Конго, Южной Африки, скалы Белого Нила и пр. Пищей служат зайцы, молодые антилопы, ягнята и пр. Днем сервал прячется и спит, выходя на добычу ночью. Мясо его в большой чести у языческих народов, магометане же его не едят. Старые сервалы в неволе свирепы и раздражительны, молодые же принадлежат к числу самых милых кошек: они следуют за своим воспитателем, прижимаются к нему, трутся о платье и при этом мурлычут, подобно домашней кошке. Подобно ей же, они любят прыгать, играть с шарами или же развлекаться игрой с собственным хвостом.

Самым замечательным представителем американских одноцветных кошек должен быть признан **кугуар**, **серебряный лев**, или **пума** (*Felis concolor*), длиной в 1,2 м при хвосте в 65 см, широко распространенный не только в Южной Америке, а даже в Мексике и Соед. Штатах до Канады. Густая, короткая и мягкая шерсть пумы окрашена в темно-желтовато-красный цвет; на груди — светлее; голова серая. Любимым местопребыванием его являются в лесистых местностях лесные опушки, в пампасах — густая трава. Днем пума спит на деревьях или в траве, ночью же выходит на добычу.

До последнего времени образ жизни и характер этого любопытного зверя были выяснены очень мало. Тем интереснее сведения, не так давно опубликованные английским натуралистом Хэдзоном, изучавшим пуму в родной стране этого животного — Ла-Плате.

Крайне ошибся бы тот, кто, основываясь на прозвище кугуара, стал бы представлять его себе чем-то вроде африканского льва. По наружности это — просто кот, толь-

ко кот огромных размеров. Зато храбрость кугуара — чисто львиная: он не отступает ни перед каким врагом, кроме человека; да и последнего он нисколько не боится, хотя никогда не нападает на него и вообще — странный факт — выказывает по отношению к двуногому повелителю земли какую-то приязнь. Еще удивительнее то обстоятельство, что пума никогда не нападает на совершенно беззащитных домашних животных: овец, телят и т. п. Пуме как будто нравится добывать себе добычу непременно ценой труда и усилий. Не трогая какого-нибудь заблудившегося барана, она в то же время охотно готова употреблять всевозможные уловки, чтобы овладеть проворным гуанако или быстроногой лошадей. Отсюда тот странный факт, что в населенных пумами местах Ла-Платы табуны лошадей постоянно терпят опустошения, тогда как овцы и коровы спокойно пасутся без всякого призора. В иных местах, напр. в Патагонии, коневодство даже прямо невозможно из-за пум: они нападают на лошадей и разрывают их на глазах у хозяев. Даже дикая лошадь не водится в тех частях пампасов, где много-

Кошка-рыболов

численны пумы. Обыкновенный крик пумы, когда она крадется за добычей, — короткое «у-у». Не ограничиваясь гуанако, вигонями, лошадьми и т. п. животными, кугуар не боится нападать и на крупных хищников, не исключая даже ягуара, самого сильного и самого опасного из диких зверей Америки, а в Калифорнии, где нет ягуаров, пума нередко вступает в единоборство с медведем. В то же самое время не только взрослый человек, но даже дитя могут вполне безопасно пройти мимо лежащей в засаде пумы. За эту черту характера гаучосы пампасов дают кугуару прозвище «amigo del cristiano» (друг христианина). Среди них циркулирует много рассказов, доказывающих ту странную симпатию, какую пума питает к человеку, и вот, например, один из них. Раз человек около тридцати охотников собрались верхом поохотиться на страусов и других степных птиц. Проездив по пампасам целый день и лишь к вечеру собравшись на отдых,

они вдруг заметили, что одного из их товарищей не хватает, хотя лошадь его и явилась. Охотники порешили, что пропавший сделался жертвой какого-нибудь несчастного случая, и на следующий день с рассветом отправились на его поиски. К счастью, поиски оказались удачными: они скоро нашли несчастного лежащим на земле, со сломанной ногой, и тот рассказал им следующее. Через час после того, как он, свалившись с лошади, без движения упал на землю, к нему подошел откуда-то взявшийся кугуар. Зверь не выказал, однако, никаких враждебных намерений: словно не видя лежащего человека, он растянулся подле него на траве и некоторое время лежал спокойно. Вдруг что-то, казалось, встревожило пуму; животное встало и куда-то скрылось, опять показалось и опять скрылось. В то же время раненый услышал невдалеке рычание «унце» (ягуара). Несчастный считал себя уже погибшим. Ужасный хищник пампасов

с каждой минутой подходил все ближе и ближе к тому месту, где лежал охотник. Наконец, последний мог разглядеть в темноте сумерек фигуру страшного зверя, очевидно чужавшего легкую добычу. В эту минуту рев пумы присоединился к рычанию ягуара, и голоса обоих зверей, становясь все более и более озлобленными, слились в один ужасающий концерт: очевидно, две гигантские кошки готовились вступить в бой. Однако ягуар, несмотря на всю свою силу и свирепость, не решился принять вызова и удалился. Через некоторое время он, однако, опять вернулся, но опять встретил готового к бою кугуара. Следующие попытки хищника имели такой же результат, и лишь под самое утро противники скрылись из глаз раненого. Таков факт, хотя на первый взгляд он и кажется маловероятным.

Подобных рассказов о великодушном отношении пумы к двуногому царю природы можно набрать не один десяток. Уэтам передает, например, еще о следующем происшествии. Один дровосек, возвратившись вечером в свою хижину, с ужасом почувствовал, что какое-то большое животное трется об его ноги. Присмотревшись внимательнее, он узнал в ночном посетителе кугуара. Подняв хвост и нежно мурлыча, пума, словно простая домашняя кошка, ласкалась к дровосеку, пробираясь между его ногами, а иногда ложась на пол и давая ему легкие удары лапой. Перепуганный дровосек не расположен был, однако, играть с такой кошкой и ударил пуму, после чего та бросилась из хижины вон.

К этому надо прибавить, что в XVII веке миссионеры Нижней Калифорнии, стада которых опустошались пумами, никак не могли заставить туземцев приняться за истребление последних. Индейцы смотрели на «чимбика» — так они называли пуму, — как на священное животное и ни

за что не хотели причинить ему ни малейшего вреда.

Пума играет почетную роль также в одной истории, имевшей место в XVI веке. В 1536 году, передает Рюи-Диац-де-Гузман, Буэнос-Айрес, тогда еще незначительный городок, был осажден индейцами. Скоро между осажденными начался голод. Не будучи в силах переносить его муки, некоторые жители, несмотря на строгое запрещение властей и опасность от краснокожих, убегали из города. Между такими беглецами была одна молодая женщина, по имени Мальдонада. Покинув Буэнос-Айрес, она некоторое время скиталась в его окрестностях, попала к индейцам, которые не причинили ей, однако, никакого зла, а через несколько месяцев опять вернулась в город. Начальник города обвинил ее в измене и приговорил к растерзанию дикими зверями. Несчастную отвели за милю от города в пустынное место, привязали к дереву и бросили. Через два дня исполнители приговора снова явились сюда, надеясь найти от осужденной одни кости, но каково было их изумление, когда они увидели Мальдонаду живой и невредимой! Молодая женщина рассказала, что все это время пума сторожила ее, храбро защищая от всех других зверей. Услышав об этом, начальник города увидел здесь перст Провидения и освободил Мальдонаду от всякого наказания.

Если даже в диком состоянии пума не проявляет кровожадности по отношению к человеку, то тем более это можно сказать о ручных пумах. Азара в течение четырех месяцев держал у себя дома молодого кугуара, и за все это время последний ни разу не выказал каких-нибудь свирепых наклонностей. Подобно молодой кошке, он любил возиться, прыгать, играть с людьми, любил ловить пролетающих бабочек,

но и только. Хэдзон знал другого домашнего кугуара, который жил у хозяина около восьми лет и также никогда не проявлял ни малейшей свирепости. Если к нему прибли-

жались люди, он ласково мурлыкал и терся о колени посетителей, прося, чтобы его погладили. Любимым занятием его было — играть с платком или мячиком.

Ближайшим родственником пумы можно считать **ягуарунди** (*Felis jaguarundi*), **гатумуриско** бразильцев, стройное, тонкое животное, несколько напоминающее своим вытянутым телом и длинным хвостом куницу. Голова маленькая, глаза довольно большие, уши округленные, мех короткий и густой — темного серовато-бурого цвета. Длина туловища — 55 см, хвост — 32. Живет он парами по опушкам лесов и в кустарниках, встречается на огромном пространстве от Парагвая до Панамы. Жертвами его нападения бывают не только мелкие, но и крупные животные: подобно рыси, ягуарунди вцепляется им в шею, прокусывает ее и не отцепляется до тех пор, пока животное не умрет. На людей он, по-видимому, боится нападать, так что охота на него не представляет опасности, причем трусость его доходит до того, что даже самка не осмеливается защищать своих детенышей и позорно покидает, обращаясь в бегство. Неволю эти хищники переносят хорошо, но не плодятся в ней. Приручить их, особенно в молодости, не представляет труда, хотя они и не обнаруживают особенной привязанности к человеку. Кроме того, они никак не могут преодолеть своей хищной природы и постоянно гоняются за домашними курами.

Еще длиннее — **эйра** (*Felis eyra*), которую бразильцы называют **гато-вермельо** (красная кошка). Это — небольшое животное (длиною в 53 см, с хвостом в 32, а вышиной только 27), покрытое мягкой почти равномерно светло-желтовато-красной шерстью, отличающееся ненасытной кровожадностью и неукротимой жестокостью. К неволе быстро привыкает, но остается, по-видимому, равнодушным к своему хозяину.

Самый же страшный хищник между пятнистыми и полосатыми кошками Нового Света — **ягуар**, или **унца** (*Felis onza*), достигающий длины 150, даже 180–200 см, при вышине — 80; покрыт коротким, густым, мягким, блестящим мехом, несколько более длинным на горле, груди и животе. Основной тон шерсти — красновато-желтый, кроме нижней части туловища и внутренней стороны ног, где преобладает белый цвет. Пятна — неправильные, окаймлены желтовато-красными или черными полосками. Нередко встречаются и черные экземпляры.

По-видимому, существует несколько разновидностей ягуаров.

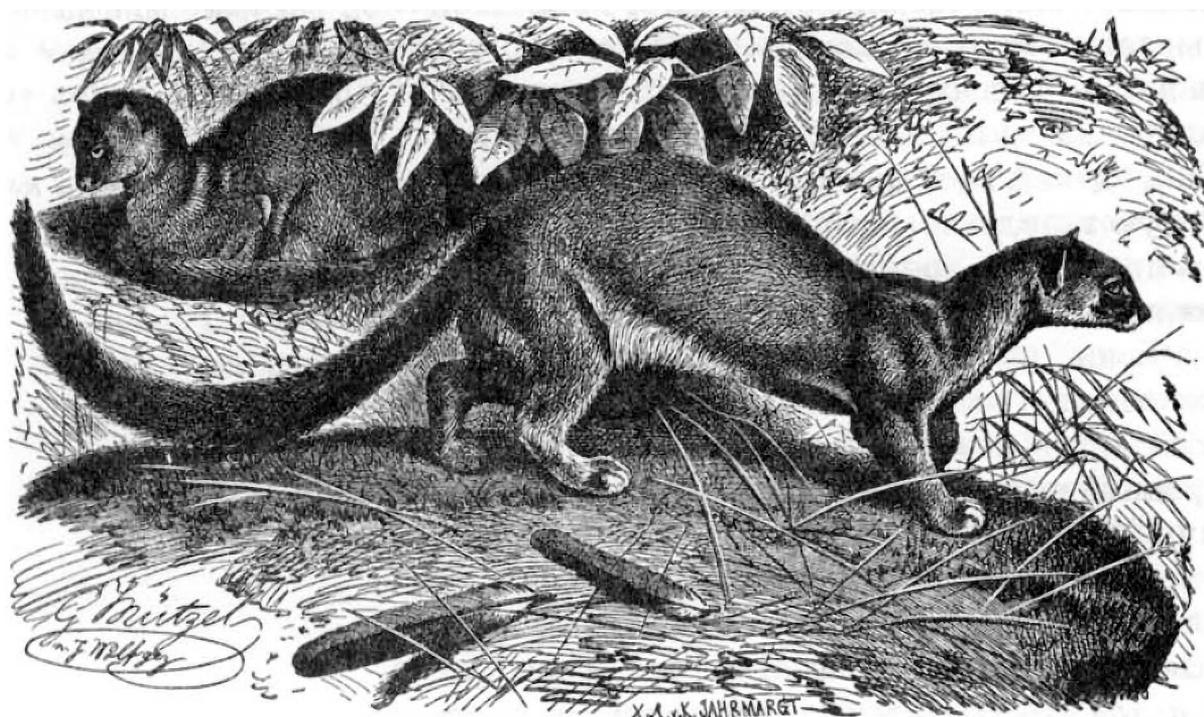
Название ягуар или, на языке южноамериканских туземцев, гуаранов, — ягуаретте — означает «собачье мясо»; испанцы же называют это животное тигром, а португальцы — онса. Ягуар распространен по Новому Свету, от Аргентины до юго-западной части Соединенных Штатов; живет в лесах по берегу рек или в покрытых травой болотистых местностях, выходя на добычу в утренние или вечерние сумерки, а также в светлые, лунные ночи, но никогда днем или темной ночью.

Нападению его подвергаются не только мелкие животные, но и крупные, даже кайманы; любит он также и черепах. Острое зрение и превосходный слух помогают ему издали чують добычу, к которой он подбирается, как настоящая кошка, крадучись, ползком, затем одним-двумя прыжками кидается на нее и перекусывает горло. Говорят, что он бросается даже за своей добычей и в воду. Больше всего от него страдает рогатый скот и лошади; впрочем, волы и быки сами часто обращают его в бегство.

Интересна рыбная ловля ягуаров. «Когда однажды, в жаркий летний вечер, — рассказывает Ренгер, — я возвращался в лодке с охоты на уток, сопровождавший меня индеец заметил на берегу ягуара. Мы подплыли к тому месту и спрятались, чтобы посмотреть, что он будет делать. Он сидел, свернувшись на выступе бере-

га, где течение было сильнее, около того места, где обыкновенно водится хищная рыба, называемая туземцами „дорадо“. Ягуар пристально смотрел в воду, иногда нагибаясь вперед, как будто высматривал что-то на дне. Спустя 15 минут я увидел, как он быстро опустил лапу в воду и выбросил оттуда на берег большую рыбу. Отсюда я убедился, что он ловит рыбу так же, как домашняя кошка».

По отношению к людям ягуар, мало знакомый с ними, выражает только любопытство и уступает им дорогу; но, познакомившись с ними, скоро утрачивает свою робость и тогда делается людоедом. Иногда ягуары осмеливаются даже влезать на стоящие у берега суда и таскать оттуда собак, до которых они так лакомы, или мясо, причем огонь, обыкновенно отпугивающий других хищников, не страшен для них.

Ягуарунди

«Мы заметили, к своему удивлению, — пишет Гумбольдт, — что ягуары совсем не боялись нашего огня. Они переплывали рукав реки, отделявший нас от берега, и утром мы слышали рев их на близком расстоянии». В другом месте своего рассказа тот же наблюдатель сообщает, что ягуар выхватил однажды из самой середины их лагеря любимую собаку всего общества и уволок ее. Собака, которая вечером слышала рев ягуара, забилась под гамак своего господина, но утром все-таки исчезла.

Знаменитый «рев» ягуара, о котором упоминает натуралист, в действительности, впрочем, далеко не так страшен: подобно леопарду и тигру, этот хищник не принадлежит к громко кричащим животным; он только ворчит, хрюкает, воет или мяукает.

В воде ягуар чувствует себя, по-видимому, отлично. «Однажды, — передает Ренггер, — в бытность мою в 1819 г. В Асунсионе мне пришлось быть свидетелем следующего происшествия. Ягуар плыл с другого берега реки. Трое иностранных матросов, несмотря на предостережение парагвайца, схватили ружья, бросились в лодку и поехали навстречу ягуару. Подъехавши на расстояние 1–2 метра, передний матрос выстрелил и ранил зверя. Но прежде, нежели матросы успели опомниться, ягуар ухватился за борт лодки и вскочил в нее, несмотря на удары веслами и прикладом. Тогда матросы сами поспешили оставить лодку, бросившись за борт в воду. Ягуар же, оставшись в лодке, улегся там и преспокойно плыл вниз по реке, пока, заметив за собой погоню других охотников, не прыгнул сам в воду и не спасся на другом берегу».

Молодых ягуаров можно приручить, но они должны быть пойманы еще сосунами, иначе не сладить с их хищной натурой. Движения ручных животных легки и грациозны; они ласться к сторожу и за-

игрывают с ним, подобно домашней кошке. Но все-таки с ними нужно постоянно держаться настороже, так как ручной ягуар никогда не прочь показать хозяину свои острые зубы. Напрасно ему отпиливают клыки и резцы и обрезают когти; он может причинить много вреда одной своей силой. Я видел однажды, как такой искалеченный ягуар, на которого дети садились без боязни, напал на ухаживавшую за ним десятилетнюю негритянку, в припадке гнева, одним ударом лапы повалил ее на землю, и, несмотря на то что ребенка тотчас же вырвали, он своим беззубым ртом так придавил ей руки, что она потеряла сознание и пришла в себя только через несколько часов. Легче приручаются самки, хотя и им чуждо чувство благодарности к хозяину.

От скрещивания ягуара с леопардом и пантерой в неволе происходят способные к размножению убудки; такова, напр., серая пантера — от скрещивания ягуара и черной пантеры.

Причиняя страшный вред поселенцам, ягуары подвергаются ожесточенному преследованию со стороны человека. За ними охотятся и со стрелами, намазанными ядом кураре, и просто с одним кинжалом, и с собаками, наконец, верхом. Первый способ охоты, конечно, самый безопасный; также и последний, когда охотники накидывают на зверя лассо и потом, пустившись в галоп, волочат его по земле. Другое дело — выступать один на один: тут нужно большое самообладание. Охотник, завернув левую руку в овечью шкуру, а правую вооружив кинжалом, отправляется с 2–3 собаками по следам ягуара, подходит к нему близко и старается раздражить зверя. Тот, придя в ярость, подобно медведю, кидается на человека, стоя на задних лапах. Тогда охотник всовывает в раскрытую пасть его свою левую руку, а правой в то же время наносит сильные удары.

Ягуар

Вместо кинжала охотники вооружаются иногда копьем; но тогда отправляются на охоту вдвоем: один с копьем, а другой — с вилами, которыми он и прижимает зверя к земле; первый в это время колет его, а собаки, дергая зверя за хвост и другие нежные органы, не дают ему броситься на охотников.

Мех ягуара не особенно высоко ценится в Южной Америке, но мясо молодых считается вкусным, напоминая свинину. Затем, некоторые части тела употребляются южноамериканцами в качестве лекарства. Так, думают, что жир помогает от глистов, зола костей — против зубной боли и пр.

Заканчивая описание обширного рода кошек, мы должны упомянуть еще о следующих, более мелких американских представителях его. Это:

- 1) чати;
- 2) оцелот;
- 3) тигровая кошка;
- 4) длиннохвостая кошка;
- 5) пампасовая кошка.

Все они, за исключением оцелота, очень редки в наших зоологических садах, да и тот в неволе не дает никакого представления о своем настоящем характере.

Другой род семейства кошачьих, представители которого широко распространены по лесам, степям и пустыням Старого Света, за исключением Австралии, представляет рысь (*Lynx*). Сюда относятся животные, легко отличимые по своим ушам, оканчивающимся кисточками, затем, в большинстве случаев, по густым бакенбардам и короткому, недоразвитому хвосту. Рассмотрим следующие виды: **болотную рысь, степную, или каракала, полярную, или пищу, рыжую, обыкновенную и пардовую рысь.**

Болотная рысь, или джунглевая кошка (*Lynx chaus*), представляет собой довольно стройное животное не более 3 фут. в длину (90 см, из которых 22–27 хвост), покрытое желто-серой или серо-бурой, с темными полосами, шерстью, а в Индии — впрочем, редко, — попадаются черные экземпляры. Глаза зеленовато-желтые. Областью распространения этого вида является большая часть Африки и южная, а также и западные части Азии, особенно Персия, Сирия, Индостан, Каспийское побережье; в Гималаях она поднимается до высоты 8500 футов. Во всех этих странах любимое ее местопребывания — леса, а где их нет, напр. в Нильской равнине или джунглях Индии, то сухие места среди болот, в камышах и тростниках, наконец, хлебные поля. Днем и ночью можно заметить этого хищника, неслышно крадущегося, подобно настоящей кошке, за добычей; прижимаясь к земле и поводя ушами, животное, как змея, скользит в траве и вдруг одним прыжком бросается на добычу... Пища ее состоит из мышей и крыс, а также разных птиц — степных курочек, камышовок, ржанок, кур, голубей, наконец, из зайцев, тушканчиков

и т. п. На более крупных животных она никогда не нападает, а человека, по-видимому, избегает, хотя при случае, особенно раненая, отчаянно защищается. В неволе рысь ведет себя как и другие дикие кошки: злобно и бешено, если попадет в неволю взрослой, и напротив, добродушно, ласково, если попадет к человеку детенышем.

Дюмихен рассказывает, что раз, во время путешествия по Египту, ему пришлось быть в храмах Дендера. Здесь он услышал, что под полом бывшая с ним его собака во-

зится с каким-то животным. Проникнув в подземелье, путешественник с изумлением заметил, что это была болотная рысь; животное, очевидно, попало сюда в поисках летучих мышей, но не сумело найти выхода и казалось совсем истощенным. Дюмихен взял его с собой, накормил, приласкал, и с тех пор рысь так привязалась к своему спасителю, что всюду следовала за ним, как верный друг; подружилась она и с собакой, и они целыми днями мирно играли вместе.

Степная рысь, или **каракал** (*Lynx caracal*), немного меньше предыдущей (длина — 65–75 см, хвост 25); ноги у нее выше, тело тонкое, с длинными, узкими, заостренными ушами с кисточкой. Худощавая, стройная фигура и сильные ноги, приспособленные для быстрого бега, делают этого хищника настоящим «сыном пустыни», а темный или светлый серовато-желтый, без пятен, цвет шерсти как нельзя лучше сливается с почвой и делает трудноотличимой (черные полосы встречаются у этой рыси только на голове). Болотная рысь населяет всю Африку и Южную Азию и охотится не только на мелких, но и на крупных животных. В неволе это — пренеприятное животное. Стоит подойти к клетке, где оно лежит, по-видимому, спокойно, чтобы возбудить его гнев. Оно сердито вскакивает тогда и с фырканьем и урчаньем бросается на зрителя, как бы желая растерзать его своими острыми когтями, или же забивается в самый дальний угол клетки и, прижав к черепу длинные уши и сверкая глазами, ворчит без конца.

Ни в одном зоологическом саду не удавалось приручить каракала, а между тем в Индии давно уже не только отлично приручают его, но и дрессируют для охоты на птиц, лисиц, зайцев, павлинов и пр.

Полярная рысь, или **пишу** (*Lynx borealis*), один из важнейших пушных зверей Северной Америки и вместе с тем — величайшее из животных этого рода, водящихся там: длина ее достигает почти 4 фут., из которых 5 д. занимает хвост (точнее — 1,15 метра, и 13 см хвост). Длинный, густой, мягкий мех ее имеет буровато-серебристо-серую преобладающую окраску; пятна почти незаметны и сливаются с общим тоном: светло-серое лицо обрамлено такой же бородой, кроме черного пятна под челюстями; летом мех принимает более рыжеватый оттенок, а зимой — более серебристо-белый. Местопребыванием рыси являются лесистые страны Северной Америки, на юге до Великих озер, на западе — до Скалистых гор. По описанию некоторых наблюдателей, напр. Ричардсона, полярная рысь довольно труслива и охотится лишь за зайцами да мелкими грызунами, от человека же и собак всегда бежит. Однако, вероятно, и она в случае нужды сумеет защитить свою шкуру. В неволе она угрюма и спокойна, но недружелюбна. Вместе с водящейся также в Америке **рыжей рысью** (*Lynx rufus*) этот вид является наиболее ценным для человека из всех диких кошек, так

как мех полярной рыси ценится довольно высоко (до 15–20 руб. шкурка). Самой красивой, большой и сильной из всего рода *Lynx* следует, бесспорно, признать **обыкновенную рысь** (*Lynx vulgaris*). Плотное сложение, сильные ноги и мощные лапы, напоминающие лапы тигра, — все это с первого взгляда указывает на большую силу животного. Довольно длинные, заостренные уши оканчиваются кисточкой черных густых (длиной в 4 см) волос, тело же одето густым, мягким рыжевато-серым с рыже-бурыми пятнами мехом, который свешивается по обе стороны бороды в виде бакенбард. Глаза бронзово-желтого цвета с крупным зрачком.

В прежнее время обыкновенная рысь была распространена по всей Европе, но теперь область ее распространения ограничивается лесами России, Скандинавии, Альп и Карпат; в южных странах Европы, напр. в Греции, Италии и Испании, нашу рысь заменяет родственная ей пардовая рысь, в остальных же местах нашей части света она совершенно истреблена; так, в Англии рысь исчезла уже давно, в Германии же последний экземпляр ее был убит в 1846 году.

По своим размерам рысь — самый большой представитель семейства кошек в северных лесах. Взрослая рысь по величине не уступит своему близкому родственнику — леопарду. Длина ее тела достигает иногда четырех футов, высота в шейке — двух футов, а вес — 90 фунтов и более.

При такой величине рысь обладает соответственной силой и общей всем кошкам ловкостью, а потому немудрено, что является очень опасным врагом для многих обитателей леса. Не говоря уже об оленях, даже огромный лось иногда подвергается нападению рыси. Отлично лазая по деревьям, рысь обыкновенно избирает своим наблюдательным пунктом одну из нижних ветвей; здесь она лежит, вытянув тело вдоль сука, закрытая листвой, и терпеливо по целым дням поджидает добычу; если какой-нибудь неосторожный олень покажется вблизи засады, хищник или прямо бросается на него сверху, или делает три-че-

тыре огромных прыжка и, вскочив на спину жертвы, перекусывает ей шею. Бывали случаи, когда подвергшиеся таким нападениям животные далеко убежали со своим страшным всадником. Так, однажды в одну из норвежских деревень прибежало перепуганное стадо коз; на одной из них сидела молодая рысь, так глубоко запустившая свои когти в тело жертвы, что сама не могла их вытащить; несчастная коза в испуге бросалась из стороны в сторону, пока, наконец, подоспевшим людям не удалось подстрелить ее врага.

Подобно многим другим своим родственницам, рысь отличается крайней кровожадностью и истребляет жертв больше, чем может съесть. Нередки примеры, когда одна рысь заедала целое стадо овец в несколько десятков голов. Оттого за рысью охотятся с большей ненавистью, чем за каким-нибудь другим хищником. Охота производится обыкновенно с опытными собаками, которые, открыв рысь на дереве, лаем призывают охотника, сами оставаясь на почтительном расстоянии. Рысь обыкновенно не трогается с места, так как несколько не боится собак. Этим пользуется охотник и, подойдя к дереву, стреляет в зверя. Но тут уж надо целить вернее! Раненая рысь — очень опасный враг: она яростно бросается охотнику на грудь и глубоко вонзает свои когти и зубы в его тело. Несчастные случаи на охоте за рысью да-

леко не составляют редкого исключения. Тем не менее охота за рысью, особенно там, где этих зверей встречаешь довольно часто, напр. В России, в Сибири, постоянно привлекает многих охотников — отчасти потому, что рысь, как уже было сказано, очень вредный зверь для стад, отчасти же потому, что рысий мех за красоту своего рисунка ценится довольно дорого. В Восточной Сибири цена хорошей рысей шкуры равняется цене трех собольих, шести волчьих, двенадцати лисьих и сотни беличьих мехов.

Водится рысь обыкновенно в самых непроходимых лесах, особенно в лесистых ущельях и оврагах, наполненных буреломом. Здесь она проводит день, ночью же выходит на охоту. Если лес обилён дичью, рысь ограничивается ею и не трогает домашних животных: косули, олени, барсуки, сурки, зайцы, рябчики, тетерева, даже белки и мыши составляют тогда ее пищу; в противном случае голодный хищник нападает на стада и даже делает попытки пробраться в овечьи и козьи хлева. В Швейцарии был случай, когда рысь, пробираясь в козий хлев, прорыла под стеной ход и уже просунула внутрь свою голову, как в этот момент была замечена бывшим в хлеве козлом; недолго думая, храбрый Васька наклонил свои рога, разбежался и нанес рыси несколько таких почтенных ударов, что хищник остался в норе мертвым.

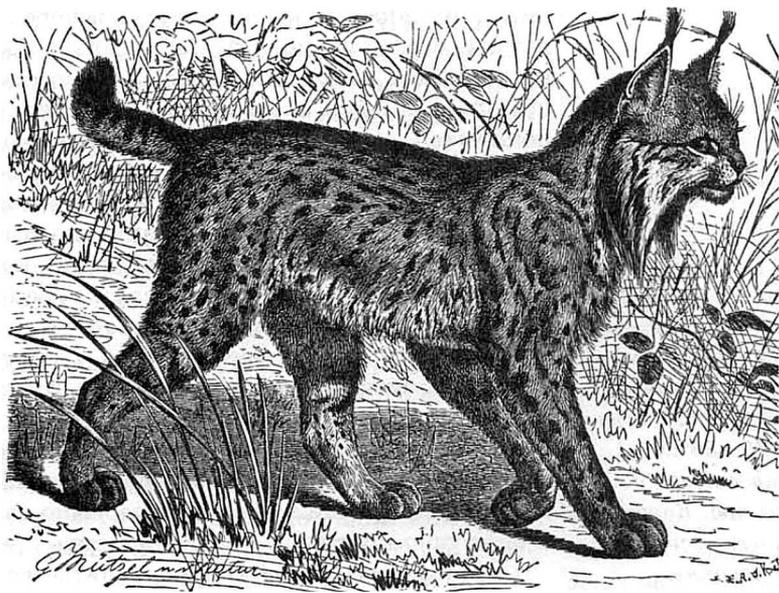
Содержимые в неволе рыси могут быть причислены к самым привлекательным из всех кошек. Правда, по сравнению с настоящими кошками они кажутся угрюмыми, упрямыми и ленивыми, неподвижно лежат половину дня на одной и той же ветви; но эта неподвижность — только кажущаяся. Присмотритесь внимательней, и вы увидите, как движутся уши и хвост, доказывая, что чувства зверя постоянно настороже. Рысь ведет себя с достоинством; спокойно и присталь-

Степная рысь, или каракал

но смотрит она на брошенный кусок мяса, медленно приближается к нему, схватывает его с быстротой молнии, учащенно виляя при этом своим коротким хвостом, но ест умеренно и спокойно. Другое дело, когда она увидит проходящее мимо животное: она вся настораживается тогда, принимая красивую позу хищника, находящегося в ожидании. Она не обращает даже ни на что внимания, будучи поглощена созерцанием соблазнительной для нее добычи. Если же последняя удаляется от нее, то рысь овладевает сильным нетерпением, и она начинает прыгать по клетке, с удивительной быстротой поворачиваясь во все стороны.

К сожалению, содержать в неволе это красивое животное не так-то легко: если

Пиренейская, или пардовая, рысь

оно хорошо переносит холод, но зато является крайне требовательным к пище: ест только лучшее мясо и требует перемены даваемого ей корма, иначе скоро умирает.

Совсем другое дело, если ей предоставить свободу. Один наблюдатель, Левис, рассказывает, что у него была молодая рысь, до того привыкшая к нему, что ходила за ним по пятам, словно собака, всегда отзываясь на свою кличку Люси. Это животное было выдрессировано для охоты и вело себя образцово, слушаясь малейшего знака хозяина. Как у настоящей охотничьей собаки, у нее было развито чувство чести и стыда.

«Однажды, — говорит Левис, — мне пришлось наблюдать оригинальную сцену. В нашей усадьбе был выкопан большой пруд. В ноябре он замерз; лишь посредине его вырубили прорубь, в которой теперь полоскались гуси. Моя рысь смотрела на птиц алчным взором. Низко присевши на льду, она ползком подвигалась вперед,

виляя от нетерпения хвостиком. Но вот гуси заметили врага. Тогда наша любительница охоты приседает и, как камень из пращи, кидается, расставив лапы, в середину испуганного стада, не подозревая, на какой обманчивой стихии покоится желанная добыча. Вместо того чтобы каждой лапой схватить по гусю, она шлепается в холодную воду, так как все птицы быстро выскочили из воды или нырнули. Я считал теперь гусей, рассеявшихся по гладкому, как зеркало, льду, погибшими, но, к удивлению, вместо того чтобы овладеть добычей, мокрая рысь сконфуженно проскользнула между беззащитными гусями, опустив голову и каждым движением выражая свой стыд, потом на много часов спряталась в уединенном месте. Голод, страсть к охоте и прирожденная кровожадность не могли подавить в ней стыда перед неудачным нападением.

Пользуясь полной свободой, Люси всегда была весела, подвижна и здорова, хотя питалась неправильно, так как в деревне в иное время и совсем нельзя достать свежего мяса.

Самой своеобразной чертой ее характера была ожесточенная ненависть к кошкам: она не могла равнодушно пропустить ни одного из этих бедных животных, чтобы мгновенно не растерзать ее. Все они боялись ее больше собак. Наконец, ее страсть грозила полным исчезновением в поселке всех „кисонек“, и я уступил ее в другие руки. Потом вскоре узнал, что бедное животное запрятали в клетку; привыкши к свободе, оно не вынесло этой жизни и скоро околело».

Мех рыси, особенно северных пород, всегда в хорошей цене (до 15 р.), да и мясо считается вкусным, поэтому это животное подвергается усиленному преследованию со стороны охотников.

В Южной Европе наша рысь заменяется несколько меньшим (не более 1 м) родичем ее — **пардовой рысью** (*Lynx pardinus*), покрытой рыжевато-серым с черными пятнами и полосами мехом и с буровато-серой бородой. На Пиренейском полуострове, где она особенно часто встречается, местопребыванием ее служат сплошные леса, где розмарин и вечно-зеленый дуб образуют рощи. Образ жизни ее такой же, как у ее северного родича; главная пища — дикие кролики, которыми так богата Испания. За ней точно так же усиленно охотятся частью из-за ее белого мяса, похожего по вкусу, говорят, на телятину, частью — из-за меха, идущего на куртки и шапки.

Третий род семейства кошек, **охотничьи леопарды**, или **гепарды**, представляет для зоолога большой интерес в том отношении, что является соединительным звеном между кошками и собаками. Латинское название гепарда — *Cynailurus* — как нельзя лучше характеризует этого зверя; он в самом деле — полусобака и полукошка. Его мех своей пестротой похож на шкуру леопарда, но своей жесткостью напоминает мех собаки. Голова гепарда, с ее низкими, широкими ушами, походит на кошачью, но длинные ноги с высунутыми наружу тупыми ногтями — собачьи, а хвост опять напоминает кошку. Характер гепарда точно так же напоминает и собаку, и кошку. Хитрость и лукавство, присущие кошачьей породе, соединены в нем с добродушием, миролюбием и понятливостью собаки.

Живет гепард преимущественно в степных местностях: Юго-Западной Азии (Персии, Туркестане), а также в Северо-Восточной Африке; травоядные обитатели этих стран служат ему главной пищей. Так как все степные животные, напр. антилопы, газели и т. п., отличаются большим проворством, гепард же, напротив, не в состоянии бегать долго и быстро, то во время охоты ему необходимо пускаться в ход всю свою хитрость. И в этом отношении гепард действительно не уступит лучшей собаке: тихо, неслышно ползет он к добыче, прижимаясь

к земле, и только подкравшись на близкое расстояние, решается на открытое нападение. Но одной способностью, свойственной большинству кошек, он не обладает: он не умеет лазить. Голос его также оригинален. Гепард мурлычет, подобно кошке, только грубее и глубже; в раздражении же он фыркает, подобно своим родичам, также свирепо щелкает зубами и при этом издает глухое ворчание, которое Блейт сравнивает с бляением козы.

Врожденная способность гепардов к охоте давно уже подмечена туземцами Азии, которые с давних пор приручают их в качестве охотничьих животных: отсюда немецкое название гепарда *Jagd leopard* — охотничий леопард. Иосиф Барбаро, путешественник XV века, видел у одного армянского князя сто дрессированных для охоты гепардов. Монгольские ханы прежнего времени держали этих зверей в еще большем количестве — целыми тысячами. И в настоящее время охота с гепардами в общем ходу на Востоке, особенно в Персии и Индии, где туземцы успешно дрессируют читу, тогда как фаххад с той же целью приручается арабами Сахары и абиссинцами.

Вот как один из очевидцев описывает подобного рода охоту.

«Погонщик верблюдов — их обыкновенно употребляют для отыскания дичи и для устройства охоты — сообщил нам, что за

полмили пасется стадо газелей. Мы тотчас решили преследовать их с нашими гепардами. Каждый гепард помещался на открытой тележке, запряженной парой волов. Животные были привязаны недоуздкой к верхней части телег; кроме того, провожатые держали их за ремни, связывавшие им ноги, а на головах гепардов были кожаные шапочки, закрывавшие им глаза. Так как газели чрезвычайно пугливы, то лучший способ приблизиться к ним — сидя в охотничьей тележке, которая устраивается так же, как обыкновенные крестьянские тележки; животные привыкли к этим последним и подпускают их на 70, даже на 50 сажен... У нас были с собой три гепарда, и мы подвигались к месту, где были замечены газели, так что одна телега следовала от другой на расстоянии около 100 аршин. В таком порядке въехали мы в поле хлопчатника, где увидели четырех газелей. Кучер моей телеги сумел подъехать к ним всего на 35 сажен, после чего с гепарда были сняты шапочка и путы. Заметив добычу, зверь тотчас прилег к земле животом и медленно стал ползти к газелям, прячась на пути за каждое возвышение. Но едва газели заметили его, как гепард вскочил, в несколько мгновений очутился среди них, схватил самку, пробежал с нею около 70 сажен, затем ударом лапы повалил животное на землю. Другой гепард, выпущенный вслед за первым, сделал четыре-пять отчаянных прыжков, но, промахнувшись, бросил преследование и с мурлыканьем возвратился назад в свою тележку... Когда пойманная газель была убита, один из охотников надел на гепарда шапочку, отрезал добыче голову, собрал кровь в деревянную чашку и поставил ее перед гепардом. Кроме того, ему дали, по праву охоты, одну ногу газели.

Уже из этого рассказа видно, как сравнительно легко становится гепард ручным. По нашему мнению, ни одна из кошек, за

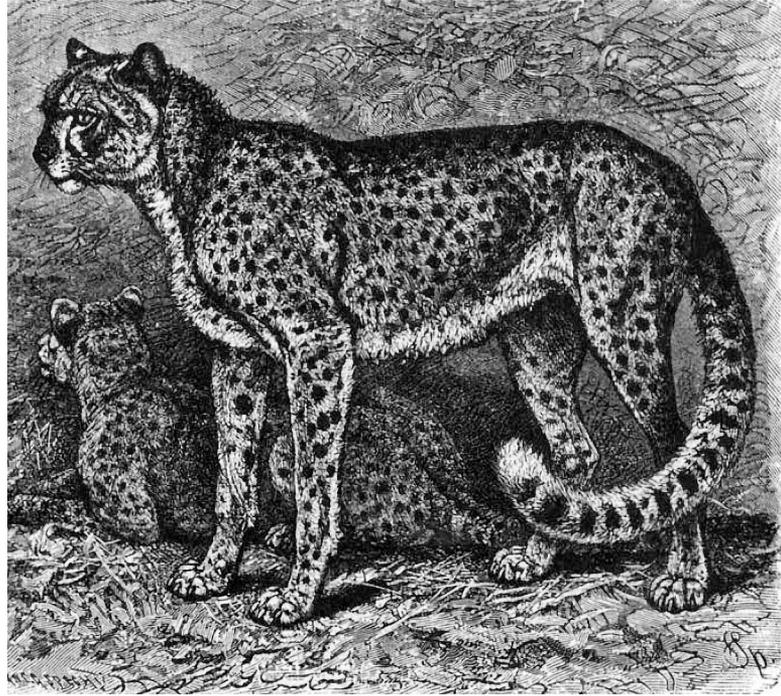
исключением разве льва, не может сделаться такой ручной. Будучи приручен, гепард теряет всякие следы дикости и отличается замечательным добродушием. Ему никогда не придет в голову перекусить тонкую веревку, которой его привяжут. Подходить к нему, гладить и ласкать можно без всякого опасения. Только присутствие других хищных животных выводит его из себя.

У меня был настолько ручной гепард, что я водил его с собой по улицам на веревке вместо собаки. Однажды я привязал Яка — так звали гепарда — к длинной бечевке, намотал последнюю на руку и таким образом повел его гулять. По дороге мне встретились две большие дворняжки, лениво шедших наперерез. Желая знать, что будет делать гепард, я спустил бечевку. Тотчас Як лег на землю и тихо пополз к собакам, которые, остановившись, с удивлением смотрели на невиданного зверя. Наконец, гепард пополз достаточно близко, вскочил на ноги, в три-четыре прыжка догнал одну из собак и ударами лап повалил ее на землю. Бедная дворняжка перепугалась до смерти и принялась жалобно выть. Все другие собаки, бывшие на улице, принялись ей вторить, что собрало на месте происшествия кучу народа. Видя это, я оттащил гепарда от его добычи и поспешил увести домой.

В другой раз мне удалось устроить турнир между Яком и пленным леопардом. Леопард этот отличался замечательно бешеным нравом — это был «черт в образе кошки». Обыкновенно он сидел на цепи в клетке, но в день боя клетку отперли и цепь удлиннили, привязав к ней веревку. Затем я позвал гепарда. Як был в чрезвычайно добродушном настроении и откликнулся на зов довольным мурлыканьем. Едва, однако, он заметил леопарда, как добродушие его мигом исчезло: глаза выпучились, грива встала дыбом. Як зафыркал и храбро бросился на врага.

Тот принялся яростно отбиваться, но скоро был повален на землю. Однако тут-то он и сделался особенно страшен: лежа на спине, он наносил Яку такие раны когтями, что я стал опасаться за жизнь своего любимца. Но гепард словно не чувствовал ран: он продолжал храбро кусать своего врага и победил бы его окончательно, если бы я не прекратил драки, облил противников холодной водой. Леопард с бешеным рычанием поспешил спастись в свою клетку; что касается Яка, то через несколько минут он пришел в свое обычное благодушное настроение.

Еще лучше характеризует гепарда следующий случай. Когда я жил в Александрии, некоторые из моих соотечественники зашли ко мне, чтобы взглянуть на мои коллекции, но не застали дома. При следующей встрече я шутя пообещал дамам привести к ним некоторых своих зверей и вскоре, узнав, что эти дамы собрались вместе, решил на самом деле исполнить свое обещание. Взяв своего Яка, я привязал его на веревку и отправился в гости. Когда прислуга увидела меня вместе с таким спутником, то хотела поднять тревогу, но я успокоил ее и, поднявшись вместе с Яком во второй этаж, в дверях залы попросил у бывших там дам позволения войти с собакой. Позволение, конечно, было дано, и гепард вслед за своим хозяином вошел в залу. Увидев страшного зверя, дамы перепугались, подняли крик и в отчаянии вскочили на большой круглый стол. Но это повело лишь к тому,

Гепард

что Як тоже вскочил к ним и, добродушно мурлыча, принялся ласкаться то к одной, то к другой. Мало-помалу страх дам прошел, и они принялись гладить гепарда, а через некоторое время он сделался их общим любимцем.

Из этих рассказов видно, что гепард, походя наружностью на кошек, своим характером, однако, гораздо больше походит на верных, добродушных друзей человека — собак.

Подобно тому, как гепард является соединительным звеном между кошками и собаками, так **фосса** служит переходом от кошек к виверрам.

Единственный представитель этого рода — **мадагаскарская фосса**, или **хорьковая кошка**, как называют ее — *Cryptoprocta ferox*. По общему виду, устройству морды и втягивающимся когтям ее можно было отнести к семейству кошек, но яйцевидные уши, более длинные, нежели у кошек, усы, особые железы под хвостом, откуда фосса выбрызгивает на своих врагов вонючую жидкость, — все это противоречит этому предположению, сближая фоссу с виверрами.

Что касается ее образа жизни и привычек, то в этом отношении осталось еще много темного, так как ни один европеец еще не имел возможности наблюдать ее. Между тем эта оригинальная кошка очень обыкновенна на Мадагаскаре, и по всему острову идет о ней худая слава как о первой любительнице домашней птицы. Словом, ее репутация не выше нашей лисы, пожалуй, только фосса — еще больший разбойник, так как, не ограничиваясь курами и гусями, смело нападает и на поросят. В то же время, вооруженная своим вонючим выделением, которого не может никто вынести, фосса почти не боится никаких врагов. Туземцы, правда, ненавидят ее от души, но все-таки и страшно боятся встречи с нею.

Путешественник Поллен рассказывает по этому поводу забавную историю. Цудсе, его слуга-охотник, встретил однажды фоссу, которая при его появлении выразила фырканьем свое удивление (обыкновенно же она ворчит, почти как собака). Вместо того чтобы пойти на ненавистного врага, перепуганный охотник, дрожа всем телом, бросил ружье, влез на дерево и оставался там, пока животное не скрылось в ближайших кустах.

Между тем туземцы очень лакомы до мяса фоссы и при случае не прочь достать его. Обыкновенно они подманивают зверя на живого петуха и издали поражают его стрелами или пулями.

С внешней стороны фосса нельзя сказать чтобы красивый зверь: ее длинное (более 2¹/₂ фут.), вытянутое туловище, снабженное длинным (до 2 фут.) хвостом, покрыто коротким, густым и жестким мехом красновато-желтого цвета; ноги — низенькие (всего 6 дюйм.). Впрочем, когда этот зверь крадетсЯ со своими кошачьими ухватками за добычей, он не лишен некоторой грациозности.

Мадагаскарская фосса

Семейство **виверровых** (Viverridae) отличается от кошек длинным, тонким, на коротких ногах телом относящихся к нему животных; длинной, тонкой шеей, на которой сидит вытянутая голова с небольшими глазами, длинным, большей частью висячим хвостом, четырех- или пятипалыми ногами, у многих втяжными когтями. Характерный признак представляют также находящиеся под хвостом особые железы, выделяющие пахучее вещество, которое иногда скопляется в особом мешке. Зубы виверр, в числе 36 или

40, как у настоящих хищников; клыки — большие, острые и тонкие, резцы — мелкие, коренные — зубчатые, острые. Распространены виверры главным образом в Африке и Южной Азии; в Австралии их совсем нет, в Америке встречается только один вид, в Европе, по побережью Средиземного моря, — 3 вида. Местопребыванием их служат самые разнообразные местности: степи, пустыни, леса, речные берега; они ютятся и в расщелинах скал, и в дуплах деревьев, и в земляных норах, наконец, просто в кустарниках.

По образу жизни виверры — большей частью ночные животные, быстрые, живые; лишь некоторые из них можно назвать ленивыми; большинство их живет на земле, а некоторые — на деревьях. Из чувств лучше всего развито обоняние, с помощью которого виверры и находят свою добычу (большой частью вредных для человека мелких животных). На втором месте по остроте стоит зрение; зрачок у одних — круглый, у других — щелевидный.

Слух, а также осязание и вкус заметно менее развиты, хотя стоят все-таки не низко, так как многие виверры, напр., различают сладость плодов; другие относятся не безразлично к пахучим выделениям, вообще свойственным этим животным.

Виверры и страннохвосты распространяют заметный мускусный запах. Утверждали, что в замкнутом пространстве последний невыносим, но я не замечал этого; по мне, вонь от куниц или волков гораздо неприятнее.

Со стороны умственного развития виверр не следует ставить очень низко. По крайней мере, и на свободе, и в неволе я замечал в них ум, и способность к усвоению, и чувство симпатии или антипатии. По моему мнению, мало животных, которые бы легче приручались, чем виверры. Но добродушными их во всяком случае нельзя назвать: не только по отношению к животным других видов, а даже к экземплярам того же вида виверры относятся недоверчиво, фыркают, злятся, кусаются и дерутся, так что едва можно разнять их.

Настоящая дружба между этими животными чрезвычайно редка; впрочем, мне пришлось наблюдать чету очень нежных супругов. Матери довольно нежно любят своих детенышей, число которых колеблется от 1 до 6. Детеныши легко свыкаются с неволей, довольствуясь сырым мясом, молоком с хлебом и плодами; но очень чувствительны к влиянию погоды и любят чистое помещение. Виверр держат то для ловли крыс или мышей, то для добывания драгоценного цибета, то ловят из-за меха, а местами — из-за мяса.

Виверр делят обыкновенно на две группы: **кошконогих** (Ailurogoda) с втяжными когтями, и **собаконогих** (Cynopoda) с невтяжными когтями. К первой группе прежде всего относятся собственно **виверры**. Это — животные с вытянутым в длину телом, но на довольно длинных ногах, с пятью пальцами и повислым хвостом; уши — широкие, короткие, глаза с круглым зрачком, умеренной величины, морда острая, мех мягкий. Наиболее известна — **африканская циветта** (*Viverra civetta*), ростом со среднюю собаку (70 см в длину, и хвостом в 35 см), по наружности представляет среднее между куницей и кошкой. Толстое тело ее оканчивается широкой, выпуклой головой с несколько заостренной мордой, короткими, острыми ушами и косо прорезанными глазами с круглым зрачком. Густой, грубый и довольно редкий мех, переходящий на спине в черно-бурую гриву, имеет красивый пепельно-серый, иногда желтоватый основной фон, на котором выступают многочисленные круглые и угловатые черно-бурые пятна; на шее эти пятна белые, точно так же, как и морда на конце.

Родиной циветты являются главным образом страны Нижней и Верхней Гвинеи (хотя она встречается и в Восточной Африке), где она живет на бесплодных плоскогорьях и горах, скудно поросших растительностью. Днем она спит, а ночью выходит на добычу, нападая на мелких млекопитающих, птиц, а в случае нужды поедая земноводных и даже плоды и корни.

Пойманные молодыми циветты скоро свыкаются с неволей, пойманные же старыми всегда остаются дикими и раздражительными; будучи рассержены, они сгибают спину, как кошки, поднимают гриву дыбом и издают хриплый звук, несколько похожий на ворчание собаки. Сильный запах мускуса, издаваемый этими животными в неволе, делает их едва выносимыми для слабонервных людей. Зато выделяемый ими цибет, прежде служивший лекарственным средством, а теперь входящий как существенная составная часть во многие благовония, доставляет порядочный доход. Для этой цели раньше держали циветту во многих городах Италии, Германии и Голландии, а также в Каире.

Для добывания этого вещества животное крепко привязывают к прутьям клетки, затем пальцами выворачивают железистый мешок и выдавливают жирное, маслянистое, похоже на сало содержимое его, после чего смачивают мешок кокосовым молоком или молоком животных, чтобы успокоить боль, причиняемую виверре при выдавливании. Обыкновенно эту операцию производят дважды в неделю. Свежий цибет представляет белую пену, которая затем буреет, несколько теряя свой запах. Затем его подвергают очистке: намазав на листья бетеля, очищают от волос, потом моют водой, а после — лимонным соком и, наконец, сушат на солнце. Сухой цибет сохраняют в прохладном помещении, в жестяных или оловянных коробках. Лучшим сортом считают цибет азиатской виверры, с Буру, одного из Молуккских о-вов, затем идет яванский цибет, наконец, бенгальский и африканский. Обыкновенно самцы доставляют меньше цибета, нежели самки, но зато лучшего качества. В настоящее время торговля этим пахучим веществом сильно упала, так как ему все более и более предпочитают мускус.

По словам Чекки, в Каффе ежегодно ловят до 200 виверр; получаемый пахучий продукт продается по цене 0,6–1,8 марки (30–90 коп.) за вес талера, т. е. 27 грамм.

Что касается значения цибета для самих животных, то этот вопрос остается еще не выясненным; полагают, впрочем, что цибет служит средством для привлечения животных другого пола.

Несмотря на давнишнее, по-видимому, знакомство человека с циветтой, образ жизни этого животного и до сих пор точно не изучен, равно как и содержание в неволе. У меня были циветты, два детеныша, тихие и скучные, спавшие целый день. Но скоро один загрыз другого в драке, а потом и сам умер от полученных ран. Другие виверры, которых я наблюдал, мало отличались от них: днем они также спали, а ночью начинали безостановочно бегать по своему помещению мелкими, скорыми шагами, выказывая замечательную ловкость и гибкость. В это время они проявляли сильный аппетит, а днем часто не обращали внимания на самые лакомые куски. Живую добычу они схватывали с быстротой молнии, не тратя времени на подкрадывание и другие ухищрения при нападении.

Африканская циветта

В Лондонском зоологическом саду циветты успешно размножались.

Почти то же, что можно сказать об африканской циветте, относится и к **азиатской**, или **настоящей**, **циветте** (*Viverra zibetha*), немного больших размеров (длина тела — 89 см, хвост — 56), с более острой мордой и длинными ушами. Шерсть, нигде не образующая гривы, темная, буровато-желтая, на которой выступают частые темно-рыжие пятна, сливающиеся на спине в широкую черную полосу. Распространена по всему Индокитаю, где живет в рощах и кустарниках, занимаясь кражей уток и кур.

В том же Индокитае, а также и в Индии, за исключением стран по Инду и западной части Раджпутана, встречается другой вид виверры, **расса** (*Viverra malaccensis*), значительно меньших размеров (60 см), но с более длинным хвостом и большими ушами, при очень узкой морде. Говорят, она бродит и днем, ловко лазая по деревьям. Расса мечет 5–6 детенышей. Малайцы держат ее в неволе из-за доставляемого ею цибета; кормят они ее рисом и бананами или, для перемены, птицами; от кормления бананами, говорят, получается особенно благовонный цибет.

По моим наблюдениям, это — крайне красивое, подвижное, гибкое и ловкое животное, напоминающее по грациозности своих движений нашу кошку. Она ходит, держась высоко на вытянутых ногах, садится, как кошка и собака, часто встает на задние ноги,

подобно грызунам, и «служит», как собачка. Ее чуткий нос находится в постоянном движении; она обнюхивает все, что дают; жадно бросается на живых животных всякого рода, хватая их зубами, душит, некоторое время играет, как кошка, затем быстро пожирает. Голос ее представляет сердитое кошачье ворчание; кроме того, она фыркает; в гневе щетинит шерсть и распространяет сильный запах цибета. Особенную живость она обнаруживает утром и вечером. Супруги живут мирно, но с другими животными даже того же вида и эта циветта постоянно не в ладах; особенно злобно она бросается на кошек и собак, если их держать перед нею. В зоологических садах она размножается.

Генетта (*Viverra genetta*), единственная виверра, встречающаяся в Европе, отличается очень вытянутым телом, пятипалыми ногами и длинным хвостом. Величина ее тела — 50 см, хвост — 40 см; голова маленькая, с длинной мордой и короткими, широкими ушами. Глаза с таким же зрачком, как у кошек, днем кажущимся щелью. Пахучего вещества (с запахом мускуса) выделяется мало. Основной фон короткого, густого и гладкого меха — светло-серый; пятна черные и белые. Настоящее отечество этого крайне изящного, но при этом очень хищного и кровожадного, злого и смелого зверька — горы Атласа; но он встречается в Испании и Южной Франции. Днем он прячется, ночью же выходит на добычу, неслышно скользит от камня к камню, от куста к кусту, старательно нюхая и прислушиваясь по всем направлениям, всегда готовый при малейшем признаке присутствия живого маленького животного напасть на него и задушить. Главная его пища — крысы и мыши, затем — птицы и их яйца.

Генетту очень легко приручить, и в неволе она очень добродушна; с себе подобными, в противоположность вышеописанным видам, она живет в мире и согласии. В Марокко ее держат для ловли крыс и мышей, вместо домашней кошки. В доме этот чистоплотный, изящный зверек очень приятен, если бы не запах мускуса, испускаемый им и многими совершенно непереносимый.

Мало отличающийся от собственно виверр **линсанг** (*Prionodon gracilis*) выделяется Грэем в качестве представителя особого рода. Очень острая голова, необыкновенно вытянутое тело (в 70 см с хвостом), почти равный ему хвост и лишенный гривы гладкий мех — таковы внешние признаки этого животного. Зубов — 38. Шерсть светло-серая или желтовато-белая с темно-бурыми пятнами и полосами. Родина линсанга — Б. Зондские о-ва, Малакка и Сиам. Кроме него, на материке Азии встречаются еще: 1) пятнистая тигровая циветта (*P. pardicolor*) и 2) *P. maculosus*, до 90 см величины.

К циветтам довольно близки также **пальмовые куницы**, или **страннохвосты** (*Paradoxurus*), хвост которых имеет у некоторых видов свойство закручиваться в кольца, отчего, по-видимому, и происходит их название. На ногах у них по 5 пальцев с выдвигаемыми когтями, которыми они схватывают добычу, подобно кошкам; глаза — кошачьи, зубов — 40. Запах выделяемой жидкости

несколько не похож на тот, который издают циветты, у некоторых видов он крайне противен. Все страннохвосты живут в Южной Азии и на близких к ней островах, преимущественно Зондских. Выходят на добычу ночью, отлично лазают и гоняются за птицами и мелкими млекопитающими. Впрочем, иногда они предпочитают растительную пищу, производя набеги на сады и плантации.